

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 9 3 1

№ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ТРЕТИЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Е
Ж
Е
М
Е
С
Я
Ч
Н
Ы
Й
Ж
У
Р
Н
А
Л

О
Р
Г
А
Н
И
Н
С
Т
И
Т
У
Т
А
Э
К
О
Н
О
М
И
К
И
К
О
М
М
У
Н
И
С
Т
И
Ч
Е
С
К
О
Й
А
К
А
Д
Е
М
И
И

№ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

13-я типо-цинкография
«Мосполиграф»,
Москва, Петровка, 17.
Уполномоченный
Главлита № Б 864.
Зак. 326. Тир. 7600.
10 печ. л. С.-Э. (п.) № 94
Статформат Б, 176 × 250
Тех. ред. Н. Воронин

К. БУТАЕВ

СССР ЗАВЕРШАЕТ ПОСТРОЕНИЕ ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ.

Третий год пятилетки—решающий год осуществления пятилетнего плана работ по строительству социализма. Завершение пятилетки в четыре года, а по основным решающим отраслям в три года—эта величайшая победа пролетариата подводит нас к коренному разрешению проблемы материальной базы социализма в нашей стране. Если к концу 1931 г.—этого переломного года в строительстве социализма — будет 50% коллективизированных мелких хозяйств в СССР наряду с крупной социалистической промышленностью, то одно это обстоятельство устраняет ту величайшую трудность социалистического строительства в мелкокрестьянской стране, которая заключается в том, что это строительство приходилось до сих пор базировать на двух разных основах: на основе самой крупной социалистической промышленности и самого мелкого распыленного крестьянского сельского хозяйства. В 1931 году мы в совхозах и колхозах будем иметь 50,2% всей посевной площади, 54% валовой продукции растениеводства, свыше 44% валовой продукции всего сельского хозяйства и 17% всей продукции животноводства.

Эта победа социализма в сельском хозяйстве в корне ликвидирует прошлую нашу слабость, благодаря которой социалистическая промышленность не могла развернуть полностью те колоссальные возможности, которые заложены в ее природе. «Наша слабость в прошлом была в том, что промышленность базировалась на распыленном крестьянском хозяйстве. Но это было. Теперь этого уже нет. Завтра, может быть через год, мы станем страной самого крупного в мире сельского хозяйства. Совхозы и колхозы, а они являются формами крупного хозяйства, — уже в этом году дали половину всего нашего товарного зерна»¹.

Третий год пятилетки является исторически-замечательным годом еще потому, что он совершает величайший поворот к невиданным во всей человеческой истории темпам возрастания промышленного производства. Не 21% прироста, как предполагалось по пятилетнему плану в 1930/31 году, не 25%, как осуществлено в 1929/30 г. — во втором году пятилетки — а 45%. Причем, — что особенно важно с точки зрения построения материальной базы социализма, — производство средств производства возрастет за один этот год почти на 58% против 26% по пятилетнему плану и 39% в 1929/30 году, составляя таким образом по удельному весу уже 58% от всей продукции планируемой промышленности.

Этот размах промышленного производства СССР, с одновременным гигантским размахом крупного социалистического сельского хо-

¹ Сталин. Речь на конференции работников промышленности.

зйства коренным образом меняет качественную особенность нашей экономики, которую мы до сих пор определяли только как экономику переходного периода от капитализма к социализму. Теперь наша экономика не только переходная экономика. Теперь мы вступили в период социализма и в 1931 г. завершаем построение фундамента социалистической экономики. Находясь еще в полосе переходного от капитализма к социализму периода, мы находимся уже на последнем этапе нэпа, на последнем этапе перехода от капитализма к социализму.

Третий год пятилетки — это поворотный пункт, с которого развитие страны пойдет исключительно в социалистическом направлении. Это тот год, когда мы завершаем осуществление той главной задачи, которую поставил Ленин перед партией и пролетариатом при переходе к нэпу, — а именно — задачи построения фундамента социалистической экономики.

«Наша страна — говорит декабрьский пленум ЦК и ЦКК — где социалистический сектор занял абсолютно преобладающую роль в народном хозяйстве, вступила в период развернутого социалистического наступления, в период социализма. Наступающий 1931 г. будем годом новых достижений, новых крупнейших успехов социализма в его борьбе с капитализмом. Выполнение плана в области коллективизации даст абсолютный перевес социалистических элементов над индивидуальным сектором в деревне, упрочит смычку рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и завершит построение фундамента социалистической экономики СССР. Это будет победа всемирно-исторического значения».

* * *

Что дает основание говорить, что мы уже вступили в период социализма и в 1931 году завершим построение фундамента социалистической экономики?

Переход к социализму, построение его фундамента не могут не идти по-разному в различных странах в зависимости от того, какие классовые соотношения, какой уровень развития крупной промышленности и сельского хозяйства имеются налицо в момент социалистической революции. «Ни один социалист в мире не отрицал того, что создание коммунизма пойдет по-разному в странах крупного и в странах мелкого земледелия². В условиях мелкого земледелия и разоренности крупной промышленности, какие мы имели в нашей стране в начале нэпа, прямой переход к социализму был еще невозможен. Такой переход однако бы возможен, если бы мы имели развитую крупную промышленность и крупное сельское хозяйство. «Если бы мы имели государство, — говорит Ленин, — в котором преобладает крупная промышленность или же, скажем, не преобладает, но очень сильно развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен»³.

В нашей стране ни в 1918, ни в 1921 годах не было еще ни того, ни другого. Прямой переход к социализму был поэтому невозможен. Ну-

² Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 146.

³ Там же т. XVIII, ч. 1, с. 151.

жны были предварительные «переходные» меры, нужна была особая политика — нэп, обеспечивающая эти меры, и в то же время построение фундамента социалистической экономики. В конкретных экономических и классовых условиях начала 1921 года политика военного коммунизма не могла обеспечить экономику социалистического фундамента в мелкокрестьянской стране. Наоборот, «экономика весны 1921 года превратилась в политику: «Кронштадт»⁴, в политику антипролетарскую, в политику войны с социализмом. Эта же экономика весны 1921 года определила крутой поворот политики партии и пролетариата от военно-коммунистической к новой экономической политике. Последняя явилась именно той политикой, которая обеспечивала правильный подход к задаче построения фундамента социалистической экономики в условиях мелкого производства в земледелии и отсталости и разоренности крупной промышленности, ибо «экономически и политически нэп вполне обеспечивает возможность постройки фундамента социалистической экономики»⁵. Но он должен был превратить эту возможность в действительность. «С точки зрения мировой истории нэп, — это «деталь развития» (Ленин). Но как особая политика пролетарского государства он был призван осуществить «смычку экономики пролетариата с экономикой крестьянства». Он был «удобнее для крестьян как переход к социализму, привычнее; единственно возможный путь при разорении крупной промышленности»⁶, рассчитанный на громадное возрастание социалистических элементов в нашей стране, на вытеснение и ликвидацию капиталистических элементов, на победу социализма над капитализмом, на уничтожение классов и на постройку фундамента социалистической экономики».

В начале нэпа фундамента социалистической экономики у нас еще не было. К этому времени мы завершили буржуазно-демократическую революцию до конца, очистили 400-летний феодально-помещичий навоз за 4 года, революционно вышли из империалистической войны и построили Советское государство — первое в мире.

«Четвертая и главная (задача. — К. Б.) — говорил Ленин тогда, — не доделана: фундамент социалистической экономики»⁷.

С ведением нэпа перед нами стояла эта трудная задача постройки этого фундамента; мы должны были бороться за него в условиях невероятно тяжелых. «При условиях громадного разорения страны и истощения сил пролетариата, рядом усилий почти сверхчеловеческих, мы боремся за самое трудное, за фундамент действительно социалистической экономики, за правильный товарообмен (вернее — продуктообмен) промышленности с земледелием»⁸.

Фундамент социалистической экономики обеспечивает прежде всего крупная хорошо развитая промышленность.

На базе отсталой и притом еще разоренной промышленности создавать экономическую базу социализма нельзя. Если бы наша социалистическая крупная промышленность не была восстановлена и развита

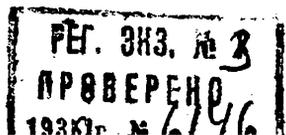
⁴ „IV Ленинский сборник“, с. 377.

⁵ „VIII Ленинский сборник“, с. 68.

⁶ Там же, с. 10.

⁷ „XIII Ленинский сборник“, с. 16.

⁸ Ленин, Собр. соч. т. XVIII, ч. 2.

в еще большей степени, чем до войны, если бы электрификация страны не имела тех гигантских успехов, которые она имеет, «если бы прежнее бедное нищенское крестьянское хозяйство осталось по-старому, тогда ни о какой прочной постройке социалистического общества не может быть и речи»⁹.

«Создать экономическую базу социализма,—говорит т. Сталин,— это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктами сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего капитал, создать в конце концов такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов»¹⁰.

Возможность создания этой базы была дана в совокупности тех условий, в которых находилась страна пролетарской диктатуры в начале нэпа. Ибо «основная экономическая сила — все решающие крупные предприятия, железные дороги и т. д. — они все в наших руках... Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму»¹¹.

«Вполне достаточно, — говорил Ленин в другом месте, — экономических и политических средств для постройки фундамента социалистического общества»¹².

Эта реальная возможность построения фундамента социализма была заложена в природе советской экономики в начале нэпа. Она давалась наличием такой власти, основной целью которой было и есть построение социализма в нашей стране, наличием командных высот экономики страны в руках пролетарской государственной власти, наличием сплоченного пролетариата, монолитностью его партии, единой и единственной в стране. Эта возможность базировалась на разрешимости противоречий между пролетариатом и крестьянством, на возможности вытеснения, ограничения, а потом и ликвидации существующего и растущего из мелкотоварных условий страны последнего серьезного капиталистического класса — класса кулачества. Условием же действительной реализации этой возможности была и есть правильная с точки зрения пролетариата и социализма политика партии и пролетарского государства.

Таким образом правильно поставленная четвертая и главная задача — задача построения фундамента социалистической экономики — должна была быть осуществлена при владении пролетарским государством командными высотами экономики страны и при правильной политике руководящей партии. Ленин даже предсказал срок осуществления построения фундамента социалистической экономики при этих условиях. «Минимальный срок, в течение которого можно было бы так наладить крупную промышленность, чтобы она создала фонд для подчинения себе сельского хозяйства, исчисляется в десять лет. Этот срок минимальный при неслыханно благоприятных технических усло-

⁹ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 391

¹⁰ Сталин, Речь на VI пленуме ИККИ, (1926). Стеногр. отчет, с. 10.

¹¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, с. 39.

¹² „XIII Ленинский сборник“, с. 12.

виях. Мы же знаем, что мы находимся в условиях неслыханно неблагоприятных»¹³.

При этих «неслыханно неблагоприятных условиях» правильная ленинская политика партии должна была сделаться и действительно сделалась основной предпосылкой осуществления задачи построения фундамента социалистической экономики. Прошло меньше десяти лет с тех пор, как Ленин поставил эту главную задачу перед партией. И что мы имеем теперь? Мы имеем теперь новую фазу переходного периода, которая коренным образом отличается от той фазы, в условиях которой Ленин говорил об отсутствии еще у нас фундамента социалистической экономики и определял дальнейшие задачи пролетариата и его партии. Мы имеем теперь развернутое социалистическое наступление по всему фронту. Мы имеем последний этап нэпа, который в то же время является первым периодом социализма. Мы имеем этап завершения построения фундамента социалистической экономики.

* * *

Чем характеризуется конкретно переживаемый нами этап? К своему десятилетию, нэп как особая политика пролетарского государства может записать в графу величайших достижений разрешение крупнейшей задачи — создание крупной социалистической промышленности. Крупная промышленность — материальная база социализма. Успехи ее за прошедшие десять лет у нас несравнимы. Политика нэпа как политика обеспечения построения фундамента социализма, политика индустриализации как составная часть этой политики, обеспечили такой скачок промышленного производства в нашей стране и такое качественное изменение экономики страны, что мы вправе сказать, что мы уже создали экономику первого периода социализма. За эти десять лет мы прошли этап восстановления довоенного уровня промышленного производства, этап социалистической реконструкции нашей промышленности, продолжающийся еще более интенсивными темпами и в настоящий период.

За это время мы разрешили проблему накопления внутри страны, позволяющую нам вкладывать в народное хозяйство в 1931 году 17 млрд. руб. в основные фонды. За эти десять лет мы разрешили проблему «кто—кого» в области промышленности, окончательно и бесповоротно и в 1931 году утроим довоенный уровень промышленного производства. Продукция крупной промышленности упала к началу нэпа до 17% довоенных ее размеров. Довоенная же продукция крупной ценовой промышленности составляла 5 620 млн. руб. (по довоенным ценам). Если производство 1913 года принять за 100, то к началу 1921 года добыча нефти составляла всего 42%, добыча угля — 27%, выплавка чугуна — 2,4%; производство плугов — 13,3%; цемента — 3%, а меди — 0%. Как видим, решающие отрасли промышленности находились в катастрофическом состоянии. С этой почти «нулевой» точки наша социалистическая промышленность сделала «бешеный» скачок и в 1931 году — ровно через 10 лет — мы будем иметь продукцию ровно в три раза большую, чем до войны. Один только прирост продукции в 1931 году равен довоенной продукции. Вся планируемая промышленность дает продукцию на сумму 29 670 млн. руб. (в ценах 1926/27 г.). По решающим отраслям мы в несколько раз преизойдем довоенный уровень производства.

Темпы развития промышленности по пятилетнему плану вызвали «смех» соединенный с ужасом у буржуазных экономистов и полити-

¹³ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 156.

ков. И не только у них. Оппортунисты правого и «левого» толка также шарахались в сторону от этих темпов и «молили» о их снижении. Жизнь доказала не только их выполнимость, но и значительное их реальное перевыполнение. За первые два года пятилетки планы выполнены: по капитальным вложениям в промышленность на 109%, по валовой продукции — на 104% в том числе по группе А — на 110%, а по группе Б — на 99%. По каменному углю вместо 87,7 млн. тонн по пятилетнему плану добыто 84,2 млн. тонн — 96% задания, по чугуну — 9,0 млн. тонн против плана в 9,1 млн. тонн — 99%. Это почти единственные отрасли тяжелой промышленности, по которым двухгодичный план полностью выполнен. Но наряду с этим мы имеем такое выполнение планов: по выплавке стали — на 104%; по прокату — на 109%; по электротехнической промышленности — на 134%; по сел.-хоз. машиностроению — на 109%; по производству тракторов — на 157,5%. В общей сложности промышленный план за эти два года перевыполнен на 4%. 1931 год на основе достигнутых успехов даст гораздо более высокие проценты перевыполнения пятилетних планов различных отраслей. По количеству рабочих и служащих промышленности мы выполняем весь пятилетний план, т. е. задание на 1932/33 год, — на 113%, на транспорте — на 123% и на 108% — в строительной индустрии. Вместо 12,8 млрд. руб. предполагавшихся капитальных вложений в обобществленный сектор мы вкладываем 17 млрд. руб. т. е. выполняем пятилетку в три года на 133%. В промышленность в 1931 году мы вкладываем 6,6 млрд. руб., против 4,4 млрд. руб., предполагавшихся по пятилетнему плану в 1932/33 г. — выполнение на 150%. По нефтедобыче — 118%, по добыче каменного угля — 112%, по общему машиностроению — 121%, по электротехнической промышленности — 113%, по грузообороту жел. дорог — 117%. По этим отраслям мы перевыполняем пятилетний план в три года. По чугуну, стали, прокату, цементу, выработке электроэнергии, по химической промышленности и пр. — пятилетний план перевыполняется уже в четвертом году.

О чем говорят эти успехи социалистической индустриализации? Они говорят о том, что если «пролетарская государственная власть держит фабрики, железные дороги, внешнюю торговлю» (Ленин) в руках и развивает их ускоренными темпами, то она строит «материальную базу» социализма. Крупная социалистическая промышленность и «электрификация — м е р и л о... Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация — все равно неизбежен возврат к капитализму»¹⁴. Без восстановления и дальнейшего социалистического развития крупной промышленности и электрификации «материальный и производственный базис социализма невозможен» (Ленин). И не восстановление промышленности вообще, а восстановление и развитие ее на базе электрификации, ибо «коммунизм — советская власть плюс электрификация всей страны». «Вместо неопределенной или отвлеченной формы восстановления крупной промышленности, мы теперь говорим об определенном, точно рассчитанном, конкретном плане электрификации»... «Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи»¹⁴ (Ленин).

¹⁴ „IV Ленинский сборник“, с. 374.

Как этот костяк материально-производственной базы социализма развился за период нэпа? План Гоэлро, разработанный под непосредственным руководством Ленина в начале 1921 года и рассчитанный в течение 10—15 лет по линии электростроительства на постройку районных станций мощностью в 1 525 тыс. квт, начинал с наличных 250 т. квт. Эта вторая программа партии выполнена к концу 1930 г. на 83,9%. Пущено в эксплуатацию районных станций на 1 050 т. квт, а вместе с существовавшими в момент составления плана Гоэлро—1 300 тыс. кв. т. В 1931 году эта мощность дойдет до 2 300 тыс. квт и план Гоэлро будет перевыполнен, несмотря ни на какие вредительства, которые особенно ощутительны были именно в области энергетики. Пятилетний план по выработке электроэнергии в 22 000 млн. квт-ч. будет в 1931 году выполнен на 58%, т. е. мы выработаем 12 700 млн. квт-ч. Несмотря на эти «бешеные» темпы роста мощности всех электростанций и выработки электроэнергии, последняя все еще недостаточна для удовлетворения потребности растущего у нас социализма. Но уже заложен твердый костяк материальной базы социализма. В 1931 году мы вкладывали в электростроительство 850 млн. руб., что составляет 219% против суммы капитальных вложений за предыдущий год. К концу текущего пятилетия мощность районных станций дойдет до 6 554 т. квт. Это значит, что партия и советская власть неуклонно ведут такую политику, которая превращает нашу экономику в социалистическую экономику... Необходимо «перевести хозяйство страны в том числе и земледелие на новую техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно»¹⁵.

В отношении выполнения плана ГОЭЛРО по другим отраслям промышленного производства картина гораздо благоприятнее. Следующая таблица дает наглядное представление о перевыполнении плана ГОЭЛРО по основным отраслям промышленности уже в 1931 году:

	в 1913 г.	По плану ГОЭЛРО в 1932/33 г.	{ в 1930 г.	в 1931 г. (по плану)
1. Каменный уголь (млн. тонн) . . .	28 9	62,3	56 7	83,6
2. Нефть " . . .	9,3	9,8	18 9	25,6
3. Торф " . . .	1,6	16,4	6,4	12,6
4. Руда железная " . . .	9,2	19,1	11,5	16,1
5. Чугун " . . .	4,2	8,2	5 3	8,0
6. Мартен " . . .	4,2	8 8	6,0	8,8
7. Прокат " . . .	3 5	7,0	4,9	6 7
8. С.-х. машины (млн. р.) . . .	67,0	140,0	414,0	760,0
9. Суперфосфат (тыс. тонн) . . .	55 0	110,0	440,0	1.11 0
10. Цемент (млн. бочек) . . .	12,3	50,0	21,7	35,0

Таким образом в области крупной промышленности мы обеспечили постройку фундамента социализма. Правильная политика партии за период нэпа превратила реальные возможности построения промышленной базы социализма в действительность. Тем самым эта политика являлась и является политикой укрепления социализма в нашей стране. Тем самым политика нэпа и индустриализации обеспечила социалистическую реконструкцию нашей экономики в экономику социализма. Мы следовательно решили одну из великих задач социалистической ре-

¹⁵ Ленин, Собр. соч., т. VI, с. 428 изд. (1925).

волюции — задачу создания промышленной базы социализма. Промышленность из отсталой и разоренной превратилась в мощную социалистическую базу, из ведущей только стала и преобладающей. Это и определило коренные социально-экономические сдвиги в нашей стране, сдвиги, дающие новое качество нашей экономики. Ведущая роль социалистической промышленности при громадном росте последней дала реальную возможность социалистической реконструкции мелкокрестьянской экономики в земледелии. Опираясь на эту роль промышленности, политика партии и Советского государства, порожденная «мозаичной» пятиукладной экономикой страны и основной целью скорейшего построения социализма в СССР, уже создала и все шире создает на новом этапе социалистическую экономику и в области сельского хозяйства.

Мы имеем огромные качественные и количественные сдвиги не только в области промышленности, о которых мы говорили выше, но и в области сельского хозяйства. Сельскохозяйственное производство до начала нэпа упало до 45—50% довоенных его размеров. И поскольку промышленность не была еще восстановлена, постольку сельское хозяйство развивалось в первый период нэпа независимо от социалистической промышленности, от социализма¹⁶. Восстановление сельского хозяйства происходило в рамках мелкого распыленного крестьянского хозяйства. Это обстоятельство плюс известная независимость существования его от социализма в период нэпа привели к отставанию сельского хозяйства от общих темпов развития народного хозяйства СССР к известному росту кулачества, к обострению классовых отношений в деревне. Реконструктивный период внес коренные изменения в социально-экономическую структуру нашего сельского хозяйства. В острой борьбе за хлеб, за технические культуры, за животноводство, в борьбе за вытеснение и ограничение кулачества в первый период и за ликвидацию его как класса в реконструктивный период развитие сельского хозяйства повернуто на путь социализма. Задача повышения сельскохозяйственного производства в реконструктивный период должна была сопровождаться одновременной социально-экономической реконструкцией сельского хозяйства, включающей в себя задачи насаждения совхозов и колхозов, проведения сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Рост сельскохозяйственного производства происходит в реконструктивный период главным образом за счет обобщественного сектора. Это ясно характеризуется следующей таблицей:

	1923/24	1930	1931
1. Посевная илощ. (млн. га)	95,5	127,8	141,5
а) Удельный вес обобщ. сект.	—	33,1	50,2
2. Сега МТГ (един.)	—	360	1 400
3. % коллект. крестьянских хозяйств	—	25,0	50,2
4. Валовая продукция (в млн. руб., в ценах 1926/27 г.)	7 614	14 655	18 272
а) Удельный вес обобщ. сект.	2,3	23,5	44,5
5. Продукция растениеводства (в млн. руб., в ценах 1926/27 г.)	4 640	10 083	12 804
а) Удельный вес обобщ. сект.	—	31,7	54,1
6. Продукция животноводства (в млн. руб., в ценах 1926/27 г.)	2 974	4 572	5 468
а) Удельный вес обобщ. сектора	—	7,8	17,0

¹⁶ „Мы ни в коем случае не можем забывать того, что мы часто наблюдаем, — социалистического отношения рабочих на принадлежащих государству фабриках, где рабочие сами собирают топливо, сырье и продукты, или когда ра-

Техническое перевооружение сельского хозяйства происходит в огромных напряженных темпах. Сто тысяч тракторов уже бороздят поля СССР. В обобществленный сектор сельского хозяйства вкладывается в 1931 году 3 800 млн. руб., в том числе в совхозы — 2 055 млн. руб. и в колхозно-кооперативные хозяйства — 1.745 млн. руб. Пятилетний план развития сельского хозяйства перевыполняется в 1931 году почти по всем отраслям. Это перевыполнение характеризуется следующими данными.

Посевная площадь достигнет в 1931 году 141,4 млн. га, в то время как по пятилетнему плану предполагалось в 1932 году 141,3 млн. га. В 1931 году мы следовательно выполняем всю пятилетнюю программу по посевным площадям. Такой темп перевыполнения идет главным образом за счет совхозов и колхозов. Совхозы выполняют пятилетний план по посевой площади на 218,2%, колхозы — на 422,8%. А площадь, обрабатываемая МТС в 1931 году, поднимется до 21,4 млн. га против 4,1 млн. га по пятилетнему плану в 1932 году. Особо большой рост дают посевные площади по хлопку (158% от плана 1932 г.), по сахарной свекле (125% от плана 1932 г.), по льну-долгунцу (122%). Что касается валовой продукции, то она также значительно опережает пятилетние наметки на 1932 год. По зерновым отраслям мы получим в 1931 году 986 млн. центнеров против 1 058 млн. центнеров по пятилетнему плану в 1932 году. Причем совхозы выполняют план на 174%, а колхозы — на 356%. Единственная отрасль сельского хозяйства, которая отстает от этих темпов и не выполняет еще пятилетнего плана в 1931 году — это животноводство. Но тут, во-первых, обобществленный сектор пока что займет в 1931 году только 17% общей валовой продукции и, во-вторых, весенний (1930 г.) убой скота, вызванный классовым контрнаступлением кулака, сыграл значительную роль в смысле не только задержки развития животноводства, но и падения его за этот год. Таких успехов сельское хозяйство достигает благодаря социалистической реконструкции.

В результате указанных качественных и количественных сдвигов в 1931 году мы имеем огромный рост народного дохода страны и абсолютный перевес социалистического уклада над частнохозяйственным, индивидуальным. Народный доход исчислялся в 1923/24 годах в 11 118 млн. руб., из этой суммы только 50,2% приходилось на обобществленный сектор. В 1931 году народный доход достигает суммы в 49 850 млн. руб., увеличиваясь почти на 14 млрд. руб. за один только 1931 год. Такого прироста народного дохода не знала и не знает ни одна страна. Такой рост может дать только социалистическая форма производства. Довоенная Россия такого прироста в процентном отношении (39%) достигла только за 13 лет своего наилучшего периода развития.

Социалистический сектор возрастает за 1931 год в огромной степени. Вот характерные цифры, говорящие об его абсолютном преобладании в стране (в процентах к итогу).

боchie стараются распределить правильно продукты промышленности среди крестьянства, довозят их средствами транспорта. Это есть социализм. Но рядом с ним существует мелкое хозяйство, которое сплошь и рядом существует независимо от него. Почему оно может существовать независимо от него? Потому, что крупная промышленность не восстановлена, потому что социалистические фабрики могут получить может быть только десятую долю того, что они должны получать; и поскольку они не получают, оно остается независимым от социалистических фабрик. Неимоверное разорение страны; недостаток топлива, сырья и транспорта приводят к тому, что мелкое производство существует отдельно от социализма". Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 197.

	1930				1931			
	Социалистический сектор			Частнохозяйственный сектор	Социалистический сектор			Частнохозяйственный сектор
	Госуд.	Коопер.	Всего		Госуд.	Коопер.	Всего	
Народный доход (в неизм. ценах) . . .	53,2	21,3	74,5	25,5	56,0	25,8	81,8	18,2
Капитальные вложения в основн. фонды	74,6	12,9	87,5	12,5	79,3	13,2	92,8	7,5
Основные фонды (на конец года) . . .	56,7	4,3	61,0	39,0	61,7	7,4	69,1	30,9
Валовая продукция всей промышленности	80,5	14,2	94,7	5,3	81,7	15,8	97,5	2,5
Валовая продукция сел. хозяйства . . .	3,5	20,0	23,5	76,5	9,3	35,2	44,5	55,5
Розничный торгово-посреднич. оборот. .	19,1	75,4	94,5	5,5	13,3	84,3	97,6	2,4

Приведенные цифры говорят о том, что социалистическая индустрия, развивающаяся благодаря правильной политике индустриализации страны, подчинила и подчиняет сельское хозяйство своему руководству. На наших глазах смыкается сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное социалистическое хозяйство. Они говорят далее о том, что мы на данном этапе уже непосредственно закрываем все те каналы, из которых и по которым рождаются классы и рождается прежде всего капитал. Сплошная коллективизация означает именно закрытие тех каналов, по которым рождаются классы и рождается прежде всего капитал, ибо колхозная форма производства предполагает только социалистическое накопление.

В 1931 году коллективизация охватит не меньше половины крестьянских хозяйств, а в основных зерновых районах не меньше 80%. Это означает в основном завершение сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса в таких районах, как степная полоса Украины, Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга.

В области классовых отношений эти сдвиги дают огромное укрепление мощи пролетариата. А проблема союза рабочего класса с середняком при опоре на бедноту передвигается на новую плоскость — плоскость опоры на колхозников и ликвидацию кулачества как класса. При завершении фундамента социалистической экономики проблема союза с середняком отодвигается на задний план. При 50% коллективизации мелких хозяйств она в основном заменяется опорой на колхозников и служит вспомогательным лозунгом в тех районах, где еще процент единоличников значителен. Борьба за завершение перестройки фундамента социализма есть создание предпосылок для полного уничтожения классов и классовых различий. Колхозное крестьянство отныне становится основной и главной опорой советской власти в деревне. Проблема смычки рабочего класса с крестьянством подымается на высшую ступень. А это означает, что мы окончательно сомкнемся с крестьянской массой — уже теперь колхозной — и наше дело становится абсолютно непобедимым.

* * *

Вступление в период социализма означает коренное качественное изменение существа нашей экономики. Оно обусловлено крупнейшими победами пролетариата. Взятие власти, организация советского

государства, подавление буржуазии и помещиков, восстановление и создание крупной социалистической промышленности, поворот середняка на путь социализма и создание крупного социалистического земледелия — вот неполный перечень величайших побед социалистической революции.

Оторвать середняка от собственности и тем ликвидировать базу его постоянных колебаний между буржуазией и пролетариатом, привлечь его к социалистическому строительству — эта победа не меньшая по значению, чем победоносный переворот в Октябре.

«Мы решили, — говорит Сталин, — ряд труднейших задач. Мы взяли власть. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой»¹⁷. Мы сделали самое главное. Мы прошли уже самую трудную часть нашего пути. В чем она? В том, что мы на социалистической базе урегулировали наши отношения с миллионами среднего крестьянства. В 1919 году Ленин говорил: «Как свергнуть буржуазию, как ее подавлять — этому мы научились и этим гордимся. Как урегулировать отношения с миллионами среднего крестьянства, каким путем завоевать его доверие — этому мы еще не научились... С этой задачей справимся, и тогда «социализм будет абсолютно непобедим»¹⁸. Мы урегулировали отношения с средним крестьянством так, что оно добровольно, под руководством рабочего класса и партии, «левой» идет в социалистические колхозы. Мы завоевали его доверие. Вот что решает проблему завершения построения фундамента социалистической экономики. Вот что является одним из основных критериев вступления в период социализма в условиях нашей мелкокрестьянской страны. Преданности социализму в мелкокрестьянском товарном производителе, взятом самом по себе, нет. Его экономические условия тянут его к капитализму. Тенденции к капиталистическому росту в нём заложены. «Преданности социализму — этого с них спрашивать нечего. Рассчитывать на их социализм смешно. Они пойдут к социализму лишь тогда, когда убедятся, что другого пути нет, когда буржуазия будет разбита и подавлена окончательно»¹⁹.

Чтобы повернуть миллионные массы середняков к социализму — для этого нужно было прежде всего разбить и подавить буржуазию. Но этого было еще мало. Для этого нужно было создать крупную социалистическую промышленность. Однако и этого еще было мало. Нужно было насаждать совхозы и колхозы в деревне и начать ликвидацию кулачества как класса. Предположения Энгельса о возможности обойтись без экспроприации крупного крестьянства, у нас не оправдались. Конкретные условия социалистического строительства в нашей стране указали нашей партии путь неизбежной ликвидации кулачества как класса, как составной части политики социалистической реконструкции сельского хозяйства и сплошной коллективизации. «В России, — говорит Ленин, — это предположение (Энгельса — К. Б.) не оправдалось. Мы стоим, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно»²⁰. Мы видели это на практике. Мы видели, что сплошная коллективизация должна была сопровождаться ликвидацией кулачества как класса. Мы видели, что повернуть миллионные массы середняков к

¹⁷ Сталин, Речь на конференции работников промышленности.

¹⁸ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 154.

¹⁹ Там же, с. 100.

²⁰ Там же, т. XVI, с. 107.

социализму — это значит одновременно ликвидировать кулацкие гнезда, ибо никаким законом не писано им «вращание в социализм» по рецепту правых оппортунистов.

«Можно ли сразу и прочно объединить десятки миллионов крестьян против капитала, против свободной торговли? Этого сделать нельзя, потому что для этого нужны иные экономические условия, для этого нужны долгие годы подготовки»²¹.

Эту подготовку мы провели, эти экономические условия мы создали. Мы создали крупную социалистическую промышленность. Мы осуществили кооперативный план Ленина в области оборота как одно из необходимых условий перехода к сплошной коллективизации завершающей этот план. Мы объединили и объединяем десятки миллионов крестьян «против капитала, против свободной торговли» путем осуществления этого великого плана. Вот в чем стоит величайшая победа социализма. Вот что также определяет завершение построения фундамента социалистической экономики.

Условия денежного хозяйства, товарооборота делают из крестьянина торгаша, спекулянта, зяблого собственника хлеба, который является предметом первой необходимости и который «если его нет, стоит того, чтобы отдать за него все имущество»... (Ленин). Крестьянин в этом не виноват. Его экономические условия таковы, что он жил и живет в условиях товарного хозяйства, «жил десятки и сотни лет, привык обменивать свой хлеб за деньги. Привычку не переделаешь, денег уничтожить сразу нельзя. Чтобы их уничтожить, нужно наладить организацию распределения продуктов для сотен миллионов людей»²² Пока этого нет, до тех пор «противоположность интересов рабочих и крестьян остается». Имеем ли мы уже эту социалистическую организацию распределения продуктов на последнем этапе нэпа, когда абсолютно господствует советская, плановая форма товарного обмена? Нет, еще не имеем. Мы еще не имеем организации непосредственного распределения продуктов для сотен миллионов. Следовательно мы еще не имеем уничтожения разницы между рабочими и колхозниками, не говоря уже об единоличниках. Мы еще не имеем равенства, ибо равенство означает уничтожение классовых различий. Мы еще не сделали всех, в том числе и крестьян, работниками единого общественного социалистического хозяйства.

«... Мы ставим себе целью равенство как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочим и крестьянином. Это именно и составляет нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое ни социалистическое общество»²³. Остается ли классовая разница между рабочим и колхозником? Да, пока остается. Ибо рабочий — работник единого последовательно-социалистического хозяйства, а колхозник — работник «ассоциации производителей, «ассоциации производителей» на средства производства, тельно-социалистического типа производства. Ибо колхозная форма производства не предполагает еще общественной собственности всего общества на все средства производства. Колхоз базируется еще на общественной собственности коллектива производи-

²¹ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 219.

²² Там же, с. 217—218.

²³ Там же, с. 209.

телей, «ассоциации производителей» на средства производства, кроме земли. В этом заключается та существенная разница, которая отличает государственное предприятие от колхоза. Если к этому прибавить всю сумму тех привычек, навыков и психологических установок мелкого индивидуального производителя, с которыми крестьяне приходят в колхоз и от которых еще сразу освободиться они не могут, то социально-экономическая разница между колхозом как экономической категорией, и государственным социалистическим предприятием, будет выступать еще резче. Но можем ли мы говорить, что колхоз — уже социалистическая форма производства и что форма колхозного производства при государственной помощи, при руководстве со стороны пролетариата, при ведущей и уже преобладающей роли последовательно-социалистической промышленности смыкает сельское хозяйство в одно целостное социалистическое хозяйство с промышленностью. Можем ли мы говорить, что эта высшая форма смычки экономики крестьянства с экономикой пролетариата вплотную подводит нас к разрешению противоположности между индустрией и сельским хозяйством, между городом и деревней, закрывает каналы, откуда растет капитал и рождаются классы, и ведет прямо и непосредственно к уничтожению классов? Да, можем и должны.

Можем и должны, ибо и государственная фабрика и колхоз — социалистические формы производства. Ибо и то и другое — однотипные хозяйства, хотя с известной разницей. Можем и должны об этом говорить, ибо «противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности»... и «уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности»²⁴. Частная собственность на средства производства в социалистической индустрии в городе уничтожена, в социалистических колхозах, в деревне — уничтожается. Это создает однотипные отношения и там и здесь. А такие однотипные социалистические отношения и там и здесь — основная и решающая предпосылка уничтожения противоречия и противоположности между городом и деревней. В социалистических предприятиях города непосредственно-общественный характер производства сопровождается непосредственно общественным присвоением. Рабочие кроме определенной индивидуальной доли общественного дохода (в форме зарплаты) на удовлетворение личных потребностей и воспроизводства своей рабочей силы никаких средств производства не присваивают в частную собственность. Последние составляют собственность всего общества. Накопление — здесь социалистическое и нет никакой другой его формы. В колхозе мы имеем также непосредственно-общественный характер производства и общественный коллективный характер присвоения средств производства. Накопление и здесь социалистическое, ибо колхоз уже кладет конец частнохозяйственной форме накопления. Отдельные особенности распределения в колхозе не изменяют основной сущности колхоза как социалистического типа производства, ибо полученные от раздела общего дохода индивидуальные доли колхозниками не обращаются в частнохозяйственное накопление и на расширение их единоличных хозяйств. В этом — главное и основное, что определяет социалистический характер колхоза.

Таким образом как в городе, так и в деревне закрываются каналы, откуда растет капитал и рождаются классы и закрываются быстрым темпом. Но, несмотря на все это, старые привычки единоличного хо-

²⁴ Архив „Маркса и Энгельса“, т. I, с. 234.

зяйствования и деньги еще не уничтожены. И нет еще непосредственного распределения продуктов между работниками единого общественного хозяйства. Классовая разница между рабочими и колхозниками еще полностью не уничтожена. Тем не менее мы имеем полное право говорить, что мы вступили в период социализма и завершаем построение фундамента социализма в 1931 году.

Теперь в 1931 году у нас будет преобладать крупное производство и в промышленности и в сельском хозяйстве—в форме совхозов и колхозов. Эти последние социалистические формы вызваны преобладанием мелкого производства. В этом их характерная особенность. Фундамент социалистической экономики завершается нами именно благодаря созданию крупной социалистической формы производства и в городе и в деревне. Колхозы как форма крупного социалистического производства, вызваны особенностями преобладания мелко-крестьянского производства в деревне, существовавшего раньше в начале нэпа рядом с социализмом в городе и независимого от него, поскольку последний был еще слабо развит и потому не мог воздействовать на это распыленное мелкое производство по образу и подобию своему.

Социализм в городе не мог выявить еще тогда всех своих качеств, всей своей ведущей и организаторской роли по отношению к мелкому производству в стране, чтобы переделать последнее и тем самым ликвидировать его независимое существование. Только всемерное ускорение развития решающей базы социализма—социалистической промышленности—могло и должно было обеспечить снятие этой разобщенности социализма и мелкого крестьянского сельского производства. Контрреволюционными являются в свете этой особой необходимости развития промышленности и троцкистская и правооппортунистическая позиции по отношению к развитию нашего хозяйства. Троцкистская политика жесткого планового режима в области промышленности, без учета многомиллионной крестьянской стихии, без обеспечения экономической смычки социалистической промышленности с крестьянской экономикой, неминуемо должна была привести к усилению разобщенности промышленности и сельского хозяйства, к усилению независимости мелкого производства от социализма, а следовательно к его капиталистическому развитию и только. Правооппортунистическая установка на «самотек» и на черепашии темпы индустриализации привела бы также к этим результатам.

Колхозы, являющиеся переходной формой от этого мелкого производства к коммунизму, снимают эту разобщенность мелкого производства от социализма. В этом — всемирно-историческое значение той победы, которую мы одерживаем завершением построения фундамента социалистической экономики, которая означает создание единого целостного социалистического хозяйства в городе и в деревне.

Социализм не есть нечто застывшее. Социализм есть движение и развитие. Только с социализма начинается настоящий человеческий свободный труд, настоящая добровольная организация масс, в интересах всего общества трудящихся, настоящая забота рядовых работников о производстве и о распределении.

«Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достаемых не работающими лично и не их «ближними», а «дальними», т. е. всему обще-

ству в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз советских республик»²⁵.

Такое отношение к труду у миллионов трудящихся может появиться только в рамках социалистических производственных отношений. Отношение к средствам производства, как к общему достоянию — вот что может породить такое коммунистическое отношение к труду. Именно эти социалистические отношения создают новую, невиданную при капитализме, общественную дисциплину труда. Когда создастся это новое отношение к труду, эта социалистическая дисциплина «тогда только возврат назад к капитализму станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым»²⁶.

Создали ли мы такое отношение к труду, когда труд не на себя, а на всех становится «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства?» Да, такое отношение мы создали и создаем. Огромное движение социалистического соревнования, ударничества, захватившее подавляющую часть рабочего класса и колхозников, — разве это не доказательство наличия социалистической дисциплины, социалистического отношения к труду? Период социализма тем и определяется в основном, что мы имеем именно эту новую общественную дисциплину труда, эти новые социалистические формы труда, порожденные социалистическими производственными отношениями и колоссальными успехами социализма в нашей стране. Понять это не может тот, кто не представляет себе, что такое социализм. «Вопли» о принудительном труде в СССР, о «рабстве», исходящие от злейших врагов рабочего класса за границей, ничего другого не доказывают кроме того неоспоримого факта, что социализм создает свою — ему свойственную — дисциплину труда и что он стал поэтому непобедимой силой.

В свете всего этого богатого и всепоглощающего строительства социализма, в свете того, что мы уже вступили в период социализма и завершаем его фундамент в 1931 г. — в свете всего этого — перспективы нашего дальнейшего развития становятся яснее и выпуклее. Мы должны в течение 10 лет догнать и перегнать САСШ и все капиталистические страны в технико-экономическом отношении. Имеются ли реальные возможности к этому? Безусловно. Они имеются в том, что мы уже завершаем фундамент социалистической экономики в 1931 г. Они имеются во всем нашем строе, преимущество которого перед капитализмом признают теперь и наши враги. Они имеются в готовности всей страны, и власти и партии, и рабочего класса, и колхозно-крестьянских масс — осуществить эту задачу во что бы то ни стало. Они заложены и в том, что у нас теперь имеются крупная развитая социалистическая промышленность и крупное социалистическое сельское хозяйство. Они имеются в том, что мы ведем плановое хозяйство и что широчайшие массы сами теперь планируют свое производство через встречный план — через это величайшее завоевание социалистического строительства наших дней. Они имеются наконец и в том, что, повернувшись лицом к технике, к науке, мы начинаем опираться на специалистов из своей среды, а не только на специалистов из среды буржуазии и ее слуг, значительная часть которых оказалась в лагере вредителей и интервентов.

²⁵ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 255.

²⁶ Там же, с. 242.

Мы должны завершить к концу текущего пятилетия сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса во всей стране. Это будет в основном ликвидация в корне многоукладности нашей экономики. Это будет означать создание единого социалистического хозяйства во всей стране. Тем самым мы вчерне в основном завершим переходный период от капитализма к социализму.

Эта перспектива реальна. Осуществление этих задач будет означать постройку социалистического общества в главном и в основном. «Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику и овладеть наукой. И когда мы сделаем это, тогда у нас пойдут такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать. И мы это сделаем, если захотим этого по-настоящему»²⁷.

²⁷ Сталин, Речь на конференции работников промышленности.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ВЕСЕННЯЯ ПОСЕВНАЯ КАМПАНИЯ

Важнейшим участком социалистического наступления в 1931 г. будет сельское хозяйство. Выполнение плана по сельскому хозяйству определит успех развернутого социалистического наступления в целом. А так как выполнение плана по сельскому хозяйству в значительной мере предопределяется весенним севом, первым этапом цикла сельскохозяйственного производства, то успешная организация его, сама по себе всегда важная задача, приобретает в этом году исключительное общеполитическое значение. Политическое значение второй большевистской весны не может быть переоценено. Только взявшись по-настоящему, по-боевому за весенний сев, мы осуществим величайшие задания по социалистическому строительству третьего, решающего года пятилетки.

На весенний сев 1931 г. сельское хозяйство должно выйти в значительной мере технически и энергетически лучше оснащенным. Именно в процессе подготовки весеннего сева должна быть реализована значительная часть годичной программы технического перевооружения сельского хозяйства. Поэтому за социалистической промышленностью первое слово в деле своевременной и успешной организации второй большевистской весны.

120 тыс. тракторов (в переводе на 10-сильные), 7 тыс. автомобилей, на 730 млн. руб. сельхозмашин, в том числе на 142 млн. руб. сложных машин, 2,4 млн. тонн химических удобрений, 100 тыс. квт. новых электроустановок должно получить сельское хозяйство в 1931 г. В том числе на первый квартал приходится 7,2 тыс. тракторов, 290 тыс. плугов, 380 тыс. борон, 44 тыс. сеялок внутреннего производства и т. д.

Только на основе этой технической помощи механизированная энергетическая база сельского хозяйства может укомплектоваться в 1931 г. в составе: 2.057 тыс. действующих тракторов (в переводе на 10-сильные), из них 997 тыс. в совхозах и 1.060 тыс. в колхозах и МТС, 2.200 ремонтных мастерских, 1.930 тыс. тонн годичного тракторного горючего, 5 млн. годичных сило-часов работы тракторов, 223 млн. квт-часов выработки сельскохозяйственных электроустановок и около 10 тыс. автомашин.

Выполнение этой программы, притом и в количественном и качественном отношении, чрезвычайно поднимет боеспособность сельского хозяйства. Поэтому, в огромной своей части она должна быть реализована еще к весеннему севу. А это возможно только при напряженнейшей работе промышленности и транспорта и накладывает на них исключительную ответственность. Особенно велика ответственность руководства партийных и профессиональных организаций предприятий, непосредственно выполняющих план производства и ремонта тракторов и сельхозмашин, а также транспортных организаций, ответственных за быстрое продвижение посевных грузов к

месту назначения. Ход выполнения промфинплана должен находиться под их бдительнейшим надзором.

Ведущая роль индустрии должна быть поднята прежде всего по линии технической помощи, по линии увеличения передаваемого сельскому хозяйству технического вооружения. Но она должна быть направлена и по множеству других приводов и каналов. Стоит вспомнить о рабочих — организаторах первого большевистского сева, о значении новых социалистических форм труда, индустриальной организации производства (бригады, производственные совещания и т. д.), перенимаемых сельским хозяйством от индустрии, чтобы сознать множественность путей и методов ведущего воздействия социалистической индустрии на сельское хозяйство.

Сельское хозяйство стало усваивать социалистические темпы — в этом наиболее полное и яркое выражение ведущей роли индустрии. Социалистическая индустрия уже взяла сельское хозяйство на буксир. Это дало первые существенные результаты, подтверждая успехи процесса индустриализации страны. В 1931 г. и прежде всего в весенний сев эта работа должна быть значительно усилена и углублена.

Этот поворот сельского хозяйства от прежних обломовских темпов к передовым социалистическим достигнут при помощи индустрии в форме совхозного и колхозного строительства. Поэтому важнейшей частью работ по проведению второй большевистской весны является дальнейшее совхозное и колхозное строительство, заметное расширение поля действия социалистических производственных отношений. Совхозы и колхозы должны весной 1931 г. распространить социалистические производственные отношения далеко за пределы, установившиеся в первую большевистскую весну. Соответствующие директивы партии и правительства, облеченные в форму детальных цифровых заданий, даны. Их выполнение должно стоять прежде всего в центре внимания организаторов весеннего сева 1931 г.

Помощь и показ индустрии в деле социалистической организации труда и производства в сельском хозяйстве должны мощно подкрепляться новым совхозным пополнением, формируемым весной 1931 г. Без конкретизированного применительно к специфической обстановке сельскохозяйственного труда практического показа широко, развитого в последние два года специализированными крупнейшими совхозами-гигантами, поступь миллионных масс крестьянства в сторону социализма была бы недостаточно уверенной.

Специализированные совхозные системы эту перспективу практически развивают и показывают. Поэтому программа по совхозному строительству является важнейшим звеном реконструктивной цепи 1931 г.

Доведение посевной площади совхозов до 9,5 млн. га против 4,8 млн. га в 1930 г., в том числе по Зернотресту до 5 млн. га против 1,8 млн. га в 1930 г., расширение площади животноводческих совхозов до 54 млн. га, что составляет территорию большую, чем Германия или Италия, Австрия и Дания вместе взятые, — эти крупнейшие задания должны быть выполнены полностью. А следовательно в процессе организации и проведения сева должны быть обеспечены соответствующее снабжение, организация энергетического хозяйства новых совхозов, их механизация, организация их территории, семенных и кормовых фондов, подготовка и расстановка кадров рабочей силы в соответствующих размерах и т. д.

Еще грандиознее задания по формированию основных батальонов социалистического наступления в деревне, миллионных колонн новых колхозников. Первая колхозная весна сформировала четверть крестьянства в колхозы. Предстоящий сев должен удвоить эту цифру, доведя организованные в колхозы крестьянские дворы к концу года до 50%. Громадная преобладающая часть этого задания намечена к выполнению весной. Всякие попытки уклониться от этого ссылкой на осеннюю коллективизацию свидетельствуют лишь о правоопportunистическом извращении плана. 80% охвата коллективными хозяйствами на Украине (Степь), Сев. Кавказе, Нижней Волге, Средней Волге (Заволжье), т. е. завершение в основных зерновых районах сплошной коллективизации и ликвидация на этой основе кулачества как класса, 50% коллективизации по ЦЧО, Сибири, Уралу, лесостепной Украине, Казакстану (зерновые районы), хлопковым и свекловичным районам, 20—25% коллективизации по зерновым районам потребляющей полосы — вот дифференциация этого задания применительно к исходным позициям по каждой из трех основных зон коллективизации.

Своевременность и полнота выполнения плана коллективизации, этой основной подготовки весеннего сева, определяет степень успеха по всем остальным направлениям. Промышленность оказывает большую помощь в деле реализации программы коллективизации. На базе индустриальной технической помощи в весенний сев войдет в действие 804 новых МТС. Всего весной будет в действии 1.164 МТС (вместе с 360 старыми), к концу года до 1.400. Образование такого массива новых МТС плюс ремонт старых МТС представляет собою большую помощь в деле выполнения программы коллективизации 1931 г. Но большая доля работы и ответственности за выполнение плана коллективизации падает и на правильное проведение пролетарской классовой линии в экономической политике в деревне и на разъясняющую ее массовую работу. По этой части далеко не все благополучно.

Процент коллективизации, начиная с сентября месяца, непреклонно поднимается, доходя по Союзу на 20/II 1931 г. до 32,6, против 21,4% — на 1/IX 1930 г. Новые пополнения идут, но далеко не везде надлежащим темпом, обеспечивающим выполнение директив XVI съезда партии и декабрьского пленума ЦК—ЦКК. В некоторых местах темп коллективизации явно срывается, притом почти исключительно из-за бездеятельности и неправильного оппортунистического подхода соответствующих организаций и работников к делу коллективизации.

Оппортунисты, как правило, пытаются оправдывать свою бездеятельность принципом добровольности. Партия безусловно стоит за соблюдение принципа добровольности в колхозном строительстве. Но правооппортунистическое толкование принципа добровольности как ставки на самотек, однако, не имеет ничего общего с марксистско-ленинским пониманием наших отношений с середняком. Партия никогда не отказывалась и не откажется от воздействия на середняка и бедняка не только путем агитации и пропаганды, но и путем мероприятий советской экономической политики, через всемерную материальную поддержку колхозов и подрыв кулацко-капиталистического пути развития.

Классово-правильно проведенная пролетарская экономическая политика — это чрезвычайно остро действующий инструмент. Только в руках бездарных политиков он отказывается действовать, притупляется. Хлебозаготовки, скотозаготовки, финансовое обложение — все эти рычаги пролетарской экономической политики — будучи классово-

правильно заострены, оказывают на крестьянскую массу величайшее воспитательное влияние.

Если эти важнейшие толкачи коллективизации действуют плохо, то конечно одна разъяснительная работа и пропаганда повисает в воздухе, превращаясь в пустые неубедительные разговоры. Можно наверное сказать: где коллективизация стоит на точке замерзания и беспомощные горе-работники оправдываются «принципом добровольности», там осенние хозяйственно-политические кампании проведены поделячески с махровыми оппортунистическими извращениями, а в деле коллективизации существует ставка на самотек. Там действительное пролетарское перевоспитание середняка выпало из поля внимания местных организаций и работников.

Далеко не везде стоит на должной высоте и показ достижений колхозов, как и постановка работы в колхозах. Многие колхозы еще не провели распределения доходов, или же провели его неправильно, т. е. не на основе затрат труда. Показ положительных результатов колхозного производства имеет величайшее значение в деле организации нового колхозного прилива. Там, где он отсутствует или же колхозное строительство засорено крупными ошибками (неправильное распределение доходов по кулацко-едоцким принципам и т. д.), там конечно трудно поднять процесс дальнейшей коллективизации. Оппортунизм на практике, разъедающий в некоторых местах само колхозное строительство изнутри, является верным пособником и союзником делачества при проведении хозяйственно-политических кампаний. Только решительно ударив по всем проявлениям оппортунизма, отстающие районы выйдут с честью при выполнении плановых заданий по коллективизации.

Величайшие успехи, достигнутые в первый большевистский сев, достались нам вовсе не самотеком, а добыты ценою исключительно напряженной и большой работы. Правда, в процессе ее кое-где были допущены грубые «левые» ошибки, — коллективизация путем административного предписания и застрашивания. По этим ошибкам партия ударила, но удары эти вовсе не были направлены по той интенсивной, бешеной работе, которую районы развернули вокруг весеннего сева 1930 г. и которая совершенно необходима и в этом году. Марксистско-ленинский принцип добровольности не имеет ничего общего с обломовским благодушным выжиданием. Марксистам-ленинцам прекрасно известно, что середняк, сам, без руководства, неспособен пойти по социалистическому пути. Приобщение его к социалистическим темпам должно быть организовано, подготовлено.

Правооппортунистическая ставка на самотек в колхозном строительстве должна быть окончательно изжита. Одновременно должны быть решительно пресечены рецидивы «левого» загиба, — другой разновидности оппортунизма в деле коллективизации.

Социалистическое переустройство деревни направлено против кулачества, поэтому оно неизбежно будет протекать в условиях обостренной классовой борьбы. Борьба с кулачеством — неразрывная часть коллективизации и совхозного строительства. Кулачество попытается играть на частнособственнических струнках крестьянства при сборе семенных фондов, попытается использовать всякую заминку и неполадку для дискредитации совхозов и колхозов, подогревания рваческих тенденций. и т. д.

Кулак действует теперь редко открыто, обычно он орудует путем организации выступлений своей агентуры. Задача наших оргв-

низаций и товарищей, командированных на проведение весеннего сева, взять под беспощадный обстрел и кулака и его агентуру — подкулачников, опираясь в своей работе как на бедноту, еще не вошедшую в колхоз, так и колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти.

План 1931 г. предусматривает завершение в основном сплошной коллективизации в первой зоне, это означает и завершение ликвидации кулачества как класса в этой зоне. Вторая зона тоже превращается в этом году в район сплошной коллективизации, хотя и незавершенной. Это означает, что и в этой зоне ликвидация кулачества должна подвинуться значительно вперед. Все это должно быть дополнено решительным ограничением кулацкой эксплуатации в районах слабой коллективизации, т. е. преимущественно в третьей зоне.

Таковы основные вехи реконструктивной части программы второй большевистской весны. Ею обуславливается крупное непосредственное повышение производства, видимое расширение производственной программы на 1931 г. В 1928/29 г. посевные площади составляли по Союзу 118 млн. га. Первая большевистская весна расширила их совместно с озимыми на 10 млн. га, доведя их до 127,8 млн. га. В связи с намеченным темпом коллективизации и совхозного строительства план 1931 г. предусматривает расширение посевных площадей на 15 млн. га, т. е. расширение, неизвестное еще до сего времени в истории нашей страны.

Одновременно намечена существенная переделка посевного клина. Опираясь на выполнение программы совхозного и колхозного строительства, посевы зерновых должны быть доведены до 108,6 млн. га против 102 млн. га в 1930 г. Посевы хлопка до 2.417 млн. га против 1.566 тыс. га в 1930 г., посевы сахарной свеклы до 1.354 тыс. га против 1.034 тыс. га в 1930 г., посевы технических культур в целом до 13.520 тыс. га против 10.602 тыс. га в 1930 г., посевы кормовых до 9.680 тыс. га против 6.609 тыс. га в 1930 г., посевы огородных до 1.800 тыс. га против 1.146 тыс. га в 1930 г.

Программа весеннего сева содержит, следовательно, рост посевов зерновых на 7%, технических культур на 27%, кормовых на 47% и огородных на 57%, т. е. резкую дифференциацию темпов роста по культурам. В результате этой дифференциации темпов прироста посевов по культурам и осуществится крупная реконструкция посевного клина, рост удельного веса огородов, кормовых посевов и технических культур. Так как вся производственная программа размещена по районам сообразно основам специализации их сельскохозяйственного производства, то весна 1931 г. должна стать первым решающим этапом в деле осуществления директив XVI съезда партии о специализации сельского хозяйства. Необходимо добиться, чтобы в процессе практического осуществления сева план по отдельным культурам и районам был действительно осуществлен без прорыва, т. е. так, как он задуман и дан.

Важнейшей задачей сельскохозяйственного производства в 1931 г. является повышение качества работы, выполнение качественных показателей плана. Раньше повышение качественных показателей рассматривалось как специфическая часть плана индустрии. Теперь, когда половина крестьянства будет организована в колхозы, когда образовался мощный массив совхозов, положение существенно меняется. Общеизвестно, как низки качественные показатели в крестьянских единоличных хозяйствах. Несколько лет тому назад почти все сельское

хозяйство стояло на этом уровне. Теперь на основе наличия мощного социалистического сектора качественные показатели задания по повышению качества работы должны из года в год стать важнейшей частью программы по сельскому хозяйству. План предусматривает повышение в 1931 г. урожайности зерновых на 6%, хлопка на 7%, сахарной свеклы на 7%. Это — сравнительно скромные темпы, имея в виду нашу величайшую отсталость в этом отношении. Тем более выполнение их и перевыполнение должны быть обеспечены. И совершенно очевидно, что их выполнение в значительной мере предопределяется тем, как хорошо будет подготовлен и организован весенний сев.

Намеченные темпы расширения производственных заданий, по сельскому хозяйству в целом, конечно, отстают от темпов расширения производства в социалистическом секторе сельского хозяйства. Иначе это и не может быть, поскольку примерно половина деревни останется еще к концу 1931 г. при старом инертном, застойном, индивидуальном способе производства. Этот-то еще не переделанный, внушительный массив носителей старых ветхих темпов неизбежно накладывает на сельскохозяйственное производство 1931 г. свою печать. Однако в результате получаются по сельскому хозяйству в целом не былые, старые темпы, а переходные, сочетание старого с новым. Все больше отвоевываются позиции у старого неповоротливого, раздробленного и технически и экономически дряхлого индивидуального хозяйствования. Благодаря этому наши продовольственные и сырьевые балансы покажут в 1931 г. дальнейшее улучшение, дальнейшее выравнивание по общим темпам социалистического строительства.

В наибольшей степени это относится к зерновым балансам, в основном уже реконструированным на основе развертывания социалистического сектора. Действительно «серьезные достижения в сельском хозяйстве, разрешение в основном зерновой проблемы, явились прямым результатом крупнейших успехов, достигнутых в области колхозного и совхозного строительства и неуклонно проводимой на базе сплошной коллективизации ликвидации кулачества как класса» [из резол. декабрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП (б)].

На этом же пути в 1931 г. должно быть достигнуто дальнейшее разрешение зерновой проблемы и проблемы технических культур. На этом же пути, что особенно важно, должен быть в 1931 г. заложен фундамент решения наиболее трудной и сложной животноводческой проблемы.

Зерновой сектор создает экономические и частью технические предпосылки для развития сырьевого и животноводческого сектора. Поэтому, внедрение социалистических темпов и форм в первую очередь в зерновое хозяйство было одновременно и первой ступенью подготовки реконструкции животноводства. Только такой подход обеспечил прочный успех, уверенные действия, правильные переходы. Теперь, когда зерновой сектор в основном обеспечивает социалистические темпы, можно концентрировать основные усилия на массовом переносе проводов социалистических темпов и в смежный животноводческий сектор.

Программа по созданию социалистического животноводства на 1931 г. это и предусматривает. Вышеуказанной, огромной программе расширения кормовой базы животноводческих совхозов-гигантов в 1931 г. соответствует такая же обширная программа увеличения совхозного продуктивного стада.

Стадо «Скотовода» должно быть доведено до 2.800 тыс. голов против 1.110 тыс. голов в 1930 г.; стадо «Свиновода» до 1.900 тыс. голов против 295 тыс. голов в 1930 г.; стадо «Овцевода» до 4.400 тыс. голов против 2.600 тыс. голов в 1930 г., стадо Молочно-масляного треста до 169 тыс. голов против 71 тыс. в 1930 г.; стадо ферм потребительской кооперации до 130 тыс. свиноматок и 1.200 тыс. на откорм; стадо «Союзсахара» до 88 тыс. коров против 58 тыс. в 1930 г. и т. д.

Одновременно, в 1931 г. должен быть создан солидный животноводческий сектор в колхозах. В 1931 г. уровень обобществления коров в колхозах должен быть поднят до 9% против 5,4% в 1930 г. и 0,6% в 1929 г.; уровень обобществления свиней — до 23% против 6,3% в 1930 г. и 0,6% в 1929 г. Колхозная система приступает в 1931 г. к массовому развертыванию колхозных товарных молочных и свиноводческих ферм, совершенно новой формы социалистической переработки животноводства.

Намеченная в плане 1931 г. реконструкция животноводческого сектора охватывает такой массив этого производства, что успешная реализация ее обеспечивает исключительно боевые темпы в деле ликвидации некультурности и застоя, связанных со старой общественной формой животноводства — мелким индивидуальным крестьянским хозяйством. «Этот сдвиг (намеченный в плане 1931 г. — Я. Б.) в области коллективизации скота наряду с организацией крупных животноводческих совхозов («Скотовод», «Свиновод» и «Овцевод») обеспечивает быстрое разрешение животноводческой проблемы» [резол. декабрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)].

Но это конечно будет достигнуто не самотеком, а ценой исключительного упорства, настойчивости и активности, причем успех животноводческой программы в значительной мере предопределяется проведением весеннего сева и связанной с ним коллективизации и созданием кормовой базы для культурной, на новых основах поставленной, передовой организации животноводства.

Животноводческое хозяйство связано гораздо больше чем полеводческое с помещениями. Поэтому развертывание социалистического животноводства, предусмотренное в плане 1931 г., требует проведения крупной строительной программы. Если к этому присовокупить строительство, связанное с механизацией полеводства (тракторные и машинные сараи и т. д.), то определятся размеры сельскохозяйственного строительства в 1931 г. В целях правильного сочетания этого крупнейшего строительства с полевыми работами, максимального уложения его в периоды менее напряженные по полевым, особенно уборочным работам необходимо начать его своевременно и точно распланировать еще до начала весеннего сева.

Поставленные партией перед второй большевистской весной задачи велики. Этим определяется та боевая мобилизация сил и внимания, которая должна быть проведена в целях их полного и своевременного разрешения.

Проведение весеннего сева должно быть в центре внимания прежде всего работников самих деревенских партийных, советских и кооперативно-колхозных организаций. Особенно должна быть поднята в этот сев роль советов. Они должны стать подлинными штабами второго большевистского сева, организующими и контролирующими все этапы подготовки и проведения сева, обеспечивающими максимальную четкость и гибкость в работе, исключаящую всякое искривление партийной линии и расчет на самотек.

«Необходимо коренным образом улучшить и поднять деятельность сельсоветов, направляя их работу в сторону хозяйственного и культурного переустройства деревни, усиливая их роль в деле руководства колхозами» (из пост. ЦК ВКП(б) по докладу Севкавказрайкома от 10/1 1931 г.).

Исключительное значение, по примеру прошлого сева, будет иметь помощь пролетарских центров. На рабочую общественность, как уже указано, падает большая ответственность, за соответствующие промфинпланы, за обеспечение технической подготовки к севу. Но не меньше роль рабочей общественности и в непосредственном перенесении опыта и ударных методов работы из промышленности в сельское хозяйство, в организации нового колхозного прилива, в разъяснении каждому колхознику и единоличнику значения постановлений партии и правительства об организации борьбы с кулачеством, в составлении рабочих планов сева с доведением точных заданий до колхоза, села, каждого единоличного двора.

Шефская работа промышленных предприятий в деревне должна быть значительно усилена, построена так, чтобы полнее передать опыт и помощь социалистической промышленности, «решительно изгоняя всякого рода бессодержательную парадность и словесную шумиху» (из пост. ЦК ВКП(б) от 10/1 1931 г.).

Посылаемые из пролетарских центров ремонтные и вербовочные бригады должны провести в этом отношении большую работу. Но это конечно не может разрешить полностью вопроса о кадрах организаторов второго большевистского сева.

Социалистическая промышленность дала деревне в 1930 г. 25 тыс. организаторов. Работа их имела большой положительный результат. Но имея сама исключительно большие и ответственные задачи, промышленность не может ежегодно бросить в деревню на постоянную работу десятки тысяч своих лучших сил.

Необходимо, чтобы в весенний сев 1931 г. старые колхозы переняли этот показ промышленности, чтобы лучшие и наиболее опытные колхозные организаторы были двинуты на помощь новому колхозному приливу. Обеспечение своевременного и полного выполнения постановления Колхозцентра о посылке в новые колхозы 20 тысяч организаторов из старых колхозов является поэтому важнейшим мероприятием по обслуживанию второго большевистского сева кадрами.

Большие задачи выпадают и на долю специалистов-агрономов, мобилизуемых на проведение весеннего сева. Особенно же это относится к мобилизованной на сев молодежи из сельскохозяйственных вузов, которая имеет возможность накопить в условиях второго большевистского сева ценнейший практический опыт работы.

Практическое осуществление первой большевистской весны наряду с огромными достижениями вскрыло ряд недостатков в работе отдельных колхозов и организаций. Помимо недостаточных темпов коллективизации они преимущественно сводятся к слабому проведению подготовительных работ, как-то: сбора семенных и страховых фондов и ремонта инвентаря, несвоевременного составления производственных планов, а на их основе рабочих планов сева, нерациональной расстановки тяговой силы и колхозников, недостаточной нагрузки инвентаря, слабой труддисциплины и т. д. Имеющиеся первые данные о ходе подготовки к весеннему севу настоящего года показывают, что и теперь подготовка далеко не везде стоит на должном уровне.

Намеченное значительное расширение посевных площадей требует большого количества семенного материала. Особенно остра потребность в семенах огородных культур, кормовых трав и технических культур, поскольку посевы их должны быть особенно резко расширены. Поэтому своевременный сбор семенных и страховых фондов важнейшее звено подготовительных работ. Поступающие с мест сведения однако показывают, что сбор семенных и страховых фондов затягивается и стоит во многих районах под угрозой частичного срыва.

Недостаточно интенсивно проходит также обмен рядовых семян на сортовые, сортирование, триерование и протравливание семенного материала. А срыв этих боевых агрикультурных мероприятий ставит под удар важнейшие качественные показатели сельского хозяйства — повышение урожайности и снижение себестоимости.

Первостепенное значение в подготовке весеннего сева имеет организация тяговой силы и с.-х. инвентаря. Кормовой баланс в настоящем году во многих районах весьма напряженный. Поэтому необходимо своевременно позаботиться об образовании фуражных фондов. Некоторые районы и с этой работой позорно отстают, тем самым создавая условия срыва программы сева. Что касается тракторной тяговой силы и с.-х. машин, то и они далеко не везде приведены в боевую готовность. Остались считанные дни. Необходимо немедленно обеспечить полное проведение ремонта. Совершенно несостоятельны ссылки на отсутствие в районе ремонтных мастерских. Путем мобилизации местных возможностей и при помощи рабочих бригад должна и может быть обеспечена своевременная готовность с.-х. машин к севу, конечно при условии наличия достаточной инициативности.

Что касается подъема труддисциплины среди колхозников, важнейшего условия успешного проведения весеннего сева, то первым условием его является установление правильных принципов распределения урожая и доходов, как и учета количества и качества работы. Необходимо уже теперь в процессе подготовки к весеннему севу решительно искоренить едоцкий принцип распределения доходов, явно подрывающий труддисциплину, выгодный только бездельникам, кулакам и подкулачникам, делающим ставку на срыв коллективизации.

Решение задач второго большевистского сева должно находиться в центре внимания всех активных участников социалистического строительства в нашей стране. Немалое значение в их решении имеет и работа теоретической мысли, направленная на освещение огромных проблем социалистической реконструкции.

Боевые дни второго большевистского сева, дни новых побед и торжества социализма на полях нашей страны, должны окрылить и теоретическую мысль на новые дела, ударную работу. Горячка на полях большевистского сева, движение миллионных масс деревни в сторону социализма не может не передаваться ей как мощный призыв к усилению творческой работы.

Своеобразие программы по сельскому хозяйству на данном этапе состоит в том, что ее реализация связана с проведением коренного социального переворота в деревне. А это значит, что тут экономические мероприятия и маневры самым неразрывным образом связаны с развернутой политической работой. Программы по сельскому хозяйству в узком понимании, т. е. как отраслевой программы, не существует.

Сельское хозяйство теперь является ареной основной политической борьбы в стране. В этих условиях особенно велики обязательства

марксистско-ленинской теоретической мысли по отношению к сельскому хозяйству. Крестьянских резервов социалистического строительства в нашей стране много. Но значительная часть их стоит еще в тылу. В деле формирования колхозных батальонов, в деле подтягивания их на передовую линию боя за социализм — узкое отраслевое делячество не может ничего дать.

Выполнение нашей теперешней программы по сельскому хозяйству может быть осуществлено только руками марксистов-ленинцев. Только марксисты-ленинцы, подкованные теоретически, могут в непримиримой борьбе на два фронта со всякими извращениями партийной линии вывести миллионные массы бедняцко-средняцкого крестьянства на передовые позиции в деле борьбы за социализм. В связи с этим, в свете гигантских задач второго большевистского сева вырывается вся громадная ответственность, падающая за это дело на работников теоретического фронта. Эта ответственность изо дня в день все растет и усиливается. Особенно напоминает она о себе в дни подготовки второго большевистского сева в те дни, когда должны быть заложены новые крупные массивы совхозного и колхозного бетона в фундамент социализма.

О ЗАДАЧАХ ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Предмет теории советского хозяйства определяется характером экономики СССР, теми революционными изменениями в характере производительных сил (новая роль рабочего класса, осуществление технической революции, высокие темпы), в характере производственных отношений, в характере взаимоотношений последних с производительными силами, в характере взаимоотношений базиса и надстройки, экономики и политики, которые мы имеем в условиях социалистической революции в СССР.

Та или иная оценка перспектив построения социализма в СССР, а следовательно те или иные принципы экономической политики теснейшим образом связаны с оценкой природы экономических закономерностей в СССР¹, в частности той роли, которая отводится пролетарскому государству, его экономической политике в развитии советской экономики. Построение социализма осуществимо не «самотеком» не «автоматически», а на базе руководящей и преобразующей роли пролетариата в развитии экономики (в этом суть диктатуры пролетариата). Тов. Сталин на XVI съезде партии, давая характеристику советской системы хозяйства, начинает и кончает с констатации господствующей роли пролетариата в стране: «Советская система хозяйства означает, что власть класса капиталистов свергнута и заменена властью рабочего класса... Рабочий класс является хозяином страны, работающим не на капиталистов, а на свой собственный класс». Эта руководящая роль рабочего класса неизбежно сообщает развитию производительных сил и производственных отношений плановый характер. «Развитие производства подчинено... принципу планового руководства...» (Сталин, там же).

В период диктатуры пролетариата планирование является основной формой хозяйственной связи, выражающей определенный тип общественного труда, когда «орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т. д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства» (И. Сталин «Политический отчет ЦК ВКП(б) XVI съезду).

Разумеется задача хозяйственного руководства со стороны пролетариата решается по-разному на разных этапах. На пути социалистического строительства — от захвата «командных высот» до непосредственного управления всем народным хозяйством, как единым целым — имеют место существенные сдвиги, переходы, скачки — в пределах такого «большого скачка» как весь революционный переходный период.

¹ Проблема экономических закономерностей в СССР и вопросы методологии их изучения были в известной мере освещены автором в его докладе и заключительном слове в Институте экономических исследований Госплана (см. „Плановое хозяйство“ № 4 за 1930 г.). Более подробно автор предполагает ее осветить в следующей статье, в частности, в связи с высказываниями некоторых товарищей на страницах журнала „Проблемы экономики“, в данной же статье, имеющей другую цель, эта проблема затрагивается лишь мимоходом.

Эти сдвиги в содержании и формах планирования отражают изменения в системе производственных отношений переходного периода, в производительных силах, в соотношении классов, социальных секторов. Ярким примером такого сдвига является «вступление в период социализма».

Руководящая роль планирования пролетарской диктатуры основывается на том специфическом единстве воспроизводства в СССР, которое имеет место несмотря на особую двойственность советской экономики в переходный период, несмотря на наличие имманентной стихийной капиталистической тенденции у мелкотоварного сектора.

Теории «равновесия» и «самотека» (эти теории теснейшим образом переплетаются) исходят из механического соединения плана (социалистический сектор) и стихии (необщественный сектор, развивающийся на своей стихийной основе и «врастающий» в социализм). Диалектического единства здесь нет. Функции экономической политики, диктатуры пролетариата суживаются, экономические закономерности приобретают стихийный характер, ленинская теория построения социализма отрицается. Это сближает установки правых оппортунистов с теоретической концепцией троцкизма и буржуазных реставраторов. Разрыв диалектического единства советской экономики в связи с отрицанием руководящей роли социалистического сектора, через посредство экономической политики в развитии необобщественного хозяйства, характерен и для троцкизма (концепция Преображенского о «двух регуляторах») и для буржуазных реставраторов (капиталистический путь развития деревни, постепенно подчиняющий себе и развитие города), и для правого оппортунизма («самотечное развитие деревни»). Этот разрыв диалектического единства советской экономики означает механическое противопоставление планирования и экономической политики диктатуры пролетариата ее экономической базе («план-прогноз», абстрагирование от экономической политики, «самотек»).

Особый характер экономических законов в СССР основан на плановом (основном) характере процесса воспроизводства в условиях особой двойственности в единстве экономики, особой динамичности (революционный характер) развития экономики. Необходимо при этом решительно подчеркнуть момент планового единства в условиях двойственности как необходимое условие построения социализма в СССР.

Исходя из особенностей экономики СССР, как экономики, развивающейся в условиях революционной диктатуры пролетариата, исходя из особенностей экономических законов в СССР, исходя из того, что экономическая политика, планирование в СССР являются не только системой норм, что осуществление экономической политики неотделимо от плана пролетарской диктатуры в действии, а экономическая политика и план в действии неотделимы от закономерностей движения экономики, исходя из всего этого необходимо решительно отвергнуть — как методологически-ложные и политически вредные — попытки противопоставить теорию советской экономики общей теории планирования и основным принципам экономической политики.

Разрыв экономических закономерностей, плана пролетарской диктатуры и его экономической политики означает придание экономическим законам в СССР стихийного характера (особенно четко это выявлено у Громана, Базарова, Кондратьева), означает оценку плана пролетарской диктатуры, как «извне привносимого» к этим сти-

хийно развивающимся закономерностям, означает лишение плана его материальной классовой базы, его командной роли, наконец, этот разрыв приводит к полному искажению роли экономической политики, а следовательно, диктатуры пролетариата, к механическому разрыву социалистического и мелкотоварного секторов (поскольку наличие основных экономических связей вне экономической политики пролетарского государства означает стихийный путь развития мелкотоварного сектора), к теории самотека и равновесия секторов, к теории «двух регуляторов».

Особенно ярко выявляется ошибочность этого разрыва сейчас, после «вступления в период социализма». Этот разрыв, характерный (в разной степени) и для буржуазных реставраторов, и для троцкизма, и для правых оппортунистов, влечет за собой искажение предмета теории советского хозяйства. Основанный на неверной оценке советской экономики, он приводит вместе с тем к выхолащиванию политической действительности из теории советского хозяйства, к отрыву ее от анализа революционной практики, от планирования, как действительной конкретизации партийных установок. Теория советского хозяйства при этом сводится к схоластически-талмудическим изучениям категорий, отнюдь не отражающих законов советского хозяйства и искажающих характер пролетарской диктатуры.

Разумеется, и общая теория планирования, противопоставляемая теории советского хозяйства и экономической политике, превращается во «внеклассовые», схоластически-формалистические мудрствования, ничего общего не имеющие с революционной практикой планирования. Куда ведет отрыв теории планирования от теории советского хозяйства и от экономической политики, показывает книга Гордона «Введение в теорию планирования», образец меньшевистского формализма в подходе к советской экономике.

Основываясь на плановом в основном характере развития производительных сил и производственных отношений в СССР, как необходимым условием победоносной социалистической революции, следует подчеркнуть: ошибочность отрыва плана пролетарской диктатуры от процесса труда и от экономических закономерностей, ошибочность сведения плана к оторванной от труда, от экономики, форме, что приводит к выхолащиванию материального содержания из планирования. Необходимо связать плановость в развитии экономики с качественной определенностью общественного труда в СССР, выявить роль плана пролетарской диктатуры в действии как основного способа хозяйственной связи, неотделимого от основного производственного отношения, словом, материальный, общественно-исторический, классовый характер плана пролетарской диктатуры.

Необходимо особенно подчеркнуть боевой, классовый характер планирования, требующего постоянного упорного преодоления сопротивления классовых врагов. Необходимо вскрыть оппортунистическую классовую сущность установок о самотечном развитии к социализму на основе ведущей роли якобы автоматически действующего, раз навсегда установленного диктатурой пролетариата плана.

Работа по теории советского хозяйства должна быть пропитана критикой установок буржуазных реставраторов, троцкистов и правых оппортунистов, должна освещать не только их различия, но и сходные черты, особенно выявившиеся на новом этапе, и «эклектическую» смесь правых и «левых» установок. Критика этих установок должна базироваться на анализе конкретного материала, в особенно-

сти нового этапа, вскрывающем всю недиалектичность, необъективность классово чуждых пролетариату установок.

Вся эта критика неотделима от критики механицизма и идеализма в теории советского хозяйства, питающих антиленинские установки.

Борьба на два фронта в теории советского хозяйства против троцкизма и против правого оппортунизма, как главной опасности на данном этапе, должна выявить и непосредственный стык взглядов буржуазных реставраторов и правых оппортунистов. В борьбе с механистическим и идеалистическим извращениями марксизма-ленинизма необходимо подчеркнуть непосредственный стык механицизма с правым оппортунизмом, как главной опасностью (что отнюдь не исключает наличия механистических корней у троцкизма и прямо идеалистических корней в правооппортунистической концепции). Эта роль механицизма не должна ослаблять внимания к разоблачению идеалистических теорий, что имеет на нынешнем этапе значительную актуальность.

Особое внимание необходимо уделить разоблачению проявлений буржуазной сущности меньшевистского идеализма — рубинщины в теории советского хозяйства. Следует иметь в виду, что, если по линии борьбы с механицизмом в теории советского хозяйства была проделана уже значительная работа, то в отношении рубинщины эта работа до сих пор еще почти отсутствует. Рубинщина является идеологией буржуазных реставраторов-вредителей (напр. ее стык с юровщиной), вместе с тем она питает и троцкистские и правооппортунистические установки. Необходимо обратить сугубое внимание на проявление «мелочной концепции» в теории советского хозяйства.

Необходимым условием развития теории советского хозяйства по правильному руслу является решительное выкорчевывание антиленинских теорий о том, что экономические законы могут существовать лишь как стихийные законы, что теоретическая экономия изучает лишь эти стихийные экономические законы, что планирование не есть объект теоретической экономической дисциплины. Политический смысл этих теорий (Гильфердинг, Бухарин и др.), отрицающих по существу применимость исторического материализма к плановому хозяйству, сводится к отрицанию плановых экономических законов, а отсюда и специфических экономических особенностей в процессе производства планового хозяйства, экономических преимуществ планового хозяйства, к подчинению советского планового хозяйства стихийной экономической необходимости, внеисторическим железным законам равновесия. Положение Ленина о наличии теоретической экономии в условиях даже высоко развитого планового хозяйства («даже в чистом коммунизме») должно быть твердо усвоено.

Необходимо помнить следующие положения: в плановом хозяйстве возникает новый тип экономических законов, включающих коллективное познание экономической необходимости, что предполагает детерминированность сознательного руководства хозяйством.

Действительное познание экономических законов и является необходимым условием успешности планирования. В условиях планового хозяйства по-иному ставятся задачи политической экономии. Последняя носит принципиально иной характер по сравнению с политической экономией капитализма, по сравнению с политической экономией «в узком смысле», именно политическая экономия в условиях планового хозяйства не может не быть наукой о народнохозяйственном планировании.

Отрыв теории советского хозяйства от экономической политики, от планирования, питается в значительной мере громадовско-базаровскими установками об основных экономических законах в СССР, действующих вне и помимо экономической политики и планирования. Этот отрыв является существенной причиной крайне недостаточного использования в теории советского хозяйства материалов партийных съездов опыта экономической политики и планирования. В работах Ленина, в резолюциях и других материалах партийных съездов, конференций, пленумов ЦК партии, в статьях и выступлениях т. Сталина имеются основные установки по теории советского хозяйства.

Народнохозяйственное планирование СССР и его документы, как пятилетка, контрольные цифры и т. д., не могут не исходить из определенных теоретических установок, поскольку осуществляемая социально-техническая перестройка СССР не может не исходить из марксистско-ленинских принципов построения социализма. Задача заключается в систематизации, в углублении, в развитии теории советского хозяйства как развернутой дисциплины. Необходимо в гораздо большей степени использовать работы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, материалы съездов и конференций партии, пленумов ЦК, опыт экономической политики и планирования, огромный материал по критике методологии и практике буржуазных реставраторов, троцкистов, правых оппортунистов, по критике теории социал-фашистов о переходном периоде.

Если концепции буржуазных реставраторов, троцкизма и правого оппортунизма по своей методологии и своим выводам исключают построение социализма в СССР, то ленинская теория советского хозяйства не может не быть теорией построения социалистической экономики в СССР. Обобщая опыт революционной практики, опыт осуществления экономической политики пролетарской диктатуры, опыт народнохозяйственного планирования, опыт классовой борьбы в СССР, теория советского хозяйства имеет своей основной задачей освещение — на основе освоения этого опыта — путей и методов социалистического строительства в СССР.

Из этого вытекают следующие пять задач (эти задачи переплетаются) ленинской теории советского хозяйства:

1. Систематическое всестороннее освещение ленинских установок о путях построения социализма в СССР на основе анализа развития советской экономики на том или ином этапе.

2. Систематическая критика установок буржуазных реставраторов, троцкистов и правых оппортунистов — их методологии и практики.

3. Освещение основных установок перспективного синтетического планирования.

4. Освещение основных установок текущего синтетического планирования.

5. Разработка методологических предпосылок для отраслевых дисциплин по советской экономике, для отраслевых плановых дисциплин (например «экономика промышленности в СССР», «экономика сельского хозяйства» и т. д.).

Основным объектом теории советского хозяйства является процесс социалистического обобществления производства в СССР на базе индустриализации, что неотделимо от процесса ограничения, затем выкорчевывания корней капитализма, ликвидации кулачества как класса.

Задачей теории советского хозяйства является анализ конкретных закономерностей этого процесса. Путь к познанию закономерностей процесса построения социализма, к познанию его обусловленности, его необходимости, к познанию последовательности смены его фаз, темпа, лимитов его темпа — в изучении конкретного планирования в различных сферах производства, конкретного планирования в отношении различных хозяйственных укладов, в изучении единства всего процесса воспроизводства. Конкретные изменения содержания и форм планирования на основе развития производительных сил и производственных отношений, конкретное развитие системы плановых рычагов в действии, конкретные условия осуществления планов, лимиты в планировании, перипетии классовой борьбы в процессе планирования, соотношение плана и стихии в их конкретном выражении — таковы проблемы теории советского хозяйства.

Не останавливаясь на конкретизации предмета теории советского хозяйства по основным ее проблемам (основы методологии изучения советской экономики, общая характеристика производственных отношений общественного труда, природа экономических закономерностей, классовая структура, периодизация развития советской экономики, социалистическая индустриализация, социально-техническая перестройка деревни, организация и производительность труда, кадры, народнохозяйственный баланс, пропорциональность и хозяйственные трудности, вопросы обращения, распределения, потребления, основы методологии построения планов и конъюнктурных наблюдений, проблемы борьбы двух систем в мировом хозяйстве и т. д.), — в данной статье мы остановимся лишь на нескольких основных вопросах.

Глубоко ошибочным является механическое отделение и противопоставление советской экономики экономике социализма. Переживаемый нами последний этап нэпа вместе с тем является и первым этапом социализма. Тов. Сталин на XVI съезде партии отметил исторический факт вступления нашей экономики в период социализма. Народнохозяйственный план на 1931 г. намечает уже завершение построения фундамента социалистической экономики. Мы имеем уже не только наличие мощного сектора социалистических предприятий, не только руководящую роль этого сектора в развитии всего народного хозяйства, — мы имеем сейчас уже и преобладающую роль социалистического сектора в народном хозяйстве, приводящую уже к разрешению в основном проблемы «кто кого?» в промышленности и быстро приближающую сроки разрешения проблемы «кто кого?» и в сельском хозяйстве, поскольку 1931 г. должен дать уже абсолютный перевес социалистического сектора и в сельском хозяйстве.

Экономика социалистического общества возникает на наших глазах из недр экономики переходного периода. Отсюда с особой четкостью выявляется вся бесплодность попыток изучения социалистической экономики вне этапов ее развития. Такой разрыв с диалектикой неизбежно сведется к схоластическому, формалистическому надумыванию абстрактных схем социалистического общества. Необходима решительная борьба с проявлениями такого схоластицизма при построении перспективного плана. С другой стороны, и изучение нынешнего типа уже не может не быть изучением особой разновидности социалистической экономики, являющейся в то же время еще и экономикой переходного типа. В этом своеобразии последнего этапа нэпа.

Методологическая разработка проблем советской экономики нынешнего этапа, в частности проблемы природы закономерностей развивающегося планового хозяйства, природы экономического закона развивающегося организованного общества (а следовательно, проблем особых взаимоотношений производительных сил и производственных отношений, взаимоотношений базиса и надстройки) имеют чрезвычайно существенное значение для осознания дальнейших путей развития социалистической экономики.

«... План огромных социальных, экономических и технических сдвигов в нашей стране есть в то же время практическая программа боевых заданий партии, план «будничных» дел во всех областях хозяйственного и культурного строительства» — так характеризует народно-хозяйственный план на 1931 г. передовая «Большевика» № 1, 1931. Таковым же должен быть и новый перспективный план. Наличие гигантских сдвигов, требующих углубленного теоретического анализа, соединяется с боевым, практическим, оперативным характером планов, определяющих эти сдвиги.

Мы уже вступили в такой период, когда детализация проблем социалистической экономики приобретает непосредственно практический характер. Уже огромную актуальность приобретают слова Ленина: «Политическое различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадным»... «Бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное». «У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»².

Анализ проблемы закономерностей развития социалистической экономики должен вестись не абстрактно-схоластически, а на основе учета опыта планирования в СССР. Таким образом, теория советского хозяйства не только не должна быть разграничиваема от теории социалистической экономики, но она должна иметь в качестве существеннейшего своего объекта именно советскую экономику периода социализма. Исследовательская, преподавательская, пропагандистская работа по теории советского хозяйства должна в первую очередь освещать проблемы нового этапа, проблемы, связанные со вступлением в период социализма, с завершением построения фундамента социалистической экономики, уделяя при этом особое внимание освещению путей построения экономики первой фазы коммунизма (работа по перспективному плану). Практика социалистического строительства, практика перспективного планирования настоятельно требует развертывания и углубления работ по теории советского хозяйства в связи со вступлением в период социализма.

Вступление в период социализма знаменует решительный поворот в отношении характера планирования. Социалистический сектор держит теперь через посредство планирования «все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства». Произошел резкий сдвиг в отношении характера планового воздействия на сельское хозяйство. Быстрое развертывание социалистического сектора сельского хозяйства, сектора, приобретающего в 1931 г. и в сельском хозяйстве абсолютное пре-

² Ленин «Государство и революция».

обладание, означает, что быстро приближается осуществление задачи «сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство... закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы» (Сталин).

Планирование сельского хозяйства приобретает все более прямой, непосредственный характер, постепенно приближаясь по своему характеру к планированию промышленности. Плановое единство народного хозяйства СССР достигает теперь уже такого развития, что советская экономика быстро превращается в «одно целостное хозяйство», т. е. все более и более приобретает черты экономики развернутого социализма с характерной для него однотипностью структуры. Разумеется на нынешней стадии это означает обострение классово-борьбы. Оперативный народнохозяйственный план все более внедряется не только в промышленность, но и в сельское хозяйство. Эта роль планирования, прочно охватившего все сферы, все отрасли экономики, накладывает особую ответственность на систему плановых органов, поскольку особое значение приобретает качество плановой работы, ее научная обоснованность. Оперативный народнохозяйственный план сейчас настоятельно требует развернутой и следовательской работы по такому изучению проблем советской экономики, которое наряду с освещением детальных условий для планирования определенных отраслей давало бы четкую, целостную картину единого процесса производства в СССР.

Существенным моментом, характеризующим перелом в системе планирования, является тот поворот в низовом планировании, который связан с встречным промфинпланом. Возникнув на базе социалистического соревнования и ударных бригад, встречный промфинплан представляет собой новый тип отношения рабочего к своему труду, к своему предприятию, к народному хозяйству в целом. Встречный промфинплан означает изменение в характере общественного труда и, следовательно, и в системе плановой организации общественного труда, т. е. во всей системе планирования. Производитель непосредственно участвует в планировании, планирование непосредственно основывается на социалистическом отношении производителя к производству.

На примере встречного промфинплана четко выявляется процесс превращения труда в непосредственно общественный. Изучить роль встречного промфинплана, понять его суть можно не на основе «формально-организационного» подхода к нему, как форме планирования, оторванной от производственных отношений, от характера общественного труда. Встречный промфинплан неразрывно связан с социалистическим соревнованием, с теми изменениями в способе производства, которые наметились на новом этапе.

На примере встречного промфинплана четко выявилась ошибочность формалистического подхода к плану, к превращению его лишь в организационную схему, оторванную от материально классового содержания. Этот «плановый формализм», нашедший свое законченное выражение у Гордона, нередко встречается подчас у плановиков, разрабатывающих вопросы встречного промфинплана. Изучение встречного промфинплана, развертывающегося во встречный план и на транспорте и в сельском хозяйстве, в заготовительном, распределительном аппарате и в советском аппарате и в области подготовки кадров и т. д., должно обязательно включать ту базу, на основе которой встречное планирование возникло, т. е. содержание и формы социалистического соревнования. Это благодарнейшая задача для теоретической эконо-

мии, для теории советского хозяйства, для теории, изучающей социалистическое хозяйство, так как именно здесь находится узел закономерностей социалистической экономики. На этой основе следует изучать конкретные формы встречного плана, его организацию, его эффективность.

Планирование представляет собой определенное единство формы и содержания, формы планирования неотделимы от характера общественного труда, от типа производства, а следовательно, и воспроизводства. Именно поэтому такое изменение в характере общественного труда, как развертывание социалистического соревнования, не могло не вызвать и изменения форм планирования. Изучение взаимодействия формы и содержания здесь представляет огромный теоретический и практический интерес, имеет огромное политическое боевое значение. В связи с развитием социалистического соревнования, встречного плана должен осуществиться лозунг «план от Госплана до рабочего места и от рабочего места до Госплана». Процесс составления плана, процесс доведения плана до предприятия, процесс практической проверки плана, процесс исправления плана, процесс учета эффективности плана и т. д. — все это ставится по-новому в связи с социалистическим соревнованием и встречным планом, все это должно найти свое отражение в исследовательской работе по советской экономике, по планированию. Мало того, сама исследовательская работа по планированию неизбежно должна опираться на предприятия, на рабочие кружки, на рабочий актив.

Огромное значение приобретает сейчас низовое планирование, которое и должно непосредственно организовывать ту активность производителей, которая вытекает из развертывания социалистических отношений. Планирование завода, совхоза, колхоза, планирование внутризаводское, внутрисовхозное, внутриколхозное, планирование цехов, бригад, планирование, доведенное до рабочего места, приобретает сейчас особое значение. Это изучение низового планирования, проводимое на основе анализа социалистических производственных отношений (а не с «формально-организационной точки зрения»), должно дать огромный эффект.

Мы вплотную подходим здесь к задаче развернутого изучения типа социалистического предприятия. Эта задача является одной из коренных для теории советского хозяйства, она является чрезвычайно актуальной для планирования, в частности, по линии выявления возможных темпов развития хозяйства. Проблема преимуществ социалистической плановой системы, разумеется, далеко не исчерпывается проблемой преимуществ низового социалистического предприятия, поскольку процесс воспроизводства в целом в социалистическом хозяйстве включает ряд моментов, обеспечивающих высокие темпы производства, высокую долю накопления, эффективное использование при одновременном высоком уровне и высоких темпах роста личного потребления.

Однако, изучение преимуществ социалистической экономики в весьма значительной степени должно основываться на том комплексе преимуществ, который выявляется в самом низовом предприятии. Именно на предприятии в процессе производства и осуществляется эффективность социалистической экономики, здесь как в капле воды отражается ряд ее существеннейших моментов, наконец — и это особенно важно — именно при изучении типа социалистического предприятия и можно выявить такой гигантский источник темпов, как активное не-

посредственное участие самого производителя в управлении производством, его социалистические общественные стимулы к труду. Формы организации социалистического труда, изучение этих социалистических стимулов к труду — в действии, в их конкретном выражении — должны быть предметом тщательного исследования со стороны теории советского хозяйства.

Одной из важнейших задач теории советского хозяйства является изучение социалистического предприятия как единства новых производственных отношений и новой производительной силы, изучение того, как развертывание новых производственных отношений сказывается на производительности труда, как возникает новая производительная сила. Запроектирование гигантского роста народного дохода на 1931 г. (на 39%), суммирующее и рост промышленности и сельского хозяйства, неотделимо от той социальной задачи всемирно-исторического значения, которая поставлена партией и рабочим классом — завершить построение фундамента социалистической экономики в СССР. Эта задача и проектировка высоких темпов роста продукции представляют собой неразрывное единство. В самом деле, высокие темпы индустриализации определяют успешность развертывания социалистических отношений, успешность хода социальной перестройки деревни; с другой стороны, именно, лишь дальнейший значительный сдвиг в соотношении социальных секторов в пользу социалистического и означает такое ускорение темпов роста продукции. Создаются новые и новые производительные силы, выражаемые развертыванием социалистических производственных отношений, развертыванием социалистических предприятий.

Если теория «затухающей кривой» видела объяснение высоких темпов в СССР в наличии восстановительного процесса, позволявшего использовать старый основной капитал, а не в особенностях планового хозяйства, в преимуществах социалистической системы, если поэтому теория «затухающей кривой» предсказывала все большее замедление темпов в реконструктивный период, то факты социалистического строительства говорят об обратном, об ускорении темпов по мере развертывания социалистических производственных отношений.

Социализм на примере СССР уже доказал свое превосходство в отношении производственных ресурсов над капитализмом. Как пойдет дальше развитие темпов роста? Каково будет ускорение? В точности предусмотреть дальнейшие темпы роста, разумеется, немислимо, но найти более или менее прочные опорные пункты в проектировках возможно. Возможность эта превратится в реальность лишь в том случае, если теоретический анализ будет проводиться на основе максимального использования конкретного материала о фактическом осуществлении преимуществ планового хозяйства сейчас, о производительности социалистических предприятий разного типа (социалистические фабрики, совхозы, коммуны, артели и т. д.).

Эта задача связана с выявлением «тормозящей» роли частнохозяйственной формы в СССР. Эта тормозящая роль выразилась между прочим в чрезмерном отставании сельского хозяйства. Разумеется это отставание сельского хозяйства не могло не сказываться в известной степени и на темпах роста социалистической индустрии (на этом вопросе мы здесь не будем останавливаться). Таким образом, тормозящая роль частного хозяйства сказывалась не только непосредственно на самих частных предприятиях, но (через сырье, снабжение и т. д.)

оказывала сдерживающее влияние и на производительность труда в социалистических предприятиях. Несмотря на эту сдерживающую роль, социалистическая индустрия дала огромные темпы роста, позволяющие осуществлять быстрое вытеснение частного хозяйства социалистическим (через переделку мелкотоварного и вытеснение и ликвидацию капиталистического хозяйства). Это вытеснение частного производства отнюдь не исключает необходимости изучения тормозящей роли частного хозяйства. Во-первых, частнохозяйственные предприятия еще не исчезли, а в сельском хозяйстве играют значительную роль. Во-вторых, процесс развертывания социалистических отношений протекает таким образом, что частнохозяйственные предприятия как правило не превращаются сразу в последовательно социалистические предприятия; они коллективизируются сначала в таких формах, которые не предусматривают полного обобществления средств производства (с.-х. артель, ТОЗ), — поэтому чрезвычайно существенной задачей является изучение влияния, оказываемого на производственную эффективность таких социалистических предприятий со стороны остатков частнохозяйственных отношений у работников этих предприятий. Наконец, в-третьих, изучение тормозящей роли частнохозяйственного характера предприятий существенно для выявления ускорения темпов, связанного с исчезновением частного производства и заменой его социалистическим.

Помимо специального изучения общих условий воспроизводства, условий народнохозяйственного планирования, вытекающих из развертывания социалистических производственных отношений, следует подчеркнуть необходимость изучения конкретных темпов социалистических предприятий и их производственной эффективности.

Изучение преимуществ колхоза над единоличным хозяйством должно быть конкретизировано. Необходимо дифференцировать это изучение по формам колхозов (ТОЗ, артель, коммуна), т. е. по степени социалистического обобществления производства, по формам организации труда, распределения. Весьма существенно влияние при этом технической базы (трактор, с.-х. машины, удобрения, система полеводства, животноводства и т. д.). Огромный интерес представляет проследить, как меняется производительность труда в социалистических предприятиях в связи со степенью отмирания индивидуалистических пережитков у работников этих предприятий, в связи со степенью социалистического обобществления, в связи со степенью приближения этих предприятий к типу последовательно социалистических предприятий. Каковы условия производительности труда в ТОЗе, артели, коммуне и в совхозе? В колхозе, входящем в агроиндустриальный комбинат или не входящем? В колхозе, тесно связанном с госпромышленностью, с совхозами, или вовсе не связанном или слабо связанном? Разумеется, здесь необходимо учитывать и роль технической базы.

Наконец, и в пределах самих последовательно социалистических предприятий необходим дифференцированный подход. Огромный теоретический и практический интерес представляет выявление влияния связанности с деревней (сезонники, рабочие имеющие хозяйства в деревне, и т. д.), влияния остатков мелкособственного отношения к труду на производительность труда, выявление эффективности социалистического соревнования встречного плана на различных по составу рабочих госпредприятиях. Чрезвычайный интерес представляет сопоставление форм труда и его эффективности на госпромпредприятиях и в совхозах, на крупных и мелких совхозах, на фабриках с бо-

лее отсталой техникой и с техникой, более соответствующей социалистическому типу производства.

Такая дифференциация только и позволит выявить характерные черты социалистических предприятий, не возникающих сразу в наиболее совершенной форме, а развивающихся в условиях переходного периода и имеющих ряд форм. Только такая дифференциация в анализе даст соответствующий эффект для перспективного и текущего планирования.

Вступление в период социализма нашло отражение в следующих двух существенных сдвигах в планировании, характеризующих развёртывание социалистических отношений. Во-первых, в приближении планирования сельского хозяйства по типу к планированию промышленности, во-вторых, в развитии встречного планирования.

Первое изменение в системе планирования знаменует собой развёртывание процесса уничтожения противоположности города и деревни. Этот процесс находит свое выражение в превращении крестьянина в работника колхозно-социалистического предприятия, а затем — это дело будущего — и последовательного социалистического предприятия. Этот процесс осуществляется постепенно через ряд превращений. Он базируется на социалистическом укреплении и индустриализации сельского хозяйства, постепенном его превращении в социалистическую индустрию. Таким образом, постепенно исчезнет крестьянство как класс, превращаясь через ряд переходных звеньев (исчезновение отличия между середняком и бедняком — превращение их в колхозников) в работников социалистического сельского хозяйства, наконец, в работников социалистической индустрии. На этой основе обмен между городом и деревней превращается постепенно через этап советской торговли в прямой продуктообмен и затем в законченную систему социалистического распределения. Так промышленность и сельское хозяйство все более сближаются на основе руководящей роли плана. Это сближение превращает их в «одно целостное хозяйство» и наконец сливает их в единую социалистическую индустрию.

Если первая особенность планирования на нынешнем этапе означает развёртывание процесса уничтожения противоположности между промышленностью и сельским хозяйством, то вторая особенность (встречное планирование) означает существенное продвижение вперед по линии уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом.

Разумеется, завершение этого процесса уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом выходит далеко не только за пределы нынешнего начального периода социализма, оно выходит за пределы, вообще, первой фазы коммунизма. Начало процесса уничтожения этих противоположностей относится к началу социалистической революции на нынешнем этапе.

Отсутствие противоположности между умственным и физическим трудом достижимо не на первой фазе коммунизма, т. е. при социализме, а на высшей фазе коммунизма в результате создания необходимых для этого предпосылок. Каковы эти предпосылки? Гигантское развитие производительных сил, позволяющее осуществить лозунг «каждому по потребностям» и настолько сократить рабочий день и улучшить условия труда, что труд окончательно превратится в «первую потребность жизни» (Маркс. «Критика Готской программы»). Общест-

венная психология, быт, культура, воспитание работника в условиях высшей фазы коммунизма, определяемые экономическим базисом, будут пропитаны этим новым отношением к труду. Таков будет результат развития производительных сил и производственных отношений социалистического периода. Самый характер техники (полная автоматизация) при этом настолько изменится, что работник окончательно превратится в сознательно управляющего производством, знающего законы действия того или иного механизма и регулирующего их работу. Научный анализ непосредственно сращивается с производством материальных благ.

Труд настолько унифицируется (в противоположность нынешнему делению на резко разграниченные профессии), что может легко осуществляться переход от одной работы к другой. Воспитание и обучение также предполагает при этом слияние труда и науки.

Полная победа коммунистических стимулов к труду является симптомом высокого развития коммунистического обобществленного труда, развития непосредственно общественного труда. Глубоко ошибочным было бы предположение, что тип социалистического обобществления труда на наших последовательно социалистических предприятиях является неизменным, что труд, превратившись в социалистически обобществленный, уже сохраняется как таковой без изменения. Такой подход ничего общего с диалектикой не имеет. Разве развертывание социалистического соревнования на новом этапе не означает достижения новой фазы в развитии социалистического обобществления труда, в развитии непосредственно общественного труда? Разве превращение труда в удовольствие, в привычку, не означает скачка в развитии непосредственно общественного труда?

Встречный план, социалистическое соревнование означают резкое усиление коммунистических стимулов, резкую активизацию работников в процессе производства, резкое усиление их заинтересованности в работе предприятия в целом, резкое усиление их роли в непосредственном управлении предприятием, резкое усиление их сознательного руководства производственным процессом. Непосредственное участие работников физического труда в планировании производства означает огромный сдвиг в характере общественного труда, значительное сближение умственного и физического труда. От этого неотделимы и социалистические стимулы к труду и усиление элементов отношения к труду, как к «делу чести, делу славы, делу доблести и геройства».

Задачей теории советского хозяйства и является изучение развития всех этих моментов, развития общественного труда, изучение моментов, характеризующих вытеснение старых стимулов к труду новыми, характеризующих сближение умственного и физического труда, управления и непосредственного производства. Огромный интерес представляет здесь и то сближение науки с трудом, которое, в частности, находит свое выражение в огромном размахе выдвигательства, производственного обучения, рабочего изобретательства, в деле подготовки квалифицированной рабочей силы (политехническая школа, заводы-втузы, ФЗУ и т. д.), в деле приближения исследовательской работы к производству.

* * *

Если 1931 г. должен завершить построение фундамента социалистической экономики, если в 1933 г. коллективизация сельского хозяй-

ства должна быть в основном закончена и тем самым кулачество как класс ликвидировано, — то, естественно, что осуществление следующего за первой пятилеткой перспективного плана народного хозяйства приведет к завершению построения экономики первой фазы коммунизма. Этот перспективный план по существу явится перспективным планом построения развернутой социалистической экономики.

Работа над второй пятилеткой настоятельно диктуется уже практикой нынешнего планирования. Это вытекает не только из факта приближения сроков выполнения первой пятилетки (осуществление лозунга «пятилетка в четыре года»). Гигантские капитальные вложения, осуществляемые сейчас, основываемые на определенных принципах размещения производства, комбинирования и кооперирования отраслей и отдельных предприятий, разумеется, не могут планироваться вне дальнейших перспектив развития производительных сил соответствующих районов, вне перспектив развития соответствующих отраслей производства. Ярким примером этого является проблема развития Урало-кузнецкой топливно-металлургической базы — проблема буквально «выпирающая» за пределы нынешней пятилетки. Излишне мотивировать и практическую необходимость скорейшего составления перспективного плана для сельского хозяйства; особую практическую необходимость, обуславливаемую тем, что лицо сельского хозяйства, благодаря колоссальным успехам развития совхозов и колхозов, оказывается не таким, как это предполагалось по первой пятилетке, исходившей из преобладания индивидуального сектора сельского хозяйства в 1933 г.

Естественно поэтому, что наши планирующие органы уже приступили к составлению нового перспективного плана, на основе которого и будет происходить реальное строительство, реальное производство, распределение, потребление и т. д. Таким образом, перспективный план фактически становится оперативным планом. Между тем, гигантская задача построения экономики первой фазы коммунизма, задача всемирно-исторического значения, требует огромного напряжения теоретической экономической мысли, требует со стороны коммунистов, занимающихся теоретической разработкой проблем советской экономики, организованной работы над перспективным планом.

Такой план, как план построения экономики первой фазы коммунизма, должен быть развернутым научным планом особо высокого качества, исключаящим как абстрактный схематизм, так и ползучий эмпиризм. Этот план предполагает такие сдвиги в развитии производительных сил и производственных отношений, в ресурсах производства, в технике, во взаимоотношениях отраслей и предприятий, в типе предприятия, в характере общественного труда, в организации труда, такие сдвиги в производстве, обмене, распределении, потреблении, в принципах планирования, в принципах учета производства, что без глубокой теоретико-методологической работы сейчас перспективное планирование уже не может осуществиться. Разумеется, эта теоретическая работа окажется бесплодной, более того, вредной, если она не будет опираться на конкретный материал, если она будет оторвана от опыта планирования, от практики планирования, от конкретных подсчетов темпов развертывания конкретных отраслей конкретных проектировок. Теоретическая работа является лишь элементом — крайне важным существенным элементом, но все же лишь элементом перспективного планирования.

В самом деле, мыслима ли разработка принципов размещения производительных сил и путей технической революции без определенных, укладываемых в определенные сроки, подсчетов возможных темпов электрификации, развития производства топлива, развития металлургии, машиностроения, тракторостроения, химии, без конкретных планов их размещения и т. д. Самый характер комбинирования отраслей зависит от возможных темпов их развития.

Разумеется, с другой стороны, что и проектировка количественных темпов развития соответствующих отраслей немыслима без определенного качественного анализа путей технической политики, путей кооперирования, комбинирования тех или иных отраслей, наконец, без общей характеристики организации труда, производственных отношений и т. д. Генеральный план должен строиться не при обособлении работы «чисто теоретической» от «чисто конкретной», поскольку ни та, ни другая работа не дадут при этом научного эффекта. Необходимо постоянное «взаимопроникновение» (но не слияние) теоретической и более конкретной работы на основе, опирающейся на практику, на определенные количественные показатели, проверяемые по возможности путем комбинаций данных передовых капиталистических стран с данными наших передовых предприятий и т. д. На основе получаемых вариантов темпов и пропорций снова проверяются принципиальные установки, проверяется методология и т. д. Здесь должна быть достигнута диалектическая связь абстрактного и конкретного — анализа и синтеза.

Перспективный план в части своих основных установок, в части теоретико-методологической, должен опираться на теорию советского хозяйства. В свою очередь работа по перспективному плану и составляет один из важнейших путей движения теории советского хозяйства, ее развития. Именно в работе по перспективному плану, представляющему одновременно и теоретическое исследование и оперативный план, и должно выявиться с особой четкостью то единство теории и практики, которое особенно настоятельно диктуется задачами социалистического строительства. Теория советского хозяйства должна быть при этом разрабатываться на основе конкретного материала, проверяться на конкретном материале, оставаясь при этом теоретической дисциплиной.

Работа по перспективному плану несомненно даст гигантский толчок к развитию теории советского хозяйства в том случае, если будут в корне преодолены всякие попытки «талмудизации» теории советского хозяйства, отрыва ее от социалистического строительства, от планирования.

Имевшие место до сих пор попытки синтетического построения генерального плана (мы оставляем в стороне огромную вредительскую литературу о генплане господ Чайновых и К^о, сконцентрированной в архивах плановых органов и ведомств, частично отраженной на страницах наших толстых журналов и терпеливо ждущей своей критики) были неудачны, обычно сводясь к «игре в цифры». Это обстоятельство вытекло из того, что методологическая работа в огромной степени сводилась там к исканию «железных» математических формул, позволяющих якобы устанавливать функциональную связь между различными элементами. Между тем, самое это развитие соответствующих элементов не обосновывалось качественным анализом, анализом путей развития производительных сил и производственных отношений, в то время как именно последнее-то и должно было служить

о обосновании возможности соответствующих темпов (мы остаемся в стороне ряд других весьма существенных дефектов, имевших место в работах Ковалевского по генплану и других примыкавших к нему экономистов). Для такого обоснования темпов и пропорций требуется теоретическая работа больших коллективов экономистов, вооруженный марксистско-ленинской методологией.

Теория советского хозяйства должна помочь решительному преодолению всяких попыток привнесения в перспективный план «игры в цифры», решительному выкорчеванию «арифмометрических методов» построения перспективного плана и т. д. При построении перспективного плана необходимо возможно полнее учесть тот гигантский сдвиг в развитии производительных сил в СССР, который лежит в основе построения социалистической экономики, который связан с возрастающей ролью преимуществ социализма в связи с полным развертыванием социалистических отношений. Этот сдвиг касается и рабочей силы, и средств производства.

Резко возрастает доля работников индустрии в самодеятельном населении, не только за счет развития внедеревенского производства, но и за счет внедрения индустрии в деревню, в сельское хозяйство, за счет постепенного превращения одних операций за другими из сельскохозяйственных в индустриальные. Процесс превращения крестьянина в работника социалистической индустрии означает гигантский сдвиг в экономике (и в культуре, быте) СССР. Быстрое развитие обобществления труда на базе укрупнения производства, на базе концентрации связано не только с ростом энерговооруженности, но и с иным качеством труда, вытекающим из кооперации, разделения труда, из крупного производства. Однако сдвиг в рабочей силе далеко этим не исчерпывается. Ведь речь идет о социалистическом укрупнении производства, следовательно, о создании мощных дополнительных источников темпов, возникающих из развертывания коммунистических форм труда, коммунистического отношения рабочей силы к производству. Здесь мы сталкиваемся с моментами, характеризующими одновременно и изменение производственных отношений и производительных сил.

Социалистическое соревнование, ударничество, встречный план, широкое развертывание рабочего изобретательства, рабочих предложений по улучшению производства, разумеется, получают себе дальнейшее весьма значительное развитие. Это означает развитие нового типа общественного труда, новой системы организации труда, новых стимулов к труду. Этот новый тип труда, означающий рост активного участия работника в производстве, опирается и на распространение все большей механизации производства, превращающей работника все более в активного, управляющего и регулирующего работу механизмов, и на все растущую активность работников в управлении предприятием, и на социалистическую реконструкцию быта, выражающуюся в социалистической организации потребления, в значительном росте культуры, уровня личного потребления. Разумеется, эта реконструкция быта является производным моментом от социалистической индустриализации, от нового способа производства. Таким образом осуществляется процесс постепенного отмирания противоположности между умственным и физическим трудом.

Этот новый тип труда, характеризуемый высоким уровнем производительности, найдет свое отражение и в развитии производственных коммун, и в новых формах распределения труда. В частности (это

только один из моментов проблемы оплаты труда) произойдет сдвиг в соотношении заработка работников различных профессий и квалификаций. Если в настоящее время степень дифференциации зарплаты коренным образом отличается от условий капитализма (значительно ниже), то все же она выше, чем в условиях развернутого социализма, не говоря уже о высшей фазе коммунизма, полностью ее устранивающей («каждому по потребностям»).

Весьма вероятно, что еще до завершения построения развернутого социализма в тип, в организацию труда уже будут все более внедряться моменты, характерные для более высокой фазы коммунизма. Вообще без изучения новых форм труда, в частности на основе тщательного анализа форм и результатов социалистического соревнования, ударничества, встречного плана на нынешнем этапе, работа по выявлению источников возможных темпов развития производства невыполнима.

Стержнем перспективного плана построения развернутой социалистической экономики является проблема «новой организации труда, соединяющей последние слова науки капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство» (Ленин. «Великий почин»).

Перспективный план является в определенной своей части планом развертывания технической революции в СССР. Процесс построения социалистической экономики означает создание условий осуществления технической революции, созревшей уже в недрах капиталистической экономики, но не могущей осуществиться без социалистической революции.

Перспективный план должен конкретизировать роль преимуществ советской системы хозяйства в деле развития производительных сил. Следует выявить особенность в развитии энергетики, электрификации в условиях капитализма и в условиях СССР, показать, как социалистическая электрификация преобразует народное хозяйство, показать, что мощный размах производства электрической энергии представляет собой не только развитие отрасли, что оно преобразует не только двигатель, но меняет весь тип механизма, ускоряет полную автоматизацию производства. Если капитализм развитием автоматизации усиливал превращение рабочего в энергетический придаток машины (Форд), то дальнейшего шага, полной автоматизации, создающей техническую базу для полного превращения труда в «первую потребность жизни», капитализм, конечно, сделать не может. Полную автоматизацию осуществляет лишь социалистическая революция.

Электрификация означает и соответственное развитие таких отраслей, как электрохимия, как электрометаллургия, производство высококачественной стали и цветных металлов, легких металлов, играющих такую роль в «новых» отраслях промышленности.

Социалистическое развитие энергетики, в частности, электрификации, означает новый тип комбинированных отраслей, в частности, электричества, топлива, металлургии, химии, означает развитие социалистических энергоиндустриальных комбинатов, означает развертывание социалистического районирования, социалистического размещения производительных сил; означает новые условия для такого развития сельского хозяйства, которое ведет к уничтожению противоположности города и деревни — процесса, резко меняющего социальное лицо СССР; означает новые условия для развития транспорта, коммунального хозяйства и для культурного развития.

Единая сплошная сеть электростанций в СССР означает создание новой мощной рационально используемой энергетической системы, являющейся базой социальной реконструкции и дальнейшего укрепления социалистического планирования (управления производством на базе энергетических центров). Оптимальное размещение производительных сил, народнохозяйственное кооперирование отраслей, комбинирование, специализация и такая автоматизация, стандартизация, которые далеко оставляют за собой условия капитализма, — связаны именно с социалистическим способом производства. Проектировка развития производительных сил вне учета специфических производственных отношений, разумеется, является абсолютно немислимой. Критерий эффективности капитальных вложений вытекает из определенного способа производства. Все эти моменты должны быть конкретизированы генеральными установками технической политики, генеральным планом технико-экономической реконструкции, в основе которого должен быть новый генеральный план и энергетики, в особенности электрификации, как развитие плана ГОЭЛРО.

Без костяка — производительных сил — абстрактно схоластическими, никчемными являются проектировки в развитии производственных отношений. В самом деле — мыслимо ли проектировать тип социального развития сельского хозяйства после сплошной коллективизации, абстрагируясь от индустриализации сельского хозяйства, от типа сельскохозяйственных предприятий, от типа энергетики в сельском хозяйстве? Разве безразлично для развития социальной формы сельского хозяйства, будет ли оно механизировано на базе трактора или на базе электродвигателя, или на смешанной базе? Пойдет ли индустриализация сельского хозяйства по типу агроиндустриальных комбинатов, и каковы будут типы этих комбинатов? В каком сочетании будет размещение промышленности и размещение сельского хозяйства, размещение энергоиндустриальных комбинатов, предприятий легкой индустрии и агроиндустриальных комбинатов? Какова будет руководящая роль индустрии в агроиндустриальных комбинатах?

Если в 1933 г. основным социальным типом сельского хозяйства будет артель, то значит ли это, что в дальнейшем эта артель, в которой «не завершается, а лишь начинается дело создания новой общественной дисциплины», должна будет пройти через этап коммун нынешнего типа, при кардинально изменившихся условиях сельскохозяйственной техники, взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства? Какой характер примет распространение последовательно социалистических форм предприятий в сельском хозяйстве? Какова будет роль нынешних совхозов? Без перспектив в области производительных сил, в области технической базы, проектировки в этом направлении являются «гаданием на кофейной гуще». Разумеется и проектировки развития производительных сил сельского хозяйства немислимы вне проектировок определенных социальных форм. На основе проектировок способа производства в промышленности и в сельском хозяйстве проектируются и формы обмена и распределения, процесс превращения сферы обращения в систему социалистического распределения, процесс превращения банковской системы в систему общественного счетоводства, сращивание ее с органами планового распределения ресурсов, развитие расчетно-чековой системы, процесс развития трудового учета, процесс социалистической организации быта и потребления, организации социалистических принципов оплаты труда — все это наме-

чается на базе и в связи с проектировками изменения способа производства.

Изменение в характере общественного труда в СССР означает и изменение формы его выражения, формы его учета. Процесс постепенного превращения нынешнего пятиукладного хозяйства в хозяйство развернутого социализма означает неизбежно и отпадение ценовой формы выражения труда, означает изменение выражения труда, как объекта социалистического планирования. Проблема социалистического учета приобретает огромное методологическое значение для перспективного планирования, поскольку социалистическая организация хозяйства требует соответствующего критерия при сопоставлении натуральных благ.

Унифицирующий характер рубля при господстве закона ценности, в условиях товарного фетишизма, позволял ему выполнять задачу всеобщего измерителя постольку, поскольку это и требовалось в царстве капиталистической прибыли. Советский рубль, функционирующий в условиях руководящей роли плана и выражающий уже не закон стоимости, является и сейчас чрезвычайно важным орудием сопоставления и измерения продуктов, производимых на основе народнохозяйственного плана и расцениваемых в основном по плану. Задача укрепления этого рубля является весьма актуальной задачей сегодняшнего дня. Однако, это не исключает того неоспоримого факта, что денежный учет все менее и менее может считаться для наших условий достаточно и с ч е р п ы в а ю щ и м. Счет в рублях неизбежно унифицирует в нашем представлении то, что для социалистической индустриализации не равноценно. Эффективность тех или иных затрат затушевывается этим рублем. Выражение в рублях и тракторов, и лошадей, и строительства предприятий-гигантов и мелких зданий затушевывает фактическую выгодность затрат со стороны общества на эти объекты, хотя бы уже потому, что система цен в СССР не является строго пропорциональной количеству затрат общественного труда. Между тем, «н а т у р а л ь н ы е», а не ценностные соотношения в планах приобретают все более существенную роль. Выражены натуральных благ в неизменных ценах является малоудачным, а иногда абсолютно непригодным суррогатом их учета, поскольку сложившаяся в таком-то году система цен является весьма условным и весьма относительным моментом, маскирующим действительное соотношение элементов народного хозяйства.

Проблема трудового учета становится все более актуальной для социалистического строительства. Развертывание социалистических отношений усиливает одновременно и потребности, и возможности трудового учета. Проблема трудового учета отнюдь не должна являться «специально» статистической проблемой. Ее разрешение не может быть сведено к бухгалтерским инструкциям о соизмеримости различных видов труда (хотя и практическая сторона трудового учета должна получить свое максимальное разрешение). Она может быть разрешена на основе изучения качества общественного труда при социализме.

Соизмерение затрат труда работников различных профессий возможно лишь на основе выявления общих черт этих затрат труда как специфически-исторического общественного труда. Трудовой учет, «редукция» при социализме связаны с типом труда и характером планирования, вне изучения которых немислимо и определение тех специфических «общественно-необходимых условий» произ-

водства, которые присущи социализму. Система трудового учета теснейшим образом переплетается таким образом со всей системой планирования»; она связана с системой определения «эффективности капитальных затрат, с системой определения оптимальных затрат труда.

Трудовой учет не возникает сразу в совершенном, законченном виде. Его развитие представляет собой диалектический процесс. Элементы трудового учета — пока еще в очень неразвитой форме — у нас уже налицо в социалистическом секторе. Особую трудность представляет намечение этапов в развитии трудового учета при наличии еще разнотипных по социальному характеру предприятий. Проблема трудового учета связана с проблемой народнохозяйственного баланса, с актуальной проблемой увязки между собой системы натуральных балансов в перспективных планах. На этом участке отставание теории от практики обойдется нам достаточно дорого.

Выполнение перспективного плана должно идти под лозунгом «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны в ближайшие десять лет».

Если первая пятилетка должна дать СССР первенство в Европе, то следующие семь лет должны будут привести к тому, что СССР опередит САСШ в технико-экономическом отношении. Этот процесс означает гигантские сдвиги в роли СССР в мировом хозяйстве, во взаимоотношениях СССР с мировым капиталом. Проблема быстрого роста обороноспособности в условиях неизбежного дальнейшего обострения опасностей войны, проблема создания условий для максимально быстрой милитаризации народного хозяйства во время войны, должна быть одной из наиболее основных проблем перспективного плана. Необходимо особенно тщательно продуманный прогноз взаимоотношений СССР с мировым капиталом, в частности по линии советского экспорта. Необходимо учесть влияние быстрой индустриализации Советского Востока (Восточная Сибирь, Дальний Восток, Ср. Азия) на взаимоотношения СССР с тихоокеанскими странами, с колониями, со странами Ближнего Востока.

Теория советского хозяйства не может обойти всех этих проблем. Мало того, именно, проблемы народнохозяйственного планирования, неотделимого от развития производственных отношений, как формы развития производительных сил, и оставляют предмет теории советского хозяйства.

* * *

Тот факт, что теория советского хозяйства, входя в политическую экономию, в широком смысле, вместе с тем и является плановой дисциплиной — общей теорией народнохозяйственного планирования в СССР — означает ее значительно большую конкретность по сравнению с политической экономией в «узком смысле». Этот момент относительной конкретности имеет настолько существенное значение, что от его разрешения зависит и судьба самой теории советского хозяйства.

Разумеется, необходима решительная борьба со всякими попытками придать теории советского хозяйства описательно-эмпирический характер. Такой эмпиризм неизбежно исключил бы возможность изучения закономерностей советского хозяйства. Совершенно недопустимо растворение теории советского хозяйства в описательном матери-

але, в конъюнктурных сводках, в технических выкладках, в организационных схемах, в проблемах рационализации аппарата, узко отраслевых проблемах, в сводках контрольных цифр и т. д.

Необходимость принципиально иной роли конкретики в теории советского хозяйства по сравнению с политической экономией в «узком смысле» вытекает из ряда весьма существенных моментов.

Прежде всего теория советского хозяйства изучает экономику переходного типа в условиях СССР. Иными словами теория советского хозяйства не изучает «трансформационного процесса» вообще, и не ограничивается изучением процесса построения социализма «вообще», — она изучает процесс революционного социалистического преобразования экономики в условиях СССР, учитывая его специфические особенности, учитывая характер дореволюционного «наследства» полученного партией и рабочим классом, (техничко-экономическая отсталость), роль и характер сельского хозяйства, огромное преобладание сельского населения, культурную отсталость, наличие бюрократических извращений (имеющих определенную социальную природу) и, наконец, мировое капиталистическое окружение.

Контрреволюционный троцкизм как разновидность международной социал-демократии эту технико-экономическую отсталость дореволюционного наследия превращал в непреодолимое препятствие для построения социализма в СССР без государственной помощи международного пролетариата, преобладание крестьянского населения превращал в бесперспективность социалистического строительства, бюрократические извращения — в термидорианскую реставрацию, а наличие капиталистического окружения служило для троцкизма основанием рассматривать СССР как придаток мирового капитализма. Таким образом троцкизм расценивал совокупность специфических особенностей СССР как моменты, исключающие возможность построения в СССР социализма.

Этим теориям как в их откровенно социал-демократической форме, так и в более завуалированной троцкистско-социал-демократической форме, ленинская теория и практика нанесла сокрушительный удар.

Это, однако, не означает, что специфические особенности СССР должны быть вообще отброшены в теории советского хозяйства. Это значит лишь, что эти особенности должны трактоваться по-ленински. Разве мыслимо действительно понять процесс воспроизводства в СССР, взаимоотношение производительных сил и производственных отношений, процесс индустриализации и социалистического обобществления в СССР, проблему «догнать и перегнать», трудности хозяйственного строительства и пути их преодоления, роль «мелкобуржуазной стихии», характер классово-вой борьбы в СССР, абстрагируясь от этих специфических особенностей.

Универсальность нэпа, его обязательный характер для всякой страны, находящейся в переходном периоде от капитализма к социализму, наличие общих установок экономической политики переходного периода отнюдь не исключает, а предполагает наличие существеннейших особенностей его конкретного осуществления в разных странах, которые войдут в социалистическую революцию с разной технико-экономической структурой. Огромную роль играет также то, какой характер примет гражданская война, будет ли обязательным этап «военного коммунизма», будет ли надобность в относительно длитель-

ном «восстановительном периоде», в какой мере отразится враждебное окружение и т. д.

Работа Бухарина «Экономика переходного периода» страдает именно абстрактным схематизмом (переплетающимся с глубокими методологическими ошибками), поскольку она игнорирует особенности социалистического строительства в СССР. Ленин в заметках на полях этой книги наряду (а часто и в связи) с обвинениями Бухарина в богдановско-«организационной» точке зрения, в идеалистических и механистических извращениях диалектического материализма, многократно отмечает эту абстрактность Бухарина.

Ленин неоднократно давал пример того, как следует изучать экономику переходного периода на опыте конкретного социалистического строительства в СССР. Особенно ярким классическим примером является его статья «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Здесь глубина теоретических обобщений сочетается с освещением конкретных живых фактов, с боевой политической актуальностью. Статья дает материал для теории советского хозяйства именно потому, что она дает материал для революционной практики. Непременным условием для теории советского хозяйства является конкретизация своего объекта настолько, чтобы охватить специфические особенности строительства социализма в СССР.

Вторым моментом, усиливающим необходимость соответствующей конкретизации анализа теории советского хозяйства, является тот факт, что теория советского хозяйства изучает процесс социалистической революции, когда каждый год приносит резкие сдвиги в соотношении секторов, когда резко меняется самый тип воспроизводства. Анализ этого революционного процесса, разумеется, не мыслим вне изучения конкретных сдвигов в экономике. А это изучение не может не усиливать роли конкретного материала, характеризующего эти сдвиги.

Поскольку объектом теории советского хозяйства является экономика СССР, быстро меняющаяся в условиях социалистической революции, постольку теория советского хозяйства как наука о построении социалистической экономики в СССР имеет своей задачей изучение закономерностей развития экономики СССР и методов социалистического строительства на том или ином конкретном этапе.

Отсюда следует, что объект теории советского хозяйства сам быстро развивается на основе конкретного хода социалистической революции в СССР, что предстоящее ее развитие, став осуществившейся реальностью, станет объектом изучения теории советского хозяйства. Мало того, еще до того, как предстоящее развитие социалистической революции станет осуществившейся реальностью, оно в виде перспективных планов уже является существенным элементом объекта теории советского хозяйства.

Таким образом изучение закономерностей этапов развития советской экономики (при этом не следует упускать развития советской экономики как единого процесса) и, в первую очередь, экономики периода социализма — также усиливает необходимость соответствующей конкретизации исследования в теории советского хозяйства.

Наконец, следующей особенностью объекта теории советского хозяйства, усиливающей роль конкретики, является тот факт, что теория советского хозяйства является непосредственным руководством к социалистическому строительству и планированию. По-

сколько это строительство, это планирование отнюдь не является беспредметным, а осуществляется в конкретной обстановке, постольку и теория советского хозяйства должна основываться на таком широком привлечении конкретного материала, который позволил бы справиться с этой задачей.

Таким образом, необходимость изучения экономики в условиях социалистической революции на конкретном примере СССР, на определенных ее этапах, в целях непосредственного использования партией и рабочим классом результатов этого изучения в революционной практике — делает теорию советского хозяйства значительно более конкретной дисциплиной, чем та теоретическая экономика, которая изучает производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства — чем политическая экономия в «узком смысле».

Теория советского хозяйства является, таким образом, и общей теорией народнохозяйственного (синтетического) планирования в СССР, т. е. планирования процесса воспроизводства, находящего свое выражение и в балансе народного хозяйства СССР. Разумеется, речь здесь идет о постоянно меняющихся пропорциях в распределении живого и накопленного труда в процессе социалистической индустриализации, о пропорциях, подчиненных не балансовым схемам «равновесия» буржуазных реставраторов или правых оппортунистов, а подчиненных задачам революционного социалистического преобразования экономики.

Наше синтетическое планирование не может не исходить из определенных балансовых соотношений различных элементов народного хозяйства, хотя бы и не оформленных в законченном балансе народного хозяйства. Разумеется, наше планирование не равняется при этом на «узкие места». Это-то находит свое выражение, между прочим, и в том, что наши планы, будучи реально выполнимыми, являются вместе с тем и напряженными. Эта напряженность планов отнюдь не исключает необходимости учета народнохозяйственных балансовых соотношений. Мало того, развитие и совершенствование синтетического планирования предполагает и развитие методов построения народнохозяйственного баланса, системы балансов. До сих пор в этой области в практике нашего планирования еще немало кустарщины, еще немало дефектов, между тем задачи социалистического строительства на нынешнем этапе, когда капитальные вложения исчисляются многими миллиардами рублей, когда мы имеем резкие сдвиги социальных отношений, когда приобретают такое значение «качественные показатели» плана, — эти задачи настоятельно требуют особой тщательности в работе по народнохозяйственному балансу.

Этот народнохозяйственный баланс не должен быть продуктом формально-статистических подсчетов, продуктом «чистой» бухгалтерии. Он не должен быть «игрой в цифры», как характеризовал т. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов баланс народного хозяйства, опубликованный ЦСУ в 1926 г. Народнохозяйственный баланс должен быть продуктом теоретического анализа развития советской экономики, соотношения ее элементов, путей социально-технической ее реконструкции. Народнохозяйственный баланс не противостоит социалистическому планированию, поскольку он не сводится к мертвым статистическим схемам, фотографирующим прошлое, он не противостоит перспективным планам, освещающим будущее, фиксирующим активное творческое воздействие. Баланс включается в

перспективные проектировки. Баланс в руках ленинской партии — орудие активного социалистического планирования, в то время, как у празых сппортунистов, — не говоря уже о Громанах и Базаровых — план должен был пассивно приспособляться к балансовым схемам «равновесия». Вот почему народнохозяйственный баланс должен строиться на основе марксистско-ленинской теории советского хозяйства, как теории социалистического строительства, теории синтетического планирования.

Тов. Сталин, на конференции аграрников-марксистов заострил внимание на роли народнохозяйственного баланса на том, что лишь революционные марксисты могут его построить, на том, что теоретическое изучение советской экономики должно находить свое практическое отражение в схемах народнохозяйственного баланса, как выражение синтетического планирования.

«Схему баланса народного хозяйства должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заняться разработкой вопросов экономики переходного периода»³. Этим т. Сталин еще раз подчеркнул необходимость максимальной активизации теории советского хозяйства, максимального включения ее в социалистическое строительство, в планирование.

Принципиально иной характер экономических закономерностей в СССР по сравнению с капитализмом означает, что принципиально иную роль играют в теории советского хозяйства по сравнению с политической экономией в «узком смысле» вопросы экономической политики (об этом речь была выше), вопросы организации хозяйства, вопросы организации и осуществления политики партии. Поскольку развитие плана пролетарской диктатуры неотделимо от развития советской экономики, постольку организационные формы планового руководства также неотделимы от развития производительных сил и производственных отношений, от классовых сдвигов в СССР. Эти организационные формы имеют соответствующую классовую определенность, выражают определенный тип воспроизводства, определенный тип общественного труда.

Практика социалистического строительства дает достаточно ярких примеров тому значению, которое имеют вопросы организации, вопросы «качества» работ госаппарата, предприятия социалистического сектора для темпа, для направления развития всего народного хозяйства. Выполнение промфинплана, плана заготовок, плана посевной кампании, контрольных цифр коллективизации зависит очень и очень во многом от организации. Разве социально-техническая перестройка деревни не является в значительной степени функцией качества работы госаппарата, работы социалистических предприятий?

Вопросы организации являются политическими вопросами. Сдача позиций в вопросах организации, качества работы, неизбежно является оппортунизмом на практике.

Проблема ленинской экономической политики партии, как основного условия движения экономики СССР к социализму должна быть центральным объектом теории советского хозяйства. Это означает, что неразрывно связанные с самой политикой и вопросы организации и осуществления этой политики должны явиться этим объектом.

³ Сталин. Речь на конференции аграрников-марксистов (цит. по „Вопросам ленинизма“, изд. 2-е, с. 568).

Каждый этап в развитии производственных отношений, каждый этап в экономической политике, означает определенный этап в планировании, определенный этап в организации этого планирования, организации, неотделимой от самого планирования. Без анализа этих организационных форм невозможно дать анализ развития производственных отношений в СССР. Таковы особенности экономических закономерностей планового хозяйства.

Можно ли изучить развитие сферы обращения в СССР, абстрагируясь от развития через ряд промежуточных звеньев торгового аппарата в аппарат непосредственного распределения? Разумеется нельзя отделить от способа планирования этой сферы, а тем самым и от организации этого планирования. Таким образом совершенно иное место по сравнению с политической экономией в «узком смысле» занимают вопросы организации в объекте теории советского хозяйства. И немудрено, поскольку тип экономических законов в корне изменился. В товарно-капиталистическом хозяйстве, не исключая и монополистического капитализма, элементы сознательной организации не могут охватить народного хозяйства, процесса воспроизводства в целом, организованное воздействие государства носит относительно ограниченный характер, не меняя стихийного движения экономики, стихийного типа воспроизводства. Иное дело в СССР, поскольку построение социализма невозможно вне функционирования пролетарского государства, как хозяйственного субъекта, руководящего процессом воспроизводства в целом, вне организованного (хотя бы в основном) характера процесса воспроизводства.

Особое значение приобретают вопросы организации сейчас, когда социалистический сектор держит в своих руках «все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства». Разумеется, теория советского хозяйства должна освещать проблемы организации не в их детализации (об этом ниже) а лишь постольку, поскольку требуется выявление закономерностей развития экономики, выявление развития производственных отношений.

Теория советского хозяйства изучает процесс революционного преобразования производственных отношений в СССР, а следовательно и производительных сил, словом, закономерности построения социалистической экономики в СССР. Поскольку теория советского хозяйства, входя в состав политической экономии в «широком смысле», вместе с тем является и общей теорией народнохозяйственного планирования, поскольку особенно опасным для нас является механический разрыв производственных отношений и производительных сил.

Необходимость изучения конкретного хода социалистической революции означает необходимость особенно тщательного изучения того реального единства развития производительных сил и производственных отношений, которое представляет собой социалистическая индустриализация. Социалистическая революция связана с резкими сдвигами не только в области производственных отношений, но и в области производительных сил. Требуется учет конкретных сдвигов в области производительных сил. Необходимо пропитать теорию советского хозяйства ленинскими положениями о решающей роли техники в реконструктивный период, о роли индустриализации, электрификации в социалистической революции в СССР, об их конкретном единстве с ростом элементов социализма в СССР, о роли социалистической индустрии, как ключа социально-

технической реконструкции всего хозяйства. Игнорирование примата социалистической индустриализации в развитии экономики СССР, связанное с отрывом производственных отношений от производительных сил, имеет определенный политический смысл. Таким образом в теории советского хозяйства особенно актуально такое изучение развития производственных отношений, которое действительно дало бы картину закономерности движения производительных сил, взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Из этого отнюдь не следует, что теория советского хозяйства должна специально заняться изучением типов тракторов, применяемых в СССР, и изучением техники электрификации, не говоря уже об изучении оборудования отдельных отраслей промышленности. Из этого отнюдь не следует также, что теория советского хозяйства должна специально изучать структуру самодеятельного населения, распределение рабочей силы по профессиям, по квалификации, ход подготовки квалифицированной рабочей силы и т. д. Но теория советского хозяйства не может понять конкретных изменений в производственных отношениях СССР, не осветив в достаточной мере неотделимые от этих изменений конкретные изменения в самих производительных силах.

Лишь при сведении производительных сил к технике можно отрицать, что самый факт национализации промышленности уже меняет характер производительных сил, поскольку меняет отношение рабочей силы к труду, к средствам производства. Социалистическое соревнование означает одновременно и изменение в производственных отношениях (коммунистическое отношение к труду — момент, который неоднократно подчеркивал Ленин в соцсоревновании), и возникновение новой производительной силы, выражающейся в росте производительности труда, в росте эффективности использования оборудования и т. д. Если развитие кооперации, широкого применения разделения труда на основе крупного производства являлось новой производительной силой капитализма, связанной с обобществлением труда, то социалистическое соревнование представляет собой одну из новых производительных сил социализма.

Что касается средств производства, то и здесь теория советского хозяйства, разумеется, не может обойти, скажем, процесса внедрения трактора, как неотделимого от процесса переделки производственных отношений в сельском хозяйстве, ни роста эффективности его использования, связанного с новыми производственными отношениями.

Теория советского хозяйства не может обойти ни роли электрификации в условиях развертывания социалистических отношений, ни значения технической реконструкции в СССР, ее роли в социалистической революции.

Разумеется, теория советского хозяйства не может быть превращена в техническую дисциплину; эта грубо механистическая антиленинская установка закрыла бы путь к познанию производственных отношений, к выявлению основных путей развития производительных сил СССР.

Разумеется, что теория советского хозяйства, как наука синтетическая не может детализировать этих вопросов по отраслям и тем более конкретизировать пути технической революции. В поле зрения теории советского хозяйства попадают лишь те узловые проблемы развития производительных сил, которые необходимы для характери-

стики развития экономики в целом, в условиях социалистической революции в СССР.

Итак отнюдь не отождествляя производственных отношений и производительных сил в СССР, следует особенно тщательно избегать механистического разрыва их, ведущего к извращению ленинских установок, искажающего реальную картину экономики СССР и лишаящего теорию советского хозяйства ее действенного характера народнохозяйственного планирования.

* * *

Отметив необходимость соответствующей действенной конкретности в теории советского хозяйства, вытекающей из особенностей экономических закономерностей СССР, подчеркнув необходимость решительного выкорчевывания всяких попыток превращения теории советского хозяйства в абстрактно-схоластическое изучение экономики, оторванное от изучения экономической политики, от планирования, вместе с тем необходимо предохранить теорию советского хозяйства и от такой степени конкретизации, детализации, которая сделает немислимым теоретический анализ закономерностей развития советской экономики в целом.

Соответствующая детализация должна быть задачей более конкретных дисциплин, конкретизирующих и практику социалистического строительства. Теория советского хозяйства должна дать этим дисциплинам общие методологические предпосылки, в частности, должна помочь весьма актуальной задаче выкорчевывания методологии буржуазных реставраторов и оппортунистов в области отраслевых экономических дисциплин.

Задачей теории советского хозяйства таким образом не является детальное изучение техники построения планов, техники их оформления, техники ведения и оформления конъюнктурных наблюдений, изучения степени рациональности соотношения звеньев, системы показателей планов, методов их исчисления и сопоставления.

Теория советского хозяйства, разумеется, освещает и вопросы промышленности и сельского хозяйства, и обмена и финансов, однако она освещает их в свете «народнохозяйственных проблем» для выявления закономерностей единого процесса воспроизводства, закономерностей движения всей экономики СССР к социализму. Отраслевые же дисциплины занимаются (разумеется отнюдь не игнорируя места данной отрасли в едином процессе воспроизводства, взаимосвязи ее с другими отраслями) детальным анализом социалистического строительства в данной отрасли как таковой, перенося центр тяжести на детальное изучение условий развития этой отрасли, условия планирования, его организации именно в данной отрасли. Например специальная дисциплина «учение о кредите в СССР» изучает организацию кредита и банковскую практику, как самоцель, в то время, как теорию советского хозяйства интересуют лишь те общие черты банка, которые характеризуют закономерности кредита в СССР, изучаемые в связи со всем ходом социалистической индустриализации, социалистического обобществления, с развитием сферы обращения в сферу непосредственного распределения и т. д. Таким образом следует подчеркнуть, что теория советского хозяйства является теорией народнохозяйственного, а не отраслевого планирования.

Необходимость построения предмета теории советского хозяйства на оси планирования перехода к социализму, на оси ана-

лиза конкретного хода социалистического строительства, на оси анализа конкретного материала о развитии определенных секторов хозяйства на определенных этапах — не должна однако привести к уничтожению грани между теорией советского хозяйства и более конкретными дисциплинами. Теория советского хозяйства отнюдь не должна отождествляться с конкретными системами контрольных цифр народного хозяйства на определенный год. Теория советского хозяйства охватывает их основные установки, их методологию.

Необходимо проводить борьбу на два фронта как против абстрактного схематизма в теории советского хозяйства, так и против придания теории советского хозяйства описательно-эмпирического характера, сведения ее к формалистическому описанию юридических актов, к описанию исторического материала, к организационным и рационализаторским схемам, к превращению ее в своеобразную «всеобщую организационную науку», в науку о планировании всех отраслей. Этот узкоэмпирический уклон направлен к вульгаризации теории советского хозяйства. Невольно напрашивается аналогия с вульгарными экономистами в политэкономии, с исторической школой. Эмпирический уклон зачастую исходит из замаскированного отрицания самой возможности познания законов директивного планирования (здесь уместно вспомнить кондратьевские теории о невозможности планирования развития общества), из отрицания качественной определенности экономической системы диктатуры пролетариата, из отрицания наличия общих признаков для советской экономики в целом и т. д. и наконец из установок на отыскание «эмпирических закономерностей», оторванных от анализа качественных особенностей экономики (пример громановских «эмпирических закономерностей» чрезвычайно характерен).

Классовая сущность этих установок на эмпирику определяется тем, что затушевываются особенности классовой структуры СССР, закономерности классовой борьбы, специфические экономические закономерности советской системы, следовательно, ее преимущества, возможность соответствующих темпов. Иными словами, здесь мы имеем аналогию с «техницизмом», с направлением, затушевывающим экономические закономерности, заменяющим их «внеисторическими» закономерностями развития техники. Антиленинская суть этих внеисторических законов развития экономики, в конечном счете сводящихся к реставраторским политическим выводам, достаточно разоблачена.

В теории советского хозяйства должна быть твердо выдержана борьба со всякими попытками смазывания, затушевывания специфических экономических закономерностей, закономерностей построения социализма в СССР, будут ли эти попытки проистекать из абстрактно схематического или узко эмпирического извращения марксистско-ленинской методологии.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИКЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА¹

I

Экономика переходного периода не является и не может являться экономической формацией. Переходный период — период построения социалистического общества. На этом положении мы останавливались более подробно в предыдущей статье.

Но, как мы уже подчеркивали в предыдущей статье, из этого «не следует рассматривание экономики переходного периода как хаоса. Революция является хаосом лишь в представлении испуганного или пугающего буржуа». Всякий, стоящий на другой позиции, рассматривающий экономику переходного периода, как определенную экономическую формацию, уходит от специфических особенностей экономики переходного периода и рассматривает ее или как своеобразную модификацию капиталистической формации или уже как социалистическую экономику. Эта позиция приводит к неверному пониманию и закономерностей экономики переходного периода. Примером может служить рассмотрение этими крайностями различных экономических категорий. Одни рассматривают эти категории в СССР как своеобразные модифицированные капиталистические категории, другие почти совсем отрицают существование их в нашей экономике. Ясна политическая характеристика той и другой позиции, их внешнее различие и внутреннее сродство («правая, левая где сторона?»).

Из отрицания экономики переходного периода как экономической формации, как законченной хозяйственной системы ни в коем случае не следует отрицание ее целостности, ее единства, ее специфических закономерностей. Экономика переходного периода тоже является системой, но системой строящегося социализма. Наши контрольные цифры, наша пятилетка — это не хаотический набор числовых показателей, отражающий хаотическое движение нашей экономики. Наша экономика является первым гигантским историческим примером организованного планового развития экономики. Контрольные цифры пятилетки говорят о системе революционной перестройки народного хозяйства, превращения его в социалистическое хозяйство. Вся эта перестройка производится под руководством класса-гегемона пролетариата. Социалистический сектор является ведущим и в процессе перестройки экономики СССР превращается в преобладающий сектор. Перестройка на различных участках нашей экономики принимает различные формы. Мелкотоварный уклад, под руководством пролетариата, переходя к крупному, коллективному хозяйству, превращается в социалистический уклад. Капиталистический уклад вытесняется, ликвидируется. Таким образом наша экономика перестраивается в социалистическую

¹ Продолжение, см. „Проблемы экономики“ № 8—9.

экономику. В этом процессе движения к социализму под руководством социалистического уклада и сказывается единство нашей экономики. Ясно, что это движение сопровождается и не может не сопровождаться ожесточенной классовой борьбой.

Экономика переходного периода от капитализма к социализму — экономика революции, экономика ожесточенной классовой борьбы, на различных этапах революции принимающей различную форму, борьбы двух миров, экономика уничтожения капитализма и его корней, создания социалистической формации и создания соответствующей ей (социалистической формации) технической базы.

«Мы всегда знали, говорили, повторяли, что социализма нельзя «ввести», что он вырастает в ходе самой напряженной, самой острой, до бешенства, до отчаяния, классовой борьбы и гражданской войны, что между капитализмом и социализмом лежит долгий период «родовых мук», что насилие всегда бывает повивальной бабкой старого общества, что переходному периоду от буржуазного к социалистическому обществу соответствует особое государство... именно: диктатура пролетариата» (Ленин).

Таким образом наша экономика является не сложившейся новой хозяйственной системой в том смысле, какой обычно вкладывается рядом экономистов в это понятие, в сущности, вкладывающих в него основные признаки экономической формации. Мы имеем в ней не сложившуюся хозяйственную систему в смысле экономической формации, а систему строящегося социализма, систему построения новой экономической формации, резко отличной от капитализма.

Характерным для экономики переходного периода является процесс перестройки различных способов соединения рабочей силы и средств производства в способ соединения, характерный для социализма. Этот процесс и является характерным для нашей экономики, как переходной.

В предыдущей статье мы подчеркиваем (48), что этот процесс перестройки различных способов соединения рабочей силы и средств производства в способ соединения, характерный для социалистической экономики, происходит под руководством социалистического сектора, и в различных секторах он носит различный характер (процесс коллективизации в мелко-товарном секторе, процесс вытеснения и ликвидации в капиталистическом секторе. На данном этапе нашей экономики способ соединения рабочей силы и средств производства, существующий в социалистическом секторе, является господствующим, преобладающим в нашей экономике.

Но также совершенно ясна неверность рассматривания одного из способов соединения рабочей силы и средств производства, характерного для одного из секторов, как способа соединения существующего во всех секторах, во всей экономике переходного периода в целом независимо от секторов и независимо от различных этапов переходной экономики. Этим грешила и троцкистско-зиновьевская оппозиция, переносившая производственные отношения капиталистического сектора на другие секторы, в том числе и на социалистический сектор. Этим грешат и правые, стирающие границы между различными производственными отношениями (перерастание одних в другие, напр. «врастание кулака в социализм»).

Единство нашей экономики надо усматривать не в том, что мы имеем одни и те же производственные отношения во всей экономике в целом, а в том, что один из производственных отношений (производ-

ственные отношения социалистического сектора) являются ведущими и перестраивающими всю экономику, превращающими ее в социалистическую экономику.

Экономика переходного периода от капитализма к социализму — это экономика социалистической революции.

Таким образом совершенно неправильно рассматривать нашу экономику как сложившуюся хозяйственную систему в том смысле, в каком системой является капиталистическая или другая формация. Она является системой, но совсем в другом смысле.

Характерно для экономики переходного периода то, что мы имеем в ней систему перестройки одной экономики в другую, систему построения социалистического общества, осуществляемую под руководством пролетариата, систему строящегося социализма.

В 1918 г. в статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» Ленин характеризовал нашу экономику таким образом: «Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение Социалистическая советская республика означает решимость советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими»².

Совершенно ясно, что в этом переходном периоде имеется ряд этапов, иногда резко отличающихся друг от друга. Но совершенно ясно, что было бы нелепо рассматривать экономику переходного периода, экономику революционной стройки социализма и экономику социализма как два периода, резко отделенных друг от друга, а не постепенно переходящих один в другой. Никакой новой революции для этого не потребуется (переходный период сам по себе революционный период). Некоторые сторонники взглядов на экономику переходного периода как на экономическую формацию пожалуй без новой революции не обойдутся. Только неисправимые схоласты так представляют: вот до такого-то года будет экономика переходного периода, с такого-то года по такой-то будет социализм, а затем наступит коммунизм. «Только схоластики представляют себе социализм и коммунизм чисто схематически: вот отрезал ломоть ножом, тут кончается первый период и начинается другой период. Мы, марксисты-ленинцы, так схоластически подходить не можем»³.

Мы имеем дело с постепенным переходом через ряд этапов экономики переходного периода в социалистическую экономику. Система построения социализма переходит в социалистическую систему хозяйства, в новую экономическую формацию. Наше хозяйство является такой системой хозяйства, в которой происходит неуклонный рост руководящего социалистического сектора, перестройка под его руководством мелкотоварного хозяйства в крупное коллективное и ограничение, вытеснение и наконец ликвидация капиталистического сектора. Преимущества этой системы перед капиталистической системой вытекают из огромных преимуществ социалистической системы хозяйства, ибо наша система хозяйства характеризуется неуклонным ростом социалистических отношений.

² Ленин, Собр. соч., т. XV, с. 24².

³ Л. М. Каганович, „Правда“, 30 XII, 1930.

Совершенно ясно, что рост их сопровождается и не может не сопровождаться ожесточенной классовой борьбой.

Тов. Сталин на XVI съезде ВКП(б), говоря о преимуществах нашей системы хозяйства перед капиталистической, не случайно дал заголовок этому разделу: «Капиталистическая или социалистическая система хозяйства?» Преимущества нашего хозяйства вытекают, как мы уже говорили, из преимущества социалистической системы хозяйства, вырастающей из экономики переходного периода.

Тов. Сталин на XVI съезде ВКП(б), говоря о преимуществах на- капиталистическим, говорит: «Таковы преимущества советской системы хозяйства перед капиталистической. Таковы преимущества социалистической организации хозяйства перед организацией капиталистической»⁴.

Совершенно ясно, что наша экономика еще не является социалистической экономикой, но мы имеем дело с неуклонным нарастанием социалистических отношений, с процессом социалистического строительства, из чего и вытекают преимущества нашей экономики. Эти преимущества все больше сказываются и будут сказываться по мере роста социалистического строительства, по мере превращения экономики переходного периода в социалистическую экономику.

Таким образом экономисты, рассматривающие наше хозяйство как экономическую формацию, как сложившуюся хозяйственную систему, совершенно упускают специфический характер нашей экономики, что для нашей экономики характерно не то, что она является сложившейся экономической системой вроде капитализма или другой экономической формации, а характерным является то, что ее движение есть система построения новой экономики, социалистической. В процессе движения этой экономики система построения социалистической экономики превращается в систему социалистической экономики. Точно так же система перестройки одних способов соединения рабочей силы и средств производства в социалистический способ соединения под руководством социалистического сектора, имеющего этот способ соединения, превращается в систему хозяйства с социалистическим способом соединения рабочей силы и средств производства, т. е. в социалистическую систему⁵.

Мы уже неоднократно подчеркивали, что этот процесс революционной перестройки на различных этапах нашей экономики носит различный характер, имеет различное значение. В 1918 г. Ленин писал: «Буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых не могла бы ни существовать, ни возникать вновь буржуазия. Ясно, что эта задача неизмеримо более высокая и что без ее разрешения социализма еще нет»⁶.

⁴ Сталин, Доклад на XVI партсъезде.

⁵ Говоря о сложившейся системе, мы ни в коем случае не представляем эту систему как нечто неподвижное. Мы только подчеркиваем специфические особенности движения экономики переходного периода как экономики революционной перестройки капиталистического общества в социалистическое.

⁶ Ленин, Собр. соч., XV, с. 183.

Настоящий этап, являющийся последним этапом нэпа, характеризуется тем, что мы широко развернули «эту новую высшую форму борьбы с буржуазией», о которой говорил Ленин, мы ведем решительное наступление на буржуазию. Мы разрешаем сложную и трудную задачу «создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникнуть буржуазия» (Ленин). Индустриализация нашего хозяйства, мощный рост нашей промышленности создали возможность приступить к разрешению этой задачи.

Сплошная коллективизация мелкотоварного хозяйства является разрешением этой трудной и сложной задачи. «Мы стоим на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков» (Сталин). В 1931 г. процент коллективизации будет доведен до 50 в среднем, а в зерновых районах — до 80. Этим самым мы стоим на пороге уничтожения условий, при которых может существовать и возникать буржуазия. Разрешая эту задачу, мы вступаем в период социализма («без разрешения ее социализма еще нет». Ленин). «Ясно что мы уже вступили в социализм, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства», говорит т. Сталин в заключительном слове на XVI партсъезде. Строительство 1931 г. должно завершить построение фундамента социализма.

«Мы вступили в период социализма». Значит ли это, что переходный период уже позади, что мы уже в социалистическом обществе? Только схоласты представляют себе дело таким образом: «Раз вступили в социализм, то вышли из переходного периода, раз находимся в переходном периоде, то еще не вступили в социализм». Они представляют то и другое в виде двух различных комнат: если находишься в одной, то не находишься в другой, и обратно. И ясно и просто и... неверно. Переходный период переходит в социализм. И последний этап переходного периода должен совпадать с начальным периодом социализма. И этот последний этап является этапом переходного периода. «И там переходный период. И здесь переходный период» (Сталин). Но конечно было бы глубоко неверно не видеть глубочайших различий между отдельными этапами переходного периода. Особенно эти различия резки, когда мы сопоставляем два периода: начальный этап экономики переходного периода и конечный этап ее, совпадающий с начальным этапом социализма.

Если в 1918 г. мелкотоварное хозяйство было преобладающим, «ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия»⁷. «Решающий факт заключается теперь в том, что мелкобуржуазная стихия уже не преобладает в нашей стране»⁸. Тов. Сталин говорил на XVI партсъезде «Что мы имеем в 1918 г. в области народного хозяйства? Разрушенную промышленность и заживалки, отсутствие колхозов и совхозов как массовое явление, рост «новой» буржуазии в городе и кулачества в деревне. Что мы имеем теперь? Восстановленную и реконструируемую социалистическую промышленность, развитую систему совхозов и колхозов, имеющих более 40% всех посевов по СССР по одному лишь яровому клину, умирающую «новую» буржуазию в городе, умирающее кулачество в деревне»⁹.

⁷ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 203.

⁸ Л. М. Каганович, «Правда», 30 XII, 1930.

⁹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, Гиз, ДБ, с. 709.

Таким образом последний этап переходного периода характеризуется тем, что он является и начальным этапом социалистической экономики, т. е. новой экономической формации. Современный этап переходного периода является этапом вступления в новую экономическую формацию, в социализм. Это факт всемирноисторического значения. Еще раз подчеркиваем, что последний этап переходного периода является начальным этапом новой экономической формации, социализма. Но было бы большой ошибкой рассматривать наше хозяйство как уже социалистическое хозяйство, ибо «до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко»¹⁰.

Также было бы ошибочным, исходя из процесса построения социалистических отношений, из их роста, характерных не только для последнего этапа переходного периода, рассматривать весь переходный период как начальный период социализма, т. е. новой формации. Последний этап переходного периода является начальным периодом социализма, «ибо социалистический сектор держит в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства» (там же), что конечно не характеризует всех этапов переходного периода.

II

Из характеристики экономики переходного периода, данной нами и вытекает специфичность ее закономерностей, резко отличающей ее от капитализма и сближающей ее с социализмом. Эта специфичность экономики переходного периода обычно не учитывалась. К этой проблеме подходили в большинстве случаев чрезвычайно просто. Брели закономерности капиталистического общества и изучение экономики переходного периода вели по линии изучения модификации, трансформации и т. п. этих закономерностей или выдумывали новые закономерности, аналогичные им. Таким образом родились знаменитый закон трудовых затрат т. Бухарина, закон первоначального социалистического накопления Преображенского и т. д. По этой же линии шло большинство работ, посвященных экономике переходного периода. Шли и идут споры о том, существуют ли закон стоимости, деньги и т. п. в советских условиях или нет. Если существуют, то модифицированы они или нет. Если не существуют, то что их заменило или в какие категории социалистического общества будут трансформированы категории капиталистического общества? И т. д. и т. п. Основной методологической ошибкой всех указанных позиций является скрытое рассматривание ими экономики переходного периода как своеобразного модифицированного капиталистического общества. Ведя изучение закономерностей экономики переходного периода по линии закономерностей капиталистического общества, они этим самым исходили из предположения, что движение закономерностей экономики переходного периода идет по тем же линиям. Изучение предполагаемого процесса трансформации категорий капиталистического общества также основывалось на скрытом предположении, что категории капиталистического общества имеют своих аналогов в социалистическом обществе: закон стоимости превращается в закон трудовых затрат, деньги превращаются в расчетные знаки и т. д.

¹⁰ Сталин, Заключительное слово на XVI партсъезде.

В брошюре «К вопросу о закономерностях переходного периода» т. Бухарин, полемизируя с Преображенским, так характеризует экономику переходного периода в связи с ее закономерностями.

«Поставим себе вопрос о типе закономерностей переходного времени, т. е. периода между капитализмом и социализмом. Нетрудно сообразить, что этот период есть период перерастания стихийных законов в законы познанные и сознательно проводимые»¹¹.

Тов. Бухарин, подчеркивая переходный характер нашей экономики, в то же время слишком упрощенно представляет процессы, происходящие в ней, а в связи с этим и закономерности экономики переходного периода. Схема такая: по одну сторону переходного периода находится капитализм, по другую сторону находится социализм. В переходный период происходит превращение закономерностей капитализма в социалистические закономерности. Закон ценности превращается в закон трудовых затрат, т. е. закон трудовых затрат скидывает «фетишистский костюм закона ценности», т. е. при социализме будет действовать закон трудовых затрат в чистом виде, без фетишистского костюма. В экономике переходного периода происходит процесс «раздевания» этого костюма, отдельные этапы экономики переходного периода характеризуются степенью (этапом) «раздевания». Переходный период кончается лишь при условии полного оголения закона трудовых затрат. Эта характеристика переходного периода очень ясно развернута т. Бухариным в первой главе указанной брошюры. Мы позволим себе привести длинную цитату:

«Вся необыкновенная сложность анализа переходного периода и заключается в пестроте костюмов, в особенности если перед нами страна, сочетающая в своем совокупном экономическом организме величайшее разнообразие хозяйственных форм. Завоевание власти пролетариатом и «экспроприация экспроприаторов» есть предпосылка для того, чтобы начался процесс линияния общественных законов» (подчеркнуто нами — М. К.). Этот процесс имеет своей базой рост государственного хозяйства и его влияния. Этот рост происходит в многосложных и часто в высшей степени противоречивых формах: само плановое начало в значительной мере покоится на продвижении равнодействующей стихийных факторов. Поэтому в каждый данный момент необходимо опасаться и недооценки и переоценки планового начала, а равно помнить об исторической относительности самого противопоставления. В связи с этим стоит разумеется и теоретическая оценка степени линияния общественных законов»¹² (степени — разрядка т. Бухарина, остальное подчеркнуто нами — М. К.).

Таким образом в экономику переходного периода мы имеем дело с процессом переодевания общественных законов, или, употребляя другой термин т. Бухарина, можем сказать — «линияния общественных законов». Этот процесс линияния начинается с момента завоевания власти пролетариатом и «экспроприации экспроприаторов», и конец линияния совпадает с концом экономики переходного периода. Различные этапы экономики переходного периода отличаются степенью «линияния» общественных законов.

¹¹ Н. Бухарин, К вопросу о закономерностях переходного периода, с 11.

¹² Н. Бухарин, К вопросу о закономерностях переходной экономики, с. 25.

Мы не будем сейчас останавливаться на критике взглядов т. Бухарина на закон турдовых затрат и на его понимании формы и содержания; мы остановимся на этом после. Мы останавливаемся лишь на общей характеристике закономерностей экономики переходного периода. Из этой общей характеристики вытекает, что т. Бухарин рассматривает закономерности социализма как своеобразные модификации закономерностей капитализма (раздетые, переодетые, слинявшие). В экономике переходного периода происходит модифицирование этих закономерностей (раздевание, переодевание, линяние). Тов. Преображенский, отрицавший по существу единство нашей экономики, рассматривает нашу экономику как механическое соединение двух экономик (социалистический сектор и частно хозяйственный сектор). Другими словами закономерности экономики переходного периода получали у него двойную характеристику: с одной стороны, действовал закон стоимости, а с другой стороны — закон первоначального социалистического накопления.

Таким образом у т. Преображенского закон стоимости переключивается из капиталистической экономики в экономику переходного периода, но рядом с ним появляется новый закон, закон первоначального социалистического накопления. Между ними ведется борьба, и направление движения экономики определяется равнодействующей двух борющихся сил. Таким образом оба закона в экономике переходного периода существуют наряду и равноправно.

Мы в данном случае не останавливаемся на критике закона первоначального социалистического накопления т. Преображенского. Мы берем лишь общую характеристику закономерностей экономики переходного периода, даваемую т. Преображенским. У т. Бухарина наша экономика является экономикой, трансформирующей закономерности капиталистического общества в социалистические. Это проявилось и в знаменитом положении его о «врастании кулака в социализм». У т. Преображенского экономика переходного периода является механической смесью двух экономик: капиталистической и социалистической. Отсюда вытекает его двойственная характеристика закономерностей экономики переходного периода и теория равнодействующей.

Нужно сказать, что и большинство экономистов изучение экономики переходного периода ведет по линии закономерностей капиталистической экономики. Достаточно просмотреть работы, посвященные проблемам денег, заработной платы и т. д., чтобы убедиться в этом. И не случайно большинство этих работ в теоретической части является чрезвычайно слабым, в подавляющем большинстве носит схоластический характер, а в практической — часто лишено необходимого теоретического освещения. Кроме того скрытая методологическая предпосылка, что движение закономерностей экономики переходного периода идет по тем же линиям, что и движение закономерностей капитализма, приводит к целому ряду положений, расходящихся с марксистско-ленинскими взглядами на экономику переходного периода и экономику социализма. Специфическая характеристика закономерностей экономики переходного периода вытекает из ее сущности как экономики построения социалистического общества и уничтожения капиталистического. В переходный период в условиях ожесточенной классовой борьбы пролетариат, стоящий у власти, создает социалистическое общество. Этот рост социалистических отношений, создание закономерно-

стей социалистического общества, процесс революционной перестройки всей экономики, уничтожение капиталистических отношений получают отражение в закономерностях экономики переходного периода. Основное в характеристике этих закономерностей то, что они являются закономерностями революционной перестройки одних общественных отношений в другие, социалистические. Точно так же, как экономика переходного периода является по выражению Маркса периодом революционной перестройки капиталистического общества в коммунистическое, так и закономерности экономики переходного периода являются закономерностями этой перестройки и следовательно построения социалистического общества, имеющего свои специфические закономерности.

Так как переходной период — период «революционной перестройки капиталистического общества в коммунистическое», то совершенно ясно, что для понимания закономерностей экономики переходного периода необходимо иметь представление хотя бы в основных чертах об основных отношениях первой фазы коммунизма — социалистического общества и даже больше: необходимо более или менее ясное представление конечной цели перестройки — создания коммунистического общества.

«Начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования в конце концов направлены, именно: цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципов: от каждого по способностям, каждому по потребностям»¹³.

Этот процесс преобразования, процесс революционной перестройки протекает и неизбежно должен протекать в чрезвычайно сложных условиях, в условиях ожесточенной классовой борьбы, должен пройти ряд этапов. Он имеет свою железную логику, которая, как мы уже писали раньше, получает свое выражение в железной воле коммунистической партии, которая сама является концентрированной волей рабочего класса, стоящего у власти»¹⁴. Если при изучении капиталистического общества, его закономерностей, как и другой экономической формации, «нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове здесь дан субъект—в нашем случае современное буржуазное общество»¹⁵, то при изучении экономики переходного периода, в голове, как и в процессах действительности, должно быть дано будущее социалистическое общество. Это еще раз подчеркивает специфический характер экономики переходного периода, ее переходный характер.

Совершенно ясно, что было бы большой ошибкой рассматривать закономерности социалистической экономики как окончательно «слинявшие» или измененные закономерности капиталистического общества: «слинявший» закон стоимости — закон трудовых затрат; «слинявшие» деньги — расчетные знаки, «слинявшая» зарплата — оплата труда и т. д. и т. д., а закономерности экономики переходного периода следовательно как закономерности «линяния» капиталистических закономерностей.

¹³ Ленин, Собр. соч., т. XV, с. 137.

¹⁴ „Проблемы экономики“ № 3, 1930.

Социалистическая экономика имеет свои специфические закономерности, вытекающие из производственных отношений социализма, резко отличных от производственных отношений капиталистической экономики. Категории капиталистического общества не имеют своих аналогов в социалистическом обществе. Это положение является совершенно ясным даже при беглом сопоставлении социалистической и капиталистической экономик. Способы производства при капитализме и при социализме различны, способы участия в производстве различны, но определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения. В социалистическом обществе стираются границы между необходимым и прибавочным трудом и т. д. Совершенно ясно, что было бы бессмыслицей искать в социалистической экономике аналогов в категорий капиталистической экономики, напр. заработной платы, прибыли, процентов, ренты и т. д. Там и производство и распределение совершенно отличны от производства и распределения при капитализме. Социалистическая экономика будет иметь свои специфические закономерности, далеко не аналогичные капиталистическим закономерностям.

Поэтому и закономерности экономики переходного периода, периода революционной перестройки капиталистической экономики, экономики построения социалистического общества, резко отличаются и не могут не отличаться от закономерностей капиталистической экономики. В переходный период, период построения социалистической экономики, возникают, создаются и развиваются производственные отношения социалистического общества и его закономерностей. И специфическая характеристика экономики переходного периода заключается в том, что в ней мы имеем процесс создания социалистических закономерностей, вытекающих и основывающихся на процессе построения социалистической экономики. Ее закономерности определяются этим характером экономики переходного периода.

Присматриваясь к процессам, которые совершаются в различных частях нашей экономики, мы с большой ясностью сможем выделить процессы, характерные для нее как экономики переходного периода. Изучая сельское хозяйство, сталкиваясь с различными формами, существующими в нем, мы выделяем процесс коллективизации, характерный для экономики переходного периода, как процесс, создающий социалистическую форму хозяйства. Изучая процессы, происходящие в области труда, мы выделяем процесс образования новых форм организации труда, как процесс образования социалистических форм труда. Даже изучая такую область как сферу товарооборота, мы должны выделить в ней такие отношения, которые характеризуют рост и укрепление социалистических отношений, напр. рост обобщественной части товарооборота и т. д. и т. д.

Конечно это не оторванные друг от друга процессы, это лишь отдельные части огромного процесса революционной перестройки капиталистического общества в социалистическое, протекающего в чрезвычайно сложных условиях, принимающего самые разнообразные формы на различных участках нашей экономики, протекающего в условиях ожесточенной, иногда «доходящей до бешенства» классовой борьбы. Этот процесс принимает различные формы, различный характер

на различных этапах экономики переходного периода, экономики социалистической революции.

Этот общий процесс мы должны видеть, чтобы в «зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму, которая нам естественно представляется прямой, а мы должны представлять ее прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец»¹⁶.

На различных этапах экономики переходного периода, как мы уже говорили, этот процесс носит различный характер.

Экономика переходного периода имеет свои специфические закономерности, вытекающие из основной характеристики ее как периода революционного переустройства капиталистического общества в коммунистическое¹⁷.

Изучать переходный период по линии изучения «линейя», модификации, трансформации и т. п. капиталистических закономерностей, категорий капитализма, это значит не понимать природы экономики переходного периода (как это делали правые и левые) или сознательно разрисовывать экономику переходного периода в родные для себя краски капитализма (как это делали Юровские и другие).

И обычные вопросы — действуют ли у нас закон стоимости, деньги, заработная плата и др. категории или, если действуют, то в измененном или не измененном виде — говорят о неправильном методологическом подходе к нашей экономике, о неправильном понимании ее закономерностей.

Закон стоимости, деньги, заработная плата и др. категории не выражают закономерностей экономики переходного периода, они являются категориями капиталистического общества, и следовательно не по линии их изучения надо вести изучение экономики переходного периода!¹⁸ Экономика переходного периода имеет свои закономерности, свойственные ей.

Под этим углом зрения становится ясной ошибочность подхода ряда экономистов к закономерностям экономики переходного периода. У т. Бухарина, как мы уже подчеркивали, в переходный период закон стоимости трансформируется в закон трудовых затрат, т. е. он не перестает действовать, но лишь изменяется, «линяет». Он, трансформируясь, действует как закономерность экономики переходного периода. У т. Преображенского закон стоимости является такой же закономерностью экономики переходного периода, как и пресловутый закон первоначального социалистического накопления (два регулятора); у того и другого закономерности капитализма рассматриваются как закономерности экономики переходного периода и следовательно они оба не понимают ее специфичности.

Мы уже указывали, что, изучая нашу экономику, нужно уметь выделить те процессы, которые характерны для нашей экономики как экономики переходной (процесс напр. коллективизации сельского хозяйства, процесс создания новых форм организации труда и т. д.). Нужно изучать эти процессы и те закономерности, которым подчиняются они, и перерастание этих закономерностей в закономерности социалистического общества. Не капиталистические законо-

¹⁶ Ленин, Собр. соч. т. XV, изд. 1-е, с. 14.

¹⁷ Определение, даваемое Марксом в «К критике Готской программы».

¹⁸ Конечно изучение их является чрезвычайно важным, но нельзя рассматривать их как закономерности переходной экономики. На этом подробнее мы остановимся ниже.

мерности перерастают (трансформируются) в социалистические, а закономерности экономики переходного периода перерастают в закономерности социализма. Экономика переходного периода—это экономика социалистической революции, в период которой пролетариат, ставший у власти, разрушает «все упрочившиеся способы частного обогащения и частного обеспечения»¹⁹ и создает новое социалистическое общество.

«Главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, а следовательно и в начатой нами 25 октября 1917 г. (начатой, а не завершённой — М. К.) социалистической революции в России является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся...». «Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство на деле». (Ленин). Ясно, что весь этот созидательный творческий процесс протекает в условиях ожесточенной классовой борьбы. Главной задачей, основным процессом по своей важности, Ленин считает процесс «обобществления производства на деле». И об этом мы уже отчасти говорили в предыдущей статье, говоря об основном признаке каждой экономической формации — способе соединения рабочей силы и средств производства. Обобществление производства включает и владение средствами производства свободным коллективом производителей, и плановость производства и следовательно распределения. Ленин подчеркивает плановость, учет как один из основных признаков обобществления. Ленин, поучая «милых левых коммунистов», пишет: «Обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной решительностью без уменья правильно учесть и правильно распределить, обобществить же без такого умения нельзя»²⁰.

Ленин писал об этом в 1918 г. как о будущем. Переживаемый нами этап переходного периода, совпадающий с начальным периодом социализма, характеризуется тем, что процесс обобществления на деле охватил не только почти всю промышленность, но в 1931 г. охватит большую часть и сельского хозяйства. Пролетарское государство держит в своих руках основные рычаги народного хозяйства... Но этот этап является все же этапом переходного периода. Он заканчивает основной процесс, характерный для экономики переходного периода — процесс обобществления, процесс, перестраивающий в различных формах различные способы соединения рабочей силы и средств производства в способ, характерный для социалистической экономики и существующий в ведущем, а в настоящее время и преобладающем социалистическом секторе. Экспроприация экспроприаторов, сосредоточение в руках пролетарского государства фабрик, за-

¹⁹ Маркс и Энгельс, «Коммунистический манифест», с. 33.

²⁰ Ленин. Собр. соч., т. XV, с. 242.

водов, транспорта и т. д., централизация кредита, подведение соответствующей базы под перестройку мелкотоварного хозяйства в коллективное, вытеснение и ликвидация капиталистического уклада и т. д. и т. п. — все это отдельные стадии, отдельные моменты, различные формы этого основного процесса — процесса «обобществления на деле», протекающего в условиях обостренной классовой борьбы. Все эти процессы являются характерными для экономики переходного периода, экономики социалистической революции. Закономерности, которым подчинен основной процесс и указанные процессы, составляющие лишь отдельные моменты этого основного процесса, и являются специфическими закономерностями экономики переходного периода, закономерностями революционной перестройки капиталистического общества в коммунистическое.

Но было бы совершенно неправильным, если бы мы вычеркнули из нашего изучения «хозяев прошлой экономики» категории товарно-капиталистического хозяйства. Но эти категории не являются «хозяевами» экономики переходного периода, не являются ее закономерностями, а потому и изучение экономики переходного периода нельзя вести по линиям этих закономерностей. Происходит процесс не трансформации этих категорий, а их умирания на основе закономерностей экономики переходного периода, и закономерный процесс умирания является процессом, характерным для экономики переходного периода. Таким образом изучение экономики перехода должно идти по линии изучения специфических закономерностей экономики переходного периода и на основе их процесса умирания закономерностей товарнокапиталистического общества, которые не являются и не могут являться закономерностями экономики переходного периода.

Изучение этого процесса умирания на базе изучения закономерностей экономики переходного периода, являющееся чрезвычайно важным для понимания экономики переходного периода, не может идти по линии изучения отдельных категорий, ибо сам процесс умирания является чрезвычайно сложным, мы имеем дело в каждом процессе со сложным переплетом умирания различных категорий капитализма.

Кратко, в двух словах, остановимся на каком-нибудь примере. Процесс обобществления промышленности уничтожил категорию заработной платы, ибо уничтожил классовую полярность средств производства и рабочей силы. Но вследствие сохранения товарных отношений оплата рабочих происходила в форме заработной платы. Но и здесь мы имеем дело с процессом изменения, с процессом умирания этой формы оплаты. Мы не говорим о той части средств, которую получает рабочий в виде соцстраха и т. д. и которая механистически была названа т. Струмилиным и др. социализированной частью заработной платы²¹.

Остановимся на так называемой индивидуальной заработной плате. Процесс обобществления товарооборота, базирующийся на процессе обобществления производства, получает свое отражение в социальной структуре рабочего бюджета. Удельный вес частного сектора в рабочем бюджете все время уменьшается. В конечном итоге удельный вес частного сектора в рабочем бюджете будет сведен к ну-

²¹ На характеристике этой теории социализированной части заработной платы мы остановимся в специальной статье.

лю. Это будет означать, что рабочий будет получать из рук обобществленного сектора не только оплату своего труда, но и все необходимое ему для существования. Это будет означать переход к организованному снабжению, что мы наблюдаем уже и теперь правда еще в очень несовершенной форме.

В этом процессе мы имеем дело с процессом умирания ряда категорий товарнокапиталистического общества: заработной платы, денег, товара и т. д.

Таким образом изучение процесса умирания категорий товарнокапиталистического общества должно идти на базе изучения основных процессов экономики переходного периода, на базе изучения ее специфических закономерностей, закономерностей революционной перестройки капиталистического общества в коммунистическое²². В связи со всем этим должна быть совершенно ясна неверность, схоластичность обычного изучения различных категорий товарнокапиталистического общества — стоимости, денег, заработной платы — оторвано от этих основных процессов нашей экономики, от ее специфических закономерностей.

Все споры об основном регуляторе нашей экономики основывались на таком схоластическом изучении ее. На этом остановимся в ближайшей статье.

²² В связи с этим нужно отметить неверную, с точки зрения моей позиции, формулировку, данную мной в предыдущей статье о превращении стоимости, заработной платы в закономерности социализма. Нужно было написать, что характерным является «закономерность изменения закона стоимости, зарплаты и т. д., их умирания на основе специфических закономерностей экономики переходного периода в процессе превращения последних в закономерности социализма».

Д. М. ИЛИМСКИЙ

КООПЕРАЦИЯ И ЕЕ ЭТАПЫ

В обширную историческую эпоху от «освобождения» крестьян до Февральской революции, когда складывались основные очертания российского капитализма и обозначались его противоречия с самодержавно-помещичьим строем, кооперативная форма хозяйства, представлявшая собою «коллективное капиталистическое учреждение» (Ленин), развивалась исключительно в сфере розничного и мелкооптового обращения (на товарном и отчасти на денежном рынках). Сравнительно позднее по сравнению с другими странами капитализма развитие рабочего класса и отсутствие крупных компактных рабочих центров, а главным образом тяжелые полицейские стеснения были причиной того, что российский пролетариат в отличие от германского и английского не использовал кооперативной формы защиты своих потребительских интересов и развернул эту форму хозяйственной самоорганизации лишь в короткий промежуток между Февральской и Октябрьской революциями. Это обстоятельство имело свои последствия, о которых будет сказано ниже.

Зато начиная с первых лет нынешнего столетия и особенно после столыпинских реформ, расчистивших путь широкому проникновению товарно-денежных отношений в деревню, кооперативная форма хозяйства стала весьма популярной в тех слоях деревни, которые все больше вращались в систему капиталистического рынка.

Представляя собою «небольшой привесок к механизму буржуазного строя» (Ленин), русская деревенская кооперация вплоть до Октябрьской революции и даже несколько позже лишь формально включала в себя некоторое количество середняцких слоев, в основном же была вспомогательным механизмом (иногда даже и главным) высокотоварных групп крестьянства, переходящих в разряд кулачества, а также и тех групп, которые этой кулаческой стадии уже достигли. Относительно организуя сферу обращения в направлении, выгодном для крестьянина, широко выступающего на денежном или товарном рынке, деревенская кооперация не могла не привлечь к себе внимания тех крестьянских верхов, которые окончательно осознали свою буржуазную сущность, и вызвать с их стороны стремление к руководству этим механизмом. Ведь даже Чаянов должен был заявить в 1918 году, что «каждая из коопераций является плотью от плоти тех классовых групп, которые ее породили, и если в данной группе возникает какое-либо осознанное социальное движение классового порядка, то кооперация неизбежно используется, как одна из слагающих этого движения». Если бы даже кооперативная форма хозяйства в сфере обращения и была бы уделом только «трудовых» элементов, как нас в том до очень недавних дней уверяли чаяновцы, то все же ее капиталистическая сущность от этого не могла бы исчезнуть. «Кооперация мелких товаропроизводителей неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду» (Ле-

нин). Простого товарного хозяйства, как permanently воспроизводящегося целого, не существует, и в целом, в своей совокупности оно имеет стремление перерасти в хозяйство предпринимательское, капиталистическое¹. Кооперативная форма хозяйства должна, особенно потому, что она развивается в сфере обращения, стать в условиях буржуазного государства и даже в первые годы социальной революции (когда главные удары пролетариата направлены на крупный капитал) ареной борьбы законченно-буржуазных элементов деревни за власть и руководство. А политически это приводит к тому, что «кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и эсеров; это химический закон, тут ничего не поделаешь» (Ленин).

И вот мы видим, как уже в 1917 году, а особенно в 1918—1919 годах национальные и областные центры деревенской кооперации — Московский народный банк, Льноцентр, Сибирский Закупсбыт, Сибкредсоюз, Ювосс — становятся центрами консолидации политических сил, ведущих активную, скрытую и открытую борьбу с пролетариатом через крестьянскую кооперацию, опираясь в этой борьбе прежде всего на наиболее кулацкие элементы деревни. Эта позиция небольшого привеска к механизму буржуазного строя полностью и законченно выразилась в резолюции (1918 года) сибирских крестьянских кооперативных союзов, заявивших, что «к своей хозяйственной работе сибирское правительство должно привлечь все население, в том числе и торгово-промышленный класс, причем должно воздерживаться от всякого вмешательства в сферу народнохозяйственных отношений, стесняющего частную предприимчивость и инициативу».

Таким образом, когда пролетариат вступил в эпоху строительства своего государства, он имел против себя не только верхи, но и низовое руководство крестьянской кооперации. Слащавые рассуждения Хейсина, Зельгейма, Пажитнова, Меркулова о «путях и возможностях» кооперативного движения не отвечали на его жизненные запросы сегодняшнего дня и не удовлетворяли его революционному сознанию, ярко классовые кулацкие брошюры Кулыжного, Чайнова, Кильческого не могли восприниматься им иначе, как литература с той стороны фронта. То немного, что имелось по вопросу о кооперации в большевистской литературе, в том числе блестящий очерк Ленина о сущности разногласий на Копенгагенском конгрессе, по существу оцененный только теперь, говорило главным образом о зарубежных проблемах развернутого рабочего движения в капиталистическом государстве. А живая жизнь дней гражданской войны несла тысячи примеров борьбы кооперативного механизма и основного ядра кооператоров против пролетарской революции, примеров, вызывавших естественную резкую реакцию со стороны рабочих, брошенных ходом гражданской войны на организацию борьбы с контрреволюцией и на налаживание первых основ новой экономической жизни.

¹ Ведь только Челинцев мог позволить себе нелепое утверждение, будто „хозяин в трудовом хозяйстве тратит свой труд в таком количестве, какое необходимо затратить для удовлетворения привычных потребностей семьи. Строй потребления семьи“ является, так же как и запас реализуемого в хозяйстве труда, внутрихозяйственным фактором организации сельского хозяйства. Одной из важнейших внутрихозяйственных особенностей крестьянского хозяйства является предельный запас собственного труда в нем, определяющий пределы расширения сельскохозяйственного производства“. И подумать только, что целые годы уже после революции студенты-аграрники вынуждены были черпать свои знания об экономике сельского хозяйства из подобных книг Челинцева и его учеников.

Даже в руководящих московских кругах наблюдался большой разброд мнений по кооперативной проблеме. Достаточно просмотреть изданный в 1921 году сборник «Борьба течений в новой кооперации», где собраны выступления и предложения Сольца, Лежавы, Шмидта, Милютина, Мещерякова, Розовского, Цюрюпы, Свидерского, Хинчука, Ногина и Крестинского, чтобы понять, почему на протяжении 1918—1921 годов только воля партии, резко и категорически определявшей этапы своего тактического отношения к кооперативному вопросу, обеспечивала нормальное прохождение этого немаловажного вопроса сквозь горнило гражданской войны. Не даром и Ленин при всей огромности основных вопросов революции и руководства партией, стоявших перед ним, считал необходимым уделять столько внимания «маленькому» кооперативному вопросу, все снова и снова ставя его и на партийных собраниях, и на различных съездах, и в статьях. За пять лет революции Ленин выступал на те или иные кооперативные темы с е м н а д ц а т ь р а з, так что в конце концов из его выступлений сложился оформленный кооперативный план, который партия проводила и проводит в жизнь.

К сожалению надо сознаться, что понадобилось много времени, пока идеи кооперативного плана Ленина в его основной части, касающейся переустройства сельского хозяйства на основе коллективизации, стали понятны и легли в основу как повсеместной практической политики, так и теоретических работ. В сознании одних, пропитанных горечью испытаний гражданской войны и кооперативного саботажа, кооперация все еще отождествлялась с ее прежним социальным составом и руководством. Эти товарищи улавливали из Ленина только фразы о том, что «кооператив есть лавочка», что «кооперацию, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе также», принимали эти фразы без анализа условий, при которых они были сказаны, без связи их с контекстом. А между тем Ленин не раз говорил, что наличие таких условий, как власть государства в руках пролетариата, как власть на все крупные средства производства, как союз пролетариата с крестьянством, как обобществление сельского хозяйства, «разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе также, разве это не все необходимое для построения полного социализма?». Отзвуки такого пренебрежительного отношения к кооперативной форме хозяйства мы долгое время наблюдали в процессе борьбы между кооперацией и госторговыми, в процессе выработки (зачастую мучительной) нормальных основ для генеральных договоров кооперации с промышленностью.

Гораздо серьезнее и сложнее по своим последствиям оказалось, с одной стороны, «торгашеское» в подлинном смысле слова отношение многих кооперативных работников к своему делу, с другой — та широко распространившаяся система взглядов на кооперацию, как на организатора социализма через кооперирование рынка, которая оказалась потом одним из больших камней фундамента политической позиции правого уклона. Здесь уже речь шла не о пассивном «взгляде на кооперацию», а об активном стремлении сделать из кооперативной формы хозяйства проводника определенной системы экономических и социальных построений. Несмотря на желание многих отречься от своего вчерашнего дня, приходится все же напомнить, что такая система активно проводилась в жизнь и прокламировалась даже вопре-

ки ясно выраженной воле партии от имени не только подлинных и бесспорных чайновцев, но также и партийных кругов, работавших во главе руководства деревенской кооперацией. Быть может, товарищи, не знающие всех подробностей внутренней борьбы в кооперативной системе, будут удивлены, если я напомню им, что в 1924 году, т. е. уже изрядное количество лет после речи Ленина на съезде коммун, после принятия восьмым съездом партии программы по аграрному вопросу, почти одновременно с тринадцатым съездом, определенно высказавшим свое отношение к производственному кооперированию, вышла большая книжка Сельскосоюза (бывшего тогда идейным, организационным и хозяйственным руководством деревенской кооперации) под заглавием «Сельскохозяйственная кооперация в системе государственного капитализма» (?), где черным по белому, так сказать в директивном порядке, заявлялось следующее: «широкое массовое овладение кооперацией крестьянским производством станет возможным только на основе развитых снабженческих и сбытовых функций. Колхозные очаги еще долго будут иметь значение отдельных островков в огромном крестьянском море. Вовлечение широких крестьянских масс в социалистическое строительство пойдет, несомненно, не через колхозы, а через простейшие формы кооперирования. Главнейший путь к массовой организации крестьянского производства лежит через организацию кооперативного сбыта и снабжения. Было бы поэтому величайшей ошибкой трактовать обычные формы сельхозкооперации как торгашескую кооперацию и сосредоточивать главное внимание на строительстве колхозов». А чтобы не было сомнения в том, каким классовым группам пойдет на пользу такая антипартийная концепция, сборник прибавляет ясно и вразумительно: «организация хозяйственной помощи маломощному крестьянству составляет, однако, лишь часть главнейшей задачи сельскохозяйственной кооперации. Основная задача ее — максимальное развитие производительных сил деревни и вовлечение в ее массы крестьянских хозяйств в русло государственного капитализма». Если вспомнить, что шесть лет до этого сибирская контрреволюционная резолюция также выдвигала основной задачей «развитие производительных сил», то духовное родство между правым уклоном и классовым врагом пролетариата будет ясно.

Можно представить себе, какое разлагающее влияние мог оказать такой сборник на провинциальных руководителей кооперации особенно там, где партийные органы по тем или иным причинам уделяли практике этого руководства недостаточно внимания. Что идеи 1924 года оказались очень живучими в среде кооперативного руководства, видно из того поразительного факта, что Центральный кооперативный совет уже четыре года спустя выступил к пятнадцатому съезду партии с обширным отчетным сборником о состоянии кооперативного движения, где счел возможным ни одним словом не обмолвиться о колхозном движении и весьма невразумительно мямлил о великих результатах на фронте организации сбыта и достижения этим путем правильной классовой расстановки сил в кооперативной деревне... Какой неожиданностью для авторов сборника и руководителей ЦКС должны были явиться те строчки постановления пятнадцатого съезда по отчету ЦК, где говорилось: «Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства, всемерно поддерживая и поощряя ростки общественного сельскохозяйственного труда».

В период 1921—1923 годов в кооперативную форму хозяйства (во всех ее видах) устремились все те, кому социализм представлялся лишь в форме государственного капитализма, кто отодвигал подлинную социалистическую реконструкцию экономики в перспективу далеких десятилетий, кто охотно воспринимал лозунг Ленина «учитесь торговать» вне его исторической перспективы и вкладывая в него самое вульгарное мелкобуржуазное содержание. Голая торговля ради торговли, ориентировка на «покупательную способность населения» вне учета социальных последствий такой системы распределения материальных благ, лихорадочная погоня за первоначальным накоплением, упорное глухое сопротивление государственному регулированию цен и распределения — таковы были характерные черты для всех видов кооперативной системы того времени. Эти черты настолько прочно закрепились частью в кооперативном аппарате, частью в тех социальных группах, которые присосались к низовому руководству, что мы их встречаем в значительном количестве еще и в позднейший период. Характерно, что они нашли себе почву даже в кооперации потребительской и даже оказались в ней наиболее живучими. Ведь совсем еще недавно, в период шестнадцатого съезда было признано, что, «несмотря на свое почти монопольное положение в торговле, кооперация предпочитает снабжать рабочих более доходными товарами дающими больше прибыли, и избегает снабжать их товарами менее доходными, хотя и более необходимыми для рабочих. В связи с этим рабочие вынуждены около 25% своих потребностей в сельскохозяйственных продуктах удовлетворять на частном рынке, переплачивая на ценах. Я уже не говорю о том, что аппарат кооперации более всего заботится о балансе, ввиду чего слишком туго идет на снижение розничных цен, несмотря на категорические директивы со стороны руководящих центров. Выходит, что кооперация действует в данном случае не как социалистический сектор, а как своеобразный сектор, зараженный неким нэпманским духом» (Сталин).

Если в кооперации сельскохозяйственной мы видим более быстрое отмирание этих черт, во всяком случае после 1928 года, то только потому, что шестнадцатая партконференция крепко ударила по всем проявлениям социальных извращений в области кредитования бедноты, неправильного снабжения инвентарем, кулацкой политики в бытовой работе. В то же время начался решительный перелом в деле коллективизации, постепенно оттеснявший бытовую форму кооперирования индивидуальных товаропроизводителей на задний план, а более твердое регулирование рынка сельхозпродуктов и система контракции выбили почву из-под ног всех тех классовых сил, которые пытались окопаться в бытовой кооперации, как на последнем острове своеобразных капиталистических отношений.

Оценивая степень и формы участия пролетариата и основных масс крестьянства в организации и руководстве всеми видами кооперативного движения во весь период от начала нэпа и до начала реконструктивной эпохи, следует разбить этот период на две части. В первую половину, охватывающую время от 1921 года до 1924 года, т. е. время, когда все почти внимание пролетарской власти было обращено на восстановление промышленности, на ликвидацию последствий гражданской войны, когда сфера обращения еще недостаточно охватывалась обобществленным сектором, все виды кооперации жили в атмосфере самотека, причем развертывание системы шло больше сверху вниз, чем снизу вверх. «Кооперативный главкизм» был констатирован тринадцатым съездом партии, подводившим итоги этому пе-

риоду. Причиной этого было то обстоятельство, что как для пролетариата, так и для его опоры и союзников в деревне кооперативная форма хозяйства, с большим трудом восстанавливавшаяся после ее развала в эпоху гражданской войны, не представляла еще достаточно ощутимых выгод, организационные же формы кооперации находились в состоянии непрерывной трансформации. Ни потребительская, ни сельскохозяйственная кооперация не стали еще массовой организацией, что приводило к нечеткости их социального лица, к чисто аппаратным болезням. Тринадцатый съезд должен был отметить слабую связь кооперации с рынком, увлечение коммерческим оборотом, распределенческие навыки, слабую заинтересованность потребителя, слабую реализацию зарплаты рабочего через кооперацию.

Следующий период, от конца 1924 до 1928 года, отличается огромным ростом всех количественных показателей, частично влечших за собой и качественные изменения. Одновременно с этим определялось и более точно место кооперативной формы хозяйства в общей системе советской экономики. Если еще в 1924 году руководители Сельсосоюза могли выдвигать антиленинскую концепцию о приближении того времени, когда организованная на базе сбыта сельскохозяйственная кооперация превратится «в единую гигантскую, многоэтажную организацию, превышающую своей мощью крупнейшие промышленные тресты и синдикаты», то в этот второй период ведущая роль социалистической промышленности по отношению к сельскому хозяйству стала и в теории и на практике совершенно бесспорной, что подготавливало все элементы для перехода к реконструкции земледелия на основах ленинского плана, не понятого кооператорами в свое время. Если в первый период «крестьянин на опыте не имел еще доказательства успехов социалистического строительства и правильной организации товарообмена между социалистической индустрией и сельским хозяйством» (Молотов), то во второй период кооперация вытеснила частного из целого ряда важнейших областей, широко охватила бедняцкие и середняцкие слои деревни, заняла господствующее место в снабжении рабочего, и в силу всех этих причин, подкрепленных значительной активизацией партийной работы в деле кооперирования, мы видим несомненное превращение всех видов кооперации в массовое движение, охватывающее десятки миллионов человек, занимающее высокий удельный вес в сфере обращения, становящееся объектом той борьбы классовых сил, обострение которой отметил еще четырнадцатый съезд. Одновременный рост удельного веса социалистической промышленности на товарном рынке, крупные успехи в планировании хозяйства и регулировании рынка и цен приводят к тому, что кооперативная система становится все более орудием пролетарского государства как в организации обмена между городом и деревней, как в организации регулируемого снабжения пролетариата, так и в подготовке элементов для производственной реконструкции сельского хозяйства и активного наступления на кулака. Особенно характерно, что именно в этот период стала для всех бесспорной жизненность колхозов, созданных беднотой и середняками еще в эпоху гражданской войны, переживших тяжелые испытания в первые годы нэпа, подвергавшихся прямому разрушительному воздействию со стороны аппарата сбытовой кооперации и кулачества и пополнивших свои ряды новыми артелями уже при прямой поддержке партии. Уже в докладе Молотова на пятнадцатом съезде о колхозах говорится как о заметной силе, и путь реконструкции деревни через

коллективизацию, а не через кооперирование сбыта красной нитью проходит через все работы съезда.

В то же время весь этот период кооперация болеет множеством болезней, среди которых немалое место занимает по отношению к рабочей кооперации слабая активность масс, а по отношению к крестьянской — непропорциональная кооперированность кулацкой верхушки и такое же влияние ее в низовном (а кое-где и в среднем) руководстве. Начиная от тринадцатой партконференции и до пятнадцатого съезда включительно партия каждый раз возвращается к этим недостаткам и искривлениям, отмечая их со всей резкостью и давая соответствующие директивы. Особенно резко высказался четырнадцатый съезд, нашедший, что «сельскохозяйственная кооперация по своей хозяйственной работе и с точки зрения вовлечения масс, и с точки зрения правильного социалистического руководства все еще далека от выполнения своей великой роли». В общем если в докладе Сталина на шестнадцатом съезде о потребительской кооперации было сказано, что «наш строй, система распределения народного дохода и вся установка по линии зарплаты таковы, что они имеют возможность парализовать и перекрыть все и всякие минусы, идущие от кооперации», то с известной перефразировкой эту характеристику положения можно применить и ко всей кооперации за весь период от 1924 до 1928 года: собственные минусы кооперативного движения были исключительно велики, но тем не менее с помощью кооперативной формы хозяйства нам удалось многое сделать потому, что весь наш строй, вся установка руководства партии, вся активность пролетариата были таковы, что парализовали и перекрыли всякие минусы.

Необходимо дать определение того, что же представляла собою советская кооперация во всех ее основных видах в этот период, предшествовавший переходу к активной социалистической реконструкции всего народного хозяйства, период, в который целый ряд предпосылок и элементов этой наступившей сейчас реконструкции уже накапливался в достаточном количестве.

Бесспорно, что этот анализ должен быть дан с точки зрения трех основных моментов: 1) социального состава данного вида движения и соотношения социальных сил внутри его, 2) места его в общей экономике страны и 3) его отношения к государству.

По первому вопросу мы должны констатировать, что по крайней мере к концу периода кооперативное движение представляется нам как массовое в более или менее подлинном значении этого слова, чем уже выполняется один из первых элементов ленинского плана. Оно массовое и по количеству участников и по охвату хозяйственных интересов этих участников. Тем самым движение начинает выращивать в самом себе элементы повседневного актуального интереса к себе со стороны своих участников, чем начинает выполняться и второе условие ленинского плана. Плотнее всех охватывается через потребительскую кооперацию рабочий класс, и это облегчает партийному руководству обеспечить постоянный прилив пролетарских сил на руководство всеми видами движения как в городе, так и в деревне. Тем не менее классовая борьба внутри движения еще находится в полном разгаре. В этот период узел борьбы завязывается вокруг руководства середняком, выросшим благодаря успехам революции и количественно и в смысле своего политического и культурного уровня. Борьба за это руководство в общей сфере приобретает обостренные формы, привлекающие усиленное внимание партии. Четырнадцатый съезд характеризует середину этой эпохи следующими словами: «рост индустри-

ального пролетариата, усиление кулаков в деревне, рост новой буржуазии в городе, подъем активности всех классов и групп в нашей стране. Одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства. Эта борьба находит и свое политическое выражение главным образом в попытках кулацких элементов деревни овладеть середняцкими слоями». К концу периода, на пятнадцатом съезде доклад Молотова отмечает уже значительную перегруппировку сил в сторону усиления базы социалистического строительства и возможности более решительного наступления на кулака на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком. Но тем не менее доклад Молотова отмечает «некоторый пока еще рост кулацкой группы за счет зажиточной части середняков» и наличие продолжающейся борьбы за середняка. Одним из крупнейших плацдармов в этой борьбе является кооперация. Беднота, а за нею и середняки усиливают свое внимание к колхозному движению, опираясь при этом на ясно намечающийся перед пятнадцатым съездом поворот партийных организаций лицом к колхозам. Кулак подмечает этот процесс и, с одной стороны, пытается взорвать его изнутри, с другой — создает маскировочные формы лжеколхозов, с третьей, — там, где сбытовая кооперация оказывается в его руках или в руках оппортунистов, стесняет развитие колхозного движения извне. В потребительской сельской кооперации идет борьба между пролетарским и бедняцким руководством и кулачеством, подогреваемая неоднократно ошибками регулирующих и хозяйственных органов в деле снабжения населения, особенно в районах заготовок. В сбытовой кооперации, а также в кустарно-промысловой та же активность кулака в борьбе за влияние на середняка и в защите своих собственных производственных интересов выражается в организации бешеного сопротивления политике регулирования заготовок и цен, производственного снабжения и распределения кредитов. Обильные характеристики этого мы опять-таки находим в докладе т. Молотова о работе в деревне на пятнадцатом съезде.

Тем не менее, особенно с 1927 года, партия все больше и больше уделяет внимания вопросам кооперативной работы и благодаря этому, а также благодаря отмеченному выше резкому усилению к концу периода социалистических элементов в народном хозяйстве расстановка классовых сил начинает складываться все более и более благоприятно.

По второму вопросу мы видим, что как и раньше основной сферой применения кооперативной формы хозяйства является сфера обращения. Это обстоятельство чрезвычайно важно для установления принципиальных моментов и для проведения тех необходимых граней, без которых понимание каждого нового периода и его задач совершенно невозможно. Потребительская кооперация этого периода представляется нам как система снабжения потребителя, принимаемого в том виде, как он дан, т. е. снабжения индивидуального. Эта кооперация есть механизм передвижения товарных масс к потребителю общественным путем и пока не больше. Если мы возьмем сельскохозяйственную или кустарную кооперацию, то опять-таки организация снабжения и сбыта, т. е. работа в сфере обмена занимает у них господствующее место как в самих операциях, так и в понятиях руководящей верхушки. Для этого достаточно просмотреть многочисленные издания соответствующих центров во главе с Центральным кооперативным советом.

Грубо выражаясь, можно сказать, что кооперативная форма хозяйства еще не перерабатывает своих участников. Она берет их такими, какими они даны их собственной экономической природой, и организует только их отношения к рынку, хотя и реорганизованному в самой своей основе.

Однако отсюда вовсе не следует, что на третий вопрос мы должны ответить в том смысле, будто в этот период кооперация является таким же привеском советского строя хозяйства, каким она являлась по отношению к буржуазному хозяйству в свое время. Такое уподобление было бы совершенно механическим и нелепым, хотя в писаниях троцкистов мы и находим порою попытки проводить такие механические «ультрарадикальные» оценки со всеми выводами из этого, вроде предложения изъятия капиталов кооперации, по поводу которых партия имела свое резкое суждение.

Именно в этом вопросе мы находим уже явственные признаки принципиального отличия положения кооперации в эпоху социалистического наступления от ее положения в эпоху буржуазных отношений. При капитализме кооперативная форма хозяйства является, во-первых, привеском, во-вторых, служит (по крайней мере в своей сбытовой и кредитной форме) интересам внедрения товарно-денежных отношений в новые социальные сферы, т. е. расширяет базу капитализма. Тем не менее она не является такой опорой капитализма, которой последний очень дорожит, и по мере наступления эпохи монополистического капитала он преспокойно разрушает ее или в лучшем случае заставляет совершенно переродиться. Под его давлением останавливается, а затем и идет вспять развитие рабочей потребительской кооперации, гибнут под ударами банков и железных дорог крупнейшие сбытовые кооперативные объединения, снабженческая кооперативная система превращается в приказчика металлургии, и в политике все это выражается в перерождении былого кооперативного радикализма либо в махровый национализм (Германия), либо в самое бесстыжее прислужничество перед крупным капиталом. Движение оказывается в подлинном тупике, и даже самые яркие прожекторы не могут найти из него выхода. Причина здесь заложена в неискоренимости противоречий между классовыми экономическими интересами кооперированных масс и господствующей формой капитала. В этом вся суть дела. И именно отсутствие этого противоречия в нашей системе и создает предпосылку принципиальной разницы.

Поскольку кооперативная форма хозяйства в рассматриваемый период развивается почти исключительно в сфере обращения, а эта сфера является сама по себе подчиненной и производной по отношению к сфере производственной, постольку нечего и думать о ведущей роли кооперации в народном хозяйстве. Это могли думать только бухаринцы с их теорией создания социализма через кооперативную организацию рынка. Но так как в то же время главным кадром кооперации является пролетариат, беднота и середняк, т. е. руководящая сила государства, ее опора и ее союзник, то исчезает мысль о каком-либо противоречии интересов, а следовательно создается основная предпосылка принципиальной разницы положения кооперации в этот период. Будучи подчиненной, как форма хозяйства, кооперация в то же время является не привеском, а орудием преодоления анархии рынка, «огромным передаточным механизмом, помогающим социалистической индустрии вести за собой деревню простых товаропроизводителей» (Молотов) и облегчающим проведение плана

в снабжении пролетариата и в обеспечении принципов политики зарплат. Здесь есть еще один момент. Если бы рынок в этот период представлял собою свободную арену игры экономических сил и нерегулируемой встречи товаров социалистической промышленности с продуктами и сырьем сельского хозяйства простых товаропроизводителей, то работающая на этом рынке кооперация стала бы в свою очередь плацдармом ожесточеннейших классовых боев с неопределенным исходом. Но в том-то и значение факта перехода руководства к социалистическому сектору производства, в том-то и значение ведущей роли партии и пролетариата, что эта ставка буржуазных элементов на превращение кооперации в орудие борьбы с советским строем оказывается к концу периода безнадежно битой, и основные кадры кооперации получают от государства прочную и надежную защиту. Борьба еще продолжается, мы увидим признаки ее в третьем, реконструктивном, периоде, но исход ее уже определился во втором периоде, и так называемое подчиненное положение кооперации, вызывающее столько крокодиловых слез в кооперативном альянсе, оказывается на самом деле лишь видом социалистического разделения труда между различными формами народнохозяйственной деятельности на базе ведущей роли социалистической промышленности.

С таким багажом вступает кооперативное движение в период социалистической реконструкции. Мы видим, что багаж этот велик, но что он в то же время не может еще считаться законченным выполнением ленинского плана. В нем нет еще основного элемента этого плана, просмотренного в свое время нашими правыми идеологами, элемента широкой организации с помощью кооперативной формы хозяйства перестройки производственных и бытовых отношений. Конечно, уверять на этом основании, как это сделала коопсекция Комакадемии, будто кооперация попала в тупик, нет никакого резона. Не в тупике находится кооперация, а на переломе, и путь после этого перелома не в тезисах только коопсекции значит, но определился уже в самой жизни.

Остановимся на принципиальной характеристике этого нового этапа развития кооперации.

Прежде всего надо вдуматься в социальную природу кооперативного движения на этом этапе. Ведь несомненно, что в движении участвуют не просто расплывчатые «широчайшие массы населения» (тезисы коопсекции Комакадемии), а совершенно определенные социальные группы и что их расстановка должна быть уже иной, чем в предшествовавший период. Весь XVI съезд партии в резолюции по отчету ЦК совершенно определенно констатирует «глубокие изменения в соотношении классов внутри страны», слагающиеся из роста численности пролетариата и усиления его руководящей роли по отношению к бедняцкому и середняцкому крестьянству, из превращения смычки между рабочим классом и основными массами крестьянства по преимуществу в производственную, из обострения классовой борьбы со стороны кулачества, из того факта, что партия сломила контрреволюционный саботаж и сопротивление кулачества, из превращения середняка, вступающего в колхоз, в опору советской власти, из огромного роста активности рабочего класса. В свете этой характеристики чрезвычайно странно читать опубликованные в «Кооперативной жизни» тезисы коопсекции Комакадемии, где в п. 6 говорится о потребительской кооперации, что она находится лишь под «воздействием партии и рабочих масс». Конечно, если видеть в кооперативном дви-

жении лишь «широкие массы населения», если подходить к этому движению без четкого анализа как общего соотношения классовых сил в стране, так и внутреннего их соотношения в самой кооперации, то неизбежен тот механистический подход, какой мы видим в тезисах. Выходит, что кооперация сама по себе, а партия и пролетариат сами по себе, и второе как-то механически воздействует на первое. Между тем не о воздействии может идти речь, а о руководстве со стороны партии, о участи и рабочего класса и о его ведущей роли. Если коопсекция в своем механицизме видит лишь воздействие даже в потребительской кооперации, то какова же будет ее философия по отношению к кооперации сбытовой и колхозной? Между тем кооперативное движение также имеет свою диалектику развития и без понимания ее нельзя понять его перспектив.

Итак мы должны отметить для данного этапа по сравнению с предыдущим прежде всего огромный численный рост рядов рабочей кооперации, одновременно с ростом охвата бюджета рабочего кооперативным снабжением. Это крупнейший факт, обязанный, во-первых, росту самого пролетариата, во-вторых, той общей установке партии, о которой говорится в докладе Сталина, в-третьих, реализации заложенных в предыдущем периоде элементов движения вперед, в-четвертых, росту производственной смычки города и деревни, ослабившей зависимость кооперации от капризов заготовительного рынка.

Если тем не менее декабрьский пленум ЦК признал, что в рабочей кооперации наблюдается слабое участие кооперированных масс потребителей в работе по контролю и руководству, засорение аппарата чуждыми элементами, наличие некоего нэпманского духа, то причину этого надо искать в том факте, что в конце предыдущего периода, а отчасти и в начале рассматриваемого наметились значительные противоречия между количественным ростом рядов рабочей кооперации и мертвящим духом ее организационных форм, мешавших пролетариату широко принять участие в руководстве своей собственной снабженческой системой. Вторым противоречием (быть может вытекавшим из первого) является отставание форм кооперативного обслуживания от глубоко изменившихся форм рабочего быта, особенно там, где закладываются основы нового капитального строительства. К этому вопросу нам еще придется вернуться. Можно только сказать, что так как эти противоречия не органические, а так сказать функциональные, то ничего страшного они в себе не заключают и мы уже сейчас присутствуем при начале их изживания после того, как партия крепко ударила всех проспавших изменение обстановки.

Глубочайшее принципиальное изменение мы находим в потребительской кооперации в деревне. Основным для зерновых районов и весьма заметным для других ее участников становится колхозник, тот самый колхозник, который отныне является опорой советской власти, непосредственным участником социалистического строя хозяйствования. Каким образом коопсекция проглядела это важнейшее принципиальное структурное изменение, прямо-таки непостижимо. Между тем факт этого изменения влечет за собой как требование совершенно нового объема работы потребкооперации в районах сплошной коллективизации, так и по-новому ставит дело руководства. Декабрьский пленум ЦК категорически требует обеспечить руководящую роль колхозников в сельской потребительской кооперации и восстановить выборные кооперативы там, где они в порыве административного усердия Центросоюза были заменены лавками с назначенными заведующими. Если мы еще учтем при этом, что в составе руководства колхозным

движением в настоящее время работают десятки тысяч рабочих, направленных в порядке мобилизации, и что колхоз стал сам новым центром консолидации партийных сил, то станет ясно, что вся характеристика социального состава и руководства деревенской потребкооперацией радикально изменилась в зерновых районах и находится на пути к изменению в остальных районах. Это не значит конечно, что классовая борьба за руководство сельской потребкооперацией кончилась: она продолжается, но уже в совершенно иных формах, и направление ее пока что обостряется.

Если предшествовавший период был временем исключительного по размаху кооперирования сбытоснабженческих операций простых товаропроизводителей, то в настоящее время эта форма движения несомненно вступает в полосу своего ущерба в связи с заметным уменьшением соответствующей экономической базы. Правда, колхоз также имеет свои сбытоснабженческие интересы, но там это функция основного движения, а не самостоятельная форма кооперативного хозяйства. Тем не менее в районах, где колхозная форма хозяйства не является преобладающей и ведущей, сбытоснабженческая кооперация простых товаропроизводителей еще сохраняет свою силу и значение, и попытки недооценить и игнорировать ее должны быть признаны глубоко ошибочными. Социальный состав этой кооперации заметно изменяется в сторону полного охвата бедняцко-средняцких слоев, и с помощью МТС содержание работы все более должно будет направляться по пути подготовки коллективизации. Именно в связи с этим, а также в связи с общим ростом наступления на кулака, неизбежно обострение классовой борьбы за руководство (или за взрывание изнутри) этим видом кооперации, что кажется недостаточно еще учитывается самой кооперативной системой.

Наконец главным и решающим во всей характеристике этого исторического этапа развития кооперативного движения является то принципиально новое, что принесено фактом грандиозного расцвета коллективизации. Отныне сфера обращения не является более исключительной сферой кооперативного хозяйства. Оно, опираясь на политику партии, на факты социалистического наступления по всему фронту, вторгнулось и вторгается с огромным успехом и размахом в сферу производства. Там, где ошибки оппортунистов не извратили линии партии, мы имеем в лице колхозного движения сплошной массив бедняцких и середняцких слоев, перешедших полностью на положение опоры советской власти, там мы наблюдаем наиболее полные и разнообразные формы новой производственной и культурной смычки пролетариата с крестьянством. Там же, где коллективизация лишь начинает проникать в толщу индивидуалистического хозяйства, там наблюдается и может еще наблюдаться засорение ее кулацкими элементами и глубокая борьба за власть. В основном социальный состав в этих районах тоже уже здоровый, но наличие неликвидированного кулака и влияния преобладающей формы мелкого хозяйства приводит к тому, что кулак может еще как взрывать колхозы изнутри, так и «прижимать» их извне. Вот почему для этих районов XVI съезд наметил особую программу работ, поставив во главу угла «усиленное наступление на кулака в смысле дальнейшего ограничения его эксплуататорских тенденций и его роста при всемерном развитии организации бедноты и батрачества», и призывает партийные организации особенно внимательно отнестись к восстановлению и дальнейшему росту кооперативных орга-

низаций единоличных бедняков и середняков и, оказывая им помощь, всячески привлекать к колхозу.

Таким образом краткая общая характеристика переживаемого периода истории кооперации сводится к следующему.

Закончив в основном охват кооперативной формой хозяйства сферы обращения, мы в то же время перешли к внедрению этой формы также и в сферу производства как в сельском хозяйстве, так и в кустарничестве, и в промыслах. Особенно важно, что вторая фаза не является простой производной из первой, как это в свое время думали правые, а возникает параллельно, в результате достижения промышленностью ведущей роли в народном хозяйстве, укрепления и роста пролетариата, перевыполнения пятилетнего плана и окончательной победы партии как над буржуазными элементами в стране, так и над их отражением в лице различных уклонов. Тем не менее бесспорно, что наличие к этому моменту почти полного обобществления процессов обмена значительно облегчает развитие новой формы кооперативного хозяйства. Одновременно с этим возникает потребность в перестройке организационных форм всех видов кооперации в сторону наибольшего облегчения участия кооперированных масс в руководстве своим социалистическим хозяйством. Не менее остра потребность в переходе от простых форм индивидуального снабжения потребителя к обслуживанию перестройки его быта и перехода снабжения к формам, совпадающим с новыми формами социального и бытового уклада. Наконец социальный состав кооперации быстро оздоравливается и консолидируется вокруг своего пролетарского ядра, и жизнь вырабатывает все новые и более глубокие формы рабочего руководства кооперативным движением, облегчающим борьбу с остатками классово-враждебных элементов, главным образом в деревне.

Короче сказать—только теперь советская кооперация выходит за рамки своей древней исторической сферы работы и вторгается в производство и быт, и перед ней открываются с высоты достигнутого перелома огромные перспективы. Полностью оправдываются слова Ленина: «многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью».

Ясно, что на новом этапе выдвигается перед кооперативной системой хозяйства множество новых задач, значительно отличающихся от всего того, что ставилось перед нею до сих пор. Речь должна идти и о содержании работы и об организационных формах. Эти новые задачи стали определяться уже после XV съезда и особенно после XVI партконференции. Они полностью оформились и определились в течение минувшего года.

Основные конкретные задачи кооперативного движения на текущий год определены были XVI съездом и декабрьским пленумом ЦК: всемерное укрепление колхозов как опорных пунктов социалистического строительства в деревне и правильная постановка потребкооперации как организации социалистических форм распределения. Таким образом обе основных ветви кооперации целиком переводятся на положение крупнейших факторов активного строительства социализма, в чем и заключается главное отличие от предшествующего периода, когда кооперативное движение могло быть лишь вспомогательным фактором, сравнительно мало вторгавшимся в экономику и быт и лишь помогавшим социалистической промышленности через посредство организованного на кооперативных

началах рынка обеспечивать за собой ведущую роль в народном хозяйстве.

Поскольку партия ставит своей задачей борьбу за преодоление мелкобуржуазных колебаний внутри колхозов и непосредственный переход при помощи колхозов к крупному высокопроизводительному хозяйству, постольку проблема организации труда в колхозах на началах, приближающихся к индустриальным, и проблема качества колхозной работы приобретают решающее значение. Состоявшееся в феврале всесоюзное совещание колхозов, выработавшее директивы по организации труда, знаменует в этом отношении крупнейший перелом во всей новейшей истории колхозного движения. Приходится только признать, что благодаря вялости колхозного центра это совещание и его директивы опоздали по крайней мере на полгода, если не больше. Прекрасно продуманный план организации труда, учитывающий всю сложность позиций переходного периода, может при обычной нашей медлительности дойти до сознания широких колхозных масс уже после того, как будет проведена весенняя посевная кампания, в силу чего многие положительные элементы этого плана не принесут сразу своего эффекта. Тем не менее самый факт принятия этого плана уже кладет конец всем имевшим до сих пор место колебаниям и местному творчеству, порой поддававшимся влиянию остатков мелкобуржуазной психологии. Не менее важно и его значение для поднятия качества колхозного хозяйства, поднимаемого этим планом на высоту крупного рационализованного хозяйства социалистического типа. Если методы организации и техники ведения колхозного хозяйства зернового типа сейчас уже вполне определились и имеют свою традицию и навыки, то для текущего года выдвигается совершенно новая задача — организации массового колхозного движения в животноводстве и специальных культурах. Этого настойчиво требуют и интересы общей политики дальнейшего вытеснения остатков буржуазных отношений в сельском хозяйстве, и интересы снабжения легкой промышленности сырьем социалистического происхождения и потребителя продовольствием, и наконец интересы такой экономической перепланировки всего сельского хозяйства, при которой понятие «потребляющего района» возможно скорее стало бы достоянием истории. К сожалению приходится отметить, что, судя по газетным данным, это дело, настойчиво выдвинутое директивами партии, еще не получило надлежащего оформления в действиях колхозного центра и что пожалуй в этом отношении совхозная организация пока проявила себя более гибкой и подвижной. Не даром уже этим делом занялся Совнарком (из постановления от 13/II 1931 г.), причем повидимому инициатива постановки организационных вопросов животноводства исходила не от Колхозцентра, а от Наркомзема.

Что касается потребительской кооперации, то поставленная перед нею задача организации социалистических форм распределения выражается для текущего года прежде всего в общем отказе от торгашеских форм работы, в приспособлении снабжения к новым социалистическим формам организации труда, в гибком реагировании на все новые явления в колхозном движении, в постепенном переключении продовольственного снабжения с форм индивидуального потребления на общественное питание. В этом последнем вопросе коопсекция Комакадемии как будто теряет перспективу и, забывая специальное указание ЦК по делу о выступлениях Сабсовича и Ларина, пытается задачей полной немедленной

реконструкции быта подменить более важную задачу для нынешнего дня — задачу приспособления кооперации к снабженческим потребностям капитального строительства, к нуждам ударничества, к факту широкого вовлечения женского труда в производство и т. д. Все эти явления требуют перестройки дела снабжения на социалистический лад, но именно в меру их собственного развертывания. Для данного момента кооперативная перестройка должна быть производной величиной от всех этих фактов. Кроме того сама потребительская кооперация настолько еще плоха в своей работе, что весь нынешний год ей придется серьезно поработать над собой, чтобы выполнить директивы пленума ЦК. И для этой цели важнейшую роль должно сыграть превращение кооперации из снабжающего аппарата в подлинную массовую общественную организацию, воспитывающую в пролетариате навыки ведения социалистической системы распределения.

В заключение необходимо остановиться на том, в каком же состоянии находятся руководящие центры кооперации и какова их готовность выполнить начавшуюся кооперативную октябрьскую революцию.

Готовность эта еще очень слаба. Самый темп коллективизации оказался неожиданным для кооперативного руководства. Ведь всего лишь полтора года тому назад Всесоюзный совет с.-х. кооперации «решил», что к 1 октября 1933 г. в колхозах будет 6,4 миллиона дворов, или 23% крестьянства. Соответственно этому строились и все организационные планы и темпы напряжения работы. А декабрьский пленум ЦК констатировал, что уже к 1 декабря 1930 г., т. е. на три года раньше плана кооператоров, колхозы охватили 6,1 миллиона дворов... Да и как было Всесоюзному совету не ошибиться, если он считал, что, во-первых, сложные средства производства войдут в сельское хозяйство лишь в самом конце пятилетки (а политические и классовые предпосылки усиления коллективизации принимались за ничто!) и, во-вторых, что основную часть участников колхозов будет составлять бесхозяйные одиночки, а семейный крестьянин еще «погодит»

К сожалению, широкой пролетарской общественности недостаточно известно, что делает нынешний Колхозцентр. Но обильные газетные заметки позволяют утверждать, что руководство опаздывает и что движение часто опережает (в смысле быстроты и сложности форм) свое руководство. Достаточно отметить, что важнейший вопрос в жизни колхоза — распределение продукции (по едокам или по труду) — повидимому оказался прохлопанным Колхозцентром, в результате чего газетам пришлось сигнализировать массовые извращения на местах, особенно там, где очистка колхозов от кулацкого влияния была проведена недостаточно энергично. Только сейчас этот вопрос получил свое решение. Не менее серьезно обстоит дело с методами построения производственного плана колхоза. До сих пор в недрах самого центра идут ожесточенные споры по методике производственного планирования, а тем временем каждое правление в любой деревне мудрит по-своему, а книжный рынок заполняется творчеством самозванных «плановиков», рекомендующих колхозникам разнообразный выбор методов планирования и учета хозяйства. Руководство третьим важным элементом в жизни колхоза — использованием и регулированием отхода временной свободной рабочей силы — также находится в крайне неудовлетворительном состоянии, что уже вынудило органы Наркомтруда вмешиваться в это дело помимо системы Колхозцентра,

Наконец только самые энергичные подталкивания со стороны партийных организаций заставили Колхозцентр и Центросоюз «начать прорабатывать» такой насущный и политически важный вопрос, как организация кооперативного потребления в колхозах, особенно там, где коллективизация сопровождалась образованием новых поселков или слияния мелких хуторов. Несомненно кое-что сделано; но ни общего решения этого вопроса, ни тем более живого практического руководства тем, что делается на местах, пока еще не заметно.

Кустарная кооперация за последнее время сделала очень много в смысле роста объема, разнообразия и качества своей продукции и укрепления своей финансово-хозяйственной базы. Но слова о «некоем энпманском духе» все еще применимы к ней полностью и даже быть может больше, чем раньше. Повидимому массовое кооперирование бывших одиночек не сопровождалось одновременной политической и организационной работой, и новые элементы, вошедшие в кооперацию, привели туда много нездоровых настроений, с которыми центр недостаточно борется. Наконец не видно, чтобы кустарная кооперация серьезно изучала и проводила такую важную проблему, как перестройка методов работы в связи с коллективизацией. Быть может виной этому тот факт, что основными центрами кустарного движения были до сих пор районы с наиболее слабо развитым колхозным движением. Но это не оправдание. Жизнь требует постановки этого вопроса во всю широту, особенно в связи с проблемами регулирования расхода рабочей силы и с фактом освобождения некоторого количества труда в районах высокой техники колхозного хозяйства. Надо поддержать и развить кустарные промыслы в зерновых районах сплошной коллективизации, надо учесть возникновение новых центров потребления кустарных изделий там, где проводятся большие промышленные новостройки, надо ставить работу в старых районах кустарничества так, чтобы во исполнение директив пленума ЦК эта работа сама собою подготавливала бы выполнение данных пленумом темпов коллективизации. Все это почти не делается или делается от случая к случаю, без системы и метода, без объединяющей политической мысли, без привлечения к этому вопросу внимания рабочего класса, который, как уже показал опыт, ведь мог бы и на это дело дать прекрасные кадры организаторов.

Об ошибках и позорном отставании Центросоюза было достаточно сказано и в сентябрьском обращении ЦК и в постановлениях декабрьского пленума.

Прибавить к этому остается лишь немного. На протяжении двух лет Центросоюз четыре раза выступал с разными вариантами пятилетки, и каждый раз жизнь была его самым беспощадным образом. Беда не столько в том, что варианты оказывались неудачными (кто из хозяйственников не садился в галошу со своей ведомственной пятилеткой?), сколько в том, что в каждом варианте самым безобразным образом игнорировались важнейшие качественные элементы работы. Даже сейчас еще остаются неразрешенными со стороны Центросоюза такие важнейшие вопросы как общая система кооперативного строительства в районах сплошной коллективизации, как постановка работы в местах нового капитального строительства, как создание не на словах, а на деле настоящей общественности вокруг закрытых распределителей, как дело хлебопечения, безобразные качества которого особенно недопустимы сейчас, когда страна разрешает основную хлебную проблему. Всесоюзный и республиканский центры потребительской ко-

операции явно недооценивают качественные и организационные моменты в проблеме кооперативных огородов и подгородных ферм; они склонны подходить к этому или по-бюрократически или по-делачески, просто как к новому «предприятию» в старом смысле этого слова. Политическое значение этой новой формы кооперативной работы ими не учтено, не доведено еще до сознания объединенных потребителей. С еще большим трудом приходится подталкивать потребительскую кооперацию во всю сферу кооперативной организации быта, включая сюда общественное питание и т. д. Ведь именно в этом состоит главная задача потребкооперации, но именно этого-то факта руководство потребительской кооперацией не хочет понять. И если все же очень многое делается на местах, то скорее вопреки ведомственному руководству, под непосредственным руководством местных партийных организаций, по прямому требованию выросших в своей активности кооперативных рабочих масс.

В ЗАЩИТУ МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА

В период бурного социалистического строительства, в период, когда идущие ко дну капиталистические элементы оказывают ожесточенное сопротивление растущему социализму, необходима особая большевистская бдительность к классовому врагу. Особая бдительность необходима и в теории, где зачастую за марксистскими одеждами скрывается матерая идеология классового врага. Кондратьевщина, гromanщина, сухановщина, рубинщина — все это теоретическая база враждебного класса. Но кроме теоретиков, буржуазно-реставраторская сущность теорий которых нашла свое яркое выражение во вредительстве, мы имеем среди «наших» экономистов немало таких, которые, прикрываясь Марксом и Лениным, по существу их ревизуют, представляя их дюжими либералами. Писания этих квази-марксистов являются ни чем иным как одной из форм апологетики капитализма. Борьба с подобными теориями должна вестись самым беспощадным образом, ибо без нее невозможна окончательная ликвидация влияния враждебных буржуазных идеологий.

К числу таких ревизионистских работ, порывающих с марксизмом, выхолащивающих из него революционное содержание, принадлежит статья В. Гилевича «Проблема расширенного воспроизводства», помещенная в порядке обсуждения в журнале «Проблемы экономики» № 7 за 1930 г.

Статья В. Гилевича ставит своей задачей разрешить спорные вопросы расширенного воспроизводства, выдвинуть ряд новых проблем в этой области. Задача, которую поставил себе наш автор, очень ответственная, но правильное разрешение ее требует прежде всего верных методологических исходных позиций. Только на путях действительно диалектического исследования можно продолжать дальнейшую разработку проблем воспроизводства. Только правильное понимание предмета исследования и умение пользоваться диалектическим методом дают гарантию верного разрешения поставленных вопросов.

У В. Гилевича как в области предмета, так и в области метода царит концепция, почерпнутая далеко не из марксистской сокровищницы. Антидиалектичность автора встречается буквально на каждом шагу, она пронизывает каждую строчку «исследования». У него материалистическая диалектика заменяется чистейшей воды эклектизмом: чуть-чуть от Маркса, немножко от Розы Люксембург, изрядно от Туган-Барановского, очень много от П. Струве и не меньше от механистической методологии Богданова — Бухарина.

Посмотрим прежде всего, как В. Гилевич понимает предмет теории воспроизводства? По этому вопросу он ничтоже сумняшеся заявляет, что «теория воспроизводства предметом своего социального исследования имеет главным образом не «качественную», а «количественную» сторону явлений» (с. 104, разрядка наша — А. Б. и К. Г.).

Это положение звучит ново, но эта новизна далеко уводит В. Гилевича от марксизма. Оказывается, что теория воспроизводства имеет

своим предметом количественную сторону явлений. А мы, грешные, до сих пор думали, что марксова теория воспроизводства не только занимается количественными пропорциями, но и качественной стороной явлений, что Маркс в своих схемах (хотя они и выражены в числах, в количествах), дает не только количественную, но и качественную характеристику движения общественного капитала, что эти схемы выражают классовое деление капиталистического общества, что они выражают существующие в капиталистическом обществе противоречия. У В. Гилевича иначе. У него качество экономических явлений капиталистического хозяйства подвергается анализу в теориях стоимости, прибавочной стоимости, распределения и т. д. (см. с. 104), а теория воспроизводства «формулирует закон качественно определенных связей между элементами совокупного хозяйственного процесса» (см. там же). По В. Гилевичу исследование экономических явлений разбивается на две части: сперва исследуется качественная сторона явлений, а затем количественная. Получается как бы два ряда теорий: теории, занимающиеся качеством, и теории, имеющие своим предметом количество. Качество и количество исследуются самостоятельно, отдельно. Качество и количество не связаны между собою.

В. Гилевич забыл (или не знал) основное диалектическое положение о неразрывности количества и качества. В. Гилевич не понимает того, что теория воспроизводства исследует не только количественную, но и качественную сторону явлений, как не понимает того, что теории стоимости, прибавочной стоимости и т. д. исследуют не только исключительно качество, что они наряду с этим имеют дело и с количественной стороной явлений. Ведь абсурдно говорить, что Маркс анализировал стоимость только со стороны качества, что исследование количественной стороны здесь не имело места.

Различие между анализом отдельных категорий и анализом процесса воспроизводства состоит не в том, что в первом случае исследуется качественная, а во втором — количественная сторона явлений, как это думает В. Гилевич, а в том, что в первом случае исследуется и качественная и количественная стороны отдельных сторон капиталистического производства, а во втором и качественная и количественная сторона капиталистического воспроизводства в целом.

В. Гилевич не подозревает, что, характеризуя теорию воспроизводства как количественную, он прямо смыкается с махровыми буржуазными и социал-фашистскими экономистами. Так, Густав Кассель считает, что «политическая экономия изучает главным образом количественные отношения»¹. Но если Густав Кассель говорит о политической экономии вообще, то германский социал-демократ Альфред Браунталь в недавно вышедшей книге «Современное хозяйство и его законы» дает такую же характеристику марксовой политической экономии.

Почему же буржуазные и социал-фашистские теоретики сводят политическую экономию к количественной науке? Да потому, что, занимаясь изучением качества капиталистических явлений, трудно уйти от основных классовых противоречий капиталистической структуры, ведущих к ее неизбежному краху. Естественно, что пропаганда идей классового сотрудничества, мира в промышленности возможна тогда, когда отвлекаются от основных качественных особенностей капиталистической экономики. Анализ же качества капиталистической структу-

¹ Густав Кассель, «Основные идеи теоретической экономии», изд. Прибой 1929.

ры имеет особое значение в отношении к теории воспроизводства. Именно в теории воспроизводства и в непосредственно с ней связанной теории кризисов Маркс в наиболее концентрированном виде, дал анализ основных противоречий капитализма и неизбежности его краха.

Перейдем к дальнейшей характеристике «теории воспроизводства» В. Гилевича. Здесь нам придется встретиться с положениями, которые звучат очень странно в наше время, особенно после того, когда проделана уже большая работа по разоблачению механистических воззрений на движение и равновесие. В. Гилевич заявляет, что «теория воспроизводства может быть названа теорией хозяйственного равновесия». Этим утверждением автор сразу показывает, чьей методологией он пользуется в подходе к проблемам воспроизводства. Он прямо смыкается в этом вопросе с Бухариным, который также считал теорию воспроизводства теорией хозяйственного равновесия и делал на основании этой теории в известных «Заметках экономиста» правоуклонистские выводы.

Это родство с бухаринской теорией равновесия у нашего автора проявляется еще более ярко, когда он формулирует задачи, которые стоят перед теорией воспроизводства. Автор считает, что теория воспроизводства имеет перед собой две основных задачи: «Изучение условий равновесия системы на данном уровне развития производительных сил и изучение условий ее перехода на новый и высший уровень развития. Она изучает, следовательно, состояние равновесия, нарушения его, связанные с развитием производительных сил, и результирующую эти нарушения тенденцию к восстановлению равновесия на новом уровне». В приведенном месте мы имеем явно механистическую установку, формулированную настолько ясно, что ей позавидовал бы даже покойный Богданов.

В основе всего лежит равновесие, изучение его законов является главной задачей теории воспроизводства. От равновесия на одном уровне к равновесию на другом — таков несложный механистический танец нашего «теоретика». Равновесие — основа, нарушения его чуть-чуть колеблют систему, чтобы в результате этих нарушений было вновь восстановлено равновесие. Точь-в-точь как у т. Бухарина, у которого «найти закон этого равновесия (товарно-капиталистического общества — А. Б. и К. Г.) есть основная проблема теоретической экономики... Лишь поняв законы равновесия, можно было идти дальше и поставить вопрос о колебании системы»².

Но все эти утверждения находятся в вопиющем противоречии с марксизмом, так как Маркс и Ленин в ряде своих работ указывали, что теория воспроизводства не является теорией равновесия и ее задача не заключается в открытии законов равновесия. Полемизируя со Струве, Ленин писал: «Струве напрасно называет теорию реализации теорией пропорционального распределения. Это не точно и неизбежно ведет к недоразумениям. Теория реализации есть абстрактная теория, показывающая, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала»³. Теория реализации показывает, как воспроизводится и обращается общественный капитал, как происходит движение общественного капитала. Теория воспроизводства — это теория движения, а не теория равновесия. У Маркса мы также находим ряд

² Н. Бухарин, Экономика переходного периода.

³ В. И. Ленин, Еще к вопросу о теории реализации, Собр. соч., т. II, с. 407

мест по этому вопросу, не допускающих двусмысленного толкования. Маркс, говоря о постановке вопроса о воспроизводстве, замечает: «Обратное превращение одной части стоимости продукта в капитал, вступление другой части в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и класса рабочих представляют внутреннее движение в той самой стоимости продукта, которая является результатом всего капитала; и это движение есть возмещение не только стоимости, но и вещества, а поэтому оно в одинаковой мере обуславливается как соотношением составных частей стоимости общественного продукта, так и их потребительской стоимостью, их материальной формой»⁴.

Таким образом трактовка теории воспроизводства как теории равновесия является не марксистской, а целиком основывается на механистических установках. Более того, она совпадает с воззрениями буржуазных вредителей. Так напр. Громан тоже считает, что главной задачей экономического анализа является «вскрыть те закономерности, которые создают равновесие народного хозяйства в целом и показывают нам изменение условий этого равновесия»⁵.

Обратимся теперь к исходным положениям Гилевича в вопросах о методе. Здесь центральным пунктом является трактовка автором понятия абстракции при исследовании процессов капиталистического воспроизводства. Определяющим отношением автора к этому вопросу является следующее его утверждение: «Для познания реально исторического способа производства необходимо максимальное его упрощение, позволяющее понять этот способ как этап в развитии общественного производства, отвечающий определенной ступени развития производительных сил» (с. 105). В этом месте содержится много ошибочного. Прежде всего заявление о максимальном упрощении исторического способа производства, необходимое для рассмотрения и понимания, является неправильным. Применяя способ абстракции, Маркс стремился к максимальному упрощению, отвлекался от побочных обстоятельств и выделял чисто структурные особенности.

Далее упрощение мыслится В. Гилевичем с целью понять способ производства как этап в развитии общественного производства, отвечающий определенной ступени развития производительных сил. Это представление В. Гилевича совершенно искажает марксистское понимание задач исследования. Ведь при таком понимании выпадает главная цель исследования марксистской политической экономии—понимание экономической структуры данного общества, внутренних противоречий этого общества, классового антагонизма. У Гилевича же все это заменяется исследованием общественного производства как ступени в развитии производительных сил. У него явный отрыв материального производства от социальной формы, полное игнорирование общественной формы. Производство у него не является социально обусловленным. Способ производства — этап в развитии производительных сил. Если понять этот способ производства как этап в развитии производительных сил, то этим реально исторический способ производства понять. Гилевич не усвоил того, что в политической экономии, как писал Энгельс в рецензии на «К критике политической экономии», речь идет не о вещах, а об отношениях между людьми, в последней же инстанции между классами.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. II, с. 292.

⁵ Громан, Годовой обзор народного хозяйства за 1924/25 г., „Плановое хозяйство“ № 12, 1925.

Исходя из указанного понимания характера и задач абстракции, В. Гилевич продолжает дальше свои методологические построения. Но прежде чем приступить к разбору их, сделаем несколько замечаний по поводу марксовой абстракции.

Маркс при исследовании капиталистического способа производства абстрагируется прежде всего от докапиталистических формаций, конструируя понятие «чистого капитализма». Затем этот «чистый капитализм» Маркс начинает рассматривать с товара как выражения производственного отношения, лежащего в основе капиталистического способа производства. «Мы исходим, — писал Маркс, — из товара — этой специфической общественной формы продукта как основы и предпосылки капиталистического производства... как такую предпосылку рассматриваем мы товар, исходя из него как из простейшего элемента капиталистического способа производства»⁶.

Силой абстракции Маркс выделил это основное производственное отношение и начал с анализа товара как носителя этого отношения. Маркс далее продолжал работу, привлекая к рассмотрению все новые моменты сложного комплекса капиталистического хозяйства.

«Этот метод, — говорит Энгельс, — является единственно подходящим, так как он есть «тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей»⁷.

Как отдельные элементы капиталистического способа производства Маркс рассматривал, восходя от абстрактного к конкретному, так и капиталистическое производство в целом Маркс рассматривает, также идя от более абстрактного к более конкретному. И если товар является предельной абстракцией как простейший элемент капиталистического способа производства, то абстрактная теория реализации, как она изложена Марксом во II томе, как она изображена в его схемах, представляет собою предельную абстракцию для рассмотрения капиталистического производства, взятого в целом, для рассмотрения движения общественного капитала.

Нам представляется такое понимание марксовой абстракции единственно верным и возможным. Но есть «теоретики», считающие себя марксистами, которые полагают, что возможна еще одна ступень абстракции, что возможно рассмотрение капиталистического способа производства в целом на более высокой ступени абстракции. К таким «теоретикам» относится и наш густо механистический автор. Он считает, что такая более высокая ступень абстракции правомерна, что она дает возможность обнаружить простейшие элементы капиталистического процесса воспроизводства. Что же это за более высокая ступень абстракции? Этой более высокой ступенью абстракции является «абстракция от стоимостной формы», рассмотрение «воспроизводства продукта, а не стоимости» (с. 105). Автор считает, что «исследование воспроизводства общественного продукта в связи с определенным состоянием развития производительных сил образует собою предпосылку исследования законов реализации стоимости. Вернее это последовательные этапы исследования одного и того же процесса — процесса капиталистического воспроизводства, различные степени абстракции в этом исследовании, различные ступени приближения к конкретной капиталистической действительности» (с. 105).

⁶ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, с. 95.

⁷ Энгельс, О книге Маркса „К критике политической экономики“, изд. 1929, с. 9—10.

Таким образом В. Гилевич вводит новый момент в рассмотрение вопросов воспроизводства, вводит новый методологический прием. В. Гилевич «углубляет» и «дополняет» Маркса, мало того, заявляя, что исследование на его более высокой ступени абстракции является предпосылкой исследования законов реализации стоимости, он ставит под сомнение марксову теорию воспроизводства, так как Маркс такого исследования на более высокой ступени абстракции не производил, да и не считал это возможным (подробно об этом ниже). Еще яснее такое отношение к марксовой теории и восхваление своего нового методологического приема мы видим в следующих словах автора: «... в этом на высшей ступени абстракции проведенном анализе удастся установить некоторые наиболее общие определения и признаки процесса, без знания которых невозможно решение и первого ряда вопросов» (речь идет о падении нормы прибыли, механизме, с помощью которого это падение осуществляется и т. д. — А. Б. и К. Г.).

До таких вещей, как Гилевич, не договаривался еще никто из тех, кто хоть немножко считает себя марксистом. Можно ли при анализе капиталистического воспроизводства отвлекаться от стоимостной формы и анализировать воспроизводство общественного продукта без стоимостной формы? Какой же это анализ капиталистического способа производства, когда отвлекаются от специфической капиталистической формы? Ведь это означает рассмотрение и выведение общих универсальных законов, независимых от данной общественной формы, это означает, что эти законы присущи всем общественным формациям. При этом невольно вспоминается бухаринский универсальный закон трудовых затрат, годный для всех времен и народов.

Кроме того, что это за понимание общественного продукта в капиталистическом хозяйстве без стоимости? В. Гилевич представляет, что существует общественный продукт отдельно и что существует стоимость отдельно, и их можно отдельно рассматривать. Он не понимает того, что общественный продукт капиталистического общества не может быть без формы стоимости, что общественный продукт капиталистического хозяйства — это товар, представляющий собою единство потребительной стоимости и стоимости. У Гилевича стоимостная форма механически присоединяется к потребительной стоимости, к продукту тогда, когда это ему понадобится. Между тем как продукт в каждой общественной формации имеет социальную форму, определяемую характером производственных отношений. Именно поэтому Ленин в своих замечаниях на «Экономику переходного периода» т. Бухарина в том месте, где последний говорит, что товар в социалистическом обществе превращается в продукт, писал следующее: «Не точно: превращается в «продукт», а как-то иначе. Etwa: в продукт, идущий на общественное потребление не через рынок»⁸.

То, что писал Гилевич в приведенных местах, есть чистойшей воды струвизм. Не кто иной как Струве рассматривал изолированно вещную производительность и ценностную производительность и обвинял Маркса в том, что он социологический аспект стоимости соединяет с натуралистическим. Струве писал, что только в отдельных случаях «ценностная производительность несомненно обусловлена физической или вещной производительностью, когда прибавочная ценность явственно прикреплена к вещам», но тут же, касаясь марксизма, Струве заявлял: «Известно, что Маркс часто употребляет выражение

⁸ „XI Ленинский сборник“.

прибавочный продукт. Это выражение в его системе в высшей степени не логично и даже бессмысленно. Маркс здесь строит трудовую теорию ценности, а не трудовую теорию производительности». Или в другом месте: «Прикрепляя прибавочную ценность к прибавочному продукту, Маркс в сущности вводит в свою трудовую теорию наивно натуралистический мотив, который с нею не вяжется»⁹. Итак Гилевич, разрывая материальную основу ценности от самой ценности, в сущности повторяет давно открытую Америку небезызвестного Струве.

Именно Струве впервые начал излагать процесс воспроизводства таким образом, что дело сводится к обмену между продуктами, а не между капиталами, которые в продукте имеют лишь свою материальную основу. «Струве смешивает теорию рынков буржуазных экономистов, которые учили, что продукты обмениваются на продукты и что поэтому должно существовать соответствие между производством и потреблением, с теорией реализации Маркса», для которого теория реализации состоит в том, чтобы «показать, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала»¹⁰.

В. Гилевичу невдомек, что, отвлекаясь от стоимостной формы, он отвлекается от самого существенного в капиталистическом способе производства, что он тогда имеет дело не с капиталистическим способом производства, а с материально-техническим процессом производства, лишенным определенной социальной формы. Чувствуя неубедительность своих построений и предвидя возражения, автор спешит на них ответить. «Неверно, — пишет он, — что, отвлекаясь от стоимостной формы процесса, мы рассматриваем его исключительно как материальный энергетический процесс, мы и в этом случае имеем дело с социальным процессом, с производственными отношениями, но с отношениями не социальной зависимости, а с отношениями сотрудничества, пропорционального распределения труда, с так называемыми «техническими» производственными отношениями, которые непосредственно определяются развитием производительных сил» (с. 105).

В приведенном месте содержится целый ряд ошибочных положений. Прежде всего, как можно рассматривать социальный процесс без определенной социальной формы, социальный процесс вообще? Ведь это означает или заниматься ничего не дающими абстрактными рассуждениями, или стать на путь классической политической экономии и считать капиталистическую общественную форму вечной. Но Гилевич считает, что когда мы отвлекаемся от специфически капиталистических производственных отношений и имеем дело с «техническими» производственными отношениями, то это есть высшая ступень абстракции капиталистического способа производства. Возникает вопрос, что такое технические производственные отношения? Есть ли это классовые отношения, или отношения человека к природе? Изучая процесс капиталистического воспроизводства, мы изучаем закономерности развития классовых отношений, которые ни Марксом, ни Лениным никогда не определялись как технические. Технические производственные отношения это есть продукт бухаринской методологии, которому свойственно вообще сведение социального к техническому.

Исправляя Маркса, В. Гилевич не ограничивается введением более высокой ступени абстракции. Он по-своему толкует и различия между абстрактной и конкретной теорией воспроизводства. Говоря о том, что он изучает «условия воспроизводства продукта, а не стоимости», Гиле-

⁹ П. Струве, *Хозяйство и цена*, с. 14.

¹⁰ В. И. Ленин, *Собр. соч.*, т. II, с. 405, 409.

вич добавляет, что «в этом смысле можно провести различие между «абстрактной» и «конкретной» теорией воспроизводства» (с. 108), т. е. абстрактная теория воспроизводства исследует условия воспроизводства продукта, а конкретная теория — условия реализации стоимости. Разграничение по такому признаку В. Гилевич делает, исходя из разобранного выше понимания им теории воспроизводства как теории равновесия, которая должна показать не только состояние равновесия на данном уровне, но и законы перехода системы к новому уровню, из его понимания нарушений равновесия и делаемого здесь деления.

Это последнее заключается в том, что в «нарушениях равновесия нужно отличать те нарушения, которые являются следствием анархии производства, от тех нарушений, которые сами представляют собой условия перехода к новому уровню равновесия и которые поэтому включены в систему законов не статического, а динамического равновесия хозяйственной системы» (с. 107). Из этого страшно путанного и схоластического утверждения следует, что есть нарушения, так сказать, статического характера (что даже при приемлемости теории равновесия не совсем вяжется со здравым смыслом) и нарушения динамические. К первым относятся нарушения, вытекающие из анархии производства, — по видимому, имеются в виду колебания цен, ко вторым, как следует из всего построения — изменение производительности труда, которое приводит к переходу к новому уровню равновесия, почему и включается в систему динамического равновесия.

Итак, абстрактная теория воспроизводства исследует динамическое равновесие хозяйственной системы, в основе которого лежит изменение производительности труда; она изучает условия воспроизводства продукта, а конкретная теория — условия реализации стоимости.

Перед нами новое откровение новоявленного ортодокса, но это откровение не имеет ничего общего с марксизмом. Оно совершенно искажает характер марксовой теории воспроизводства. Оно, с одной стороны, дает вульгарно механистическое представление о теории воспроизводства и формально логическое понимание абстракции. Оно, с другой стороны, служит автору для обоснования его вывода, что «основной задачей марксистской экономии является построение теории капиталистического воспроизводства, совершающегося при постоянном повышении уровня производительности» (с. 108). Оно служит автору для ревизии марксизма, для замены его теорией, изучающей производство вообще, другими словами, теорией, из которой выхолощено все социально-классовое содержание.

Что же представляет марксова абстрактная теория реализации и в чем суть разграничения абстрактной и конкретной теории воспроизводства? Этот вопрос нам представляется необходимым разобрать более подробно, тем более, что в нашей экономической литературе мы встречаемся с явно неправильным толкованием этого вопроса. Такое неправильное толкование мы находим у т. С. Губермана.

В своей книге «К теории капиталистического рынка и кризиса» т. Губерман специально занимается этим вопросом. Как же он его решает? Он считает, что «основные моменты расхождения абстрактного и конкретного рынка следующие: а) равновесие в реальной действительности капиталистического рынка, не будучи непосредственно данным, проявляется лишь только как тенденция: на определенной стадии развития капитализма тенденция к равновесию заменяется тенденцией к уничтожению равновесия; при анализе абстрактного рынка мы, наоборот, исходим из равновесия как непосредственно данно-

го и постоянно существующего как предпосылки анализа; б) равновесие как непосредственное данное характеризуется тем, что мы отвлекаемся прежде всего от следующих особенностей капиталистического реального рынка: от переверотов в условиях образования ценности (изменения технических условий производства) и следовательно от изменений в ценах производства и их расхождений с рыночными ценами, от изменения ценности рабочей силы, от изменений нормы прибыли и нормы накопления и наконец от изменений благодаря всем этим пертурбациям в соотношениях (ценностных и материальных) отраслей производства»¹¹.

Таким образом С. Губерман различие между абстрактной и конкретной теорией воспроизводства проводит по линии равновесия. По Губерману абстрактная теория имеет дело с равновесием как непосредственно данным, которое получается у него при отвлечении от всех моментов, нарушающих его. В таком случае по Губерману главное в абстрактной теории воспроизводства Маркса — это открытие законов равновесия. Чем же занимается конкретная теория воспроизводства, что здесь вносится нового? Нового здесь по Губерману мало. Прежде всего «конкретизация капиталистического рынка... не исключает возможности сохранения равновесия», новое же, что здесь вносится, «заключается в том, что мы от устойчивого, непосредственно данного равновесия переходим к равновесию динамическому»¹².

Вот и все понимание т. Губерманом разграничения марксовой абстрактной и конкретной теории воспроизводства.

Мы уже говорили о том, что задача марксовых схем заключается не в том, чтобы показать законы равновесия, а в том, чтобы показать движение общественного капитала. Если же исходить из теории равновесия, то тогда разграничение абстрактной и конкретной теории воспроизводства можно понимать как переход от рассмотрения равновесия, как непосредственно данного или устойчивого к равновесию подвижному, но это ведет к механистическому извращенному воззрению на капиталистический способ производства, развитие которого понимается так: в основе лежит равновесие хозяйственной системы, это равновесие нарушается, но нарушения приводят к новому состоянию равновесия, чуть-чуть поколебав систему, но не затрагивая ее основы — равновесия. Равновесие неизбежно для капиталистического хозяйства, так как оно лежит в основе его. Но если равновесие об'является главным содержанием воспроизводства, если все развитие сводится к нарушению и восстановлению равновесия, то система сохраняется вечно, система не может рухнуть из-за внутренних противоречий, потому что в основе ее лежат не внутренние противоречия, а равновесие. Система, которая понимается как уравновешанная система, с невливающими на основу нарушениями, может рухнуть только при толчке извне. Но что здесь осталось от марксизма, от изменений в ценах производства и их расхождений с рыночными ценами? Где марксова диалектика? Где движение, определяемое внутренними противоречиями? Можно ли из этой теории вывести необходимость и общезначимость пролетарской революции? Ответ ясен — нет, и этот ответ звучит грозным приговором теории равновесия. Не менее грозным он является и для губермановского понимания разграничения абстрактной и конкретной теории воспроизводства.

Разграничение Марксом абстрактной и конкретной теории реализации вытекает из тех задач, которые Маркс ставил перед собой при

¹¹ Указанная книга, с. 7—8.

¹² Там же, с. 15.

рассмотрении капиталистического воспроизводства. В т. II «Капитала», где Маркс говорит о постановке вопроса, мы читаем: «Вопрос, который непосредственно встает перед нами, заключается в следующем: каким образом к а п и т а л (разрядка Маркса — А. Б. и К. Г.), потребленный в производстве, возмещается из годового продукта, и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и заработной платы рабочим?»¹³. Задача следовательно заключается не в выяснении законов равновесия, а в том, чтобы показать, как происходит возмещение общественного капитала, по стоимости из годового продукта, как оно связано с прибавочной стоимостью и заработной платой.

Для решения этой задачи Маркс рассматривает капиталистическое воспроизводство, отвлекаясь от докапиталистических формаций, исследует только двухклассовое общество. Кроме того, он отвлекается от переверотов в стоимости, от отклонения цен от стоимости, так как только, применяя абстрактный метод, можно показать закон, согласно которому «одна часть годового продукта возмещает постоянный, другая переменный капитал». Маркс показывает, каким образом происходит превращение одной части стоимости годового продукта в капитал, как происходит поступление другой части в личное потребление класса капиталистов и класса рабочих.

Пропорциональное распределение в теории реализации предполагается как методологическая предпосылка при анализе законов капиталистического воспроизводства. Наши же экономисты предположение о пропорциональности (которую они отождествляют с равновесием) считают содержанием теории воспроизводства. Между тем мы имеем у Ленина определенные указания на то, что «теория реализации предплагает (разрядка наша — А. Б. и К. Г.) пропорциональное распределение производства». В другом месте Ленин писал, что Струве «совершенно произвольно и ошибочно понимает под теорией реализации теорию, которая показывает, что продукты распределяются пропорционально. Мы уже говорили выше и повторяем еще раз, что такое представление о содержании теории реализации не верно»¹⁴.

Вследствие указанного ошибочного понимания теории воспроизводства или совершенно выпадает классовая сущность противоречия капиталистического производства, как у Гилевича, или же противоречие капиталистической действительности появляется только при анализе конкретного капиталистического рынка, как это вытекает из построения С. Губермана.

Итак разграничение абстрактной и конкретной теории воспроизводства не идет у Маркса по линии равновесия, устойчивого и подвижного, или по линии анализа условий воспроизводства продукта и условий реализации стоимости, а оно заключается в том, что абстрактная теория является анализом на определенной ступени абстракции при рассмотрении капиталистического производства в целом, когда силой абстракции выделяются основные структурные черты этого общества, когда выводятся закономерности, лежащие в основе капиталистического воспроизводства, законы, заложенные в самой структуре этого общества. Конкретная же теория воспроизводства имеет своей задачей показать, как в капиталистической действительности эти законы проявляются, каким образом происходит действие этих законов.

¹³ К. Маркс, Капитал, т. II, с. 291.

¹⁴ В. И. Ленин, Собр. соч., т. II, с. 410, 415.

В своей не марксистской работе В. Гилевич пожелал «защитить» Маркса от критики Розы Люксембург.

Как известно, одним из первых критиков теории расширенного воспроизводства, как она изложена Марксом в т. II «Капитала» выступила Роза Люксембург. Она считала, что прибавочная стоимость внутри капиталистического общества не может быть реализована. Разбирая схемы Маркса, которыми он иллюстрирует основные положения своей теории, Роза пишет: «Сложная проблема накопления превратилась в схематическую прогрессию поразительной простоты». Роза дает схемам и марксовой теории накопления такую характеристику, поскольку они (схемы) являются по ее мнению теоретической фикцией, не отражающей реального процесса капиталистического воспроизводства.

Один из существеннейших недостатков схем она видела в том, что в них не учитывается рост органического строения капитала и тем самым производительность труда. Поэтому Роза предлагает построить такие схемы, которые учитывали бы рост органического строения капитала, производительность труда. С другой стороны, она предлагает учесть также нивелирующие тенденции в области накопления между I и II подразделениями.

При учете этих моментов, говорит Роза, возникают новые трудности в реализации прибавочной стоимости при чистом капитализме: 1) рост массы товаров, в которых воплощается прибавочная стоимость, подлежащая реализации, при одновременном сокращении дохода рабочих, как следствие роста органического состава капитала; 2) при учете схемами роста органического состава капитала и равной нормы накопления в обоих подразделениях, во II подразделении образуется товарный излишек, который остается после обмена с I подразделением. Перенесение этого излишка из II в I подразделение по мнению Розы невозможно, так как он имеет определенную вещественную форму. Построение схем на основе всех этих моментов, говорит Роза, приводит к образованию диспропорции между I и II подразделениями и невозможности реализовать прибавочную стоимость внутри капитализма без участия третьих лиц, и именно поэтому, Роза пишет, что схемы представляют собой «арифметические упражнения со сложением и вычитанием на бумаге, которая все терпит»¹⁵.

И вот В. Гилевич «специалист» по марксовой теории воспроизводства, берется отвечать Розе и спасти ортодоксальный марксизм. Однако спасая Макса от Розы, он в основных, исходных положениях с ней солидаризируется. Он также считает, что поскольку схемы не учитывают роста строения капитала и изменения производительности труда, что они представляют собой не более чем теоретическую фикцию, которая не отображает реального процесса капиталистического воспроизводства. Отсюда поставленная автором задача: построить схемы расширенного воспроизводства с учетом роста $c: v$ и на этой основе доказать возможность реализации прибавочной стоимости внутри чистого капитализма. Гилевич пишет: «Итак, основной задачей марксистской экономики (и только на этом пути она может преодолеть буржуазные теории конъюнктуры) является построение теории капиталистического воспроизводства, совершающегося при постоянном повышении уровня производительности».

Исходя из этого своего основного положения о необходимости учета растущей производительности, автор устанавливает три ступе-

¹⁵ „Накопление“ т. II, с. 581.

ни анализа воспроизводства: 1) простое воспроизводство, 2) расширенное воспроизводство при неизменной производительности труда и 3) расширенное воспроизводство при прогрессирующей производительности. Первые две модели представляют собой методологические фикции, имеющие познавательную ценность постольку, поскольку они подводят к познанию третьего типа воспроизводства.

Попытка переделки схем расширенного воспроизводства под углом зрения органического строения капитала как со стороны некоторых теоретических сторонников марксовой теории накопления, так и его критиков не нова. Роза на этой основе пришла к выводу о неверности теории накопления Маркса. Один из первых критиков Розы — Бауэр также «исправил» схемы Маркса, создав свою целую антимарксистскую теорию о соответствии между ростом населения и накоплением.

Е. Преображенский считает также необходимым перестроить схемы на основе роста $c : v$. Перестроив соответственно схемы расширенного воспроизводства, он пишет: «Итак, при повышении органического состава капитала и в условиях более широкого строения капитала во II подразделении, перенесение части избыточного капитала из II подразделения в I, есть общий закон развития производительных сил»¹⁶. Каков же механизм перенесения этого избыточного капитала из II в I подразделение? Е. Преображенский, ставя этот вопрос, указывает на эластичность капитализма, состоящую в том, что он достигает решения всех этих проблем путем «иной перестановки рабочих сил в сравнении с данным положением и путем использования товарных запасов и резервов основного капитала, непольностью утилизирующегося в нормальное время, без чего никакое общественное хозяйство нормально функционировать не может. С этой точки зрения проблема перенесения капитала II подразделения в I не является более сложной, раз все хозяйство ведется при наличии то возрастающих, то сокращающихся товарных запасов, то увеличивающегося, то сокращающегося использования наличного основного капитала»¹⁷.

Попытку Е. Преображенского решить проблему перенесения остатка из II подразделения в I надо также признать неудовлетворительной с точки зрения абстрактной теории воспроизводства. На аргументы, выдвигаемые Преображенским, можно возразить следующим образом: абстрактный анализ процесса воспроизводства в том и состоит, что при нем исследуются не конкретные формы движения капиталов, доходов, цен и т. д. От этих моментов при абстрактном анализе Маркс отвлекается, как от затемняющих основные закономерности в движении общественного капитала. Если при абстрактном анализе процесса воспроизводства привлекать товарные запасы, резервы основного капитала, нивелирующие тенденции в области накопления, уравнение прибыли и образование цен производства, то не менее правомерно будет на этой стадии анализа рассматривать механизм отклонения цены от стоимости, роль кредита и т. д. Но в этом случае вместо абстрактной теории воспроизводства нам придется заниматься капиталистическим циклом. С другой стороны, при систематическом действии этих тенденций в одном подразделении мы будем иметь своеобразную диспропорцию между I и II подразделениями. I подразделение будет максимально загружено и использует все свои резервы, во II подразделении эти резервы будут непрерывно расти, создавая состояние перма-

¹⁶ „ВКА“ № 17, с. 59.

¹⁷ Там же, с. 55—57.

нентного кризиса. Преображенский забывает, что такие тенденции действуют и во II подразделении, и что следовательно если он их учитывает в этом случае, то надо учитывать их и во II подразделении. Следовательно, метод решения проблемы перенесения товарного излишка из II подразделения в I, предложенный Е. Преображенским, не может быть признан удовлетворительным.

Надо признать, что все попытки «исправить» и дополнить схемы расширенного воспроизводства не приводят к положительному решению проблемы, создавая ряд усложнений, исключающих правильное ее разрешение. Этот тезис уже давно с исчерпывающей полнотой выяснил Ленин в полемике против Тугана и Струве. Они (Туган-Барановский и Струве) придавали схемам самодовлеющее значение. Стоит скомбинировать новую схему, и можно создать новую теорию накопления, между тем как действительное значение схем состоит в том, что они являются иллюстрацией известных теоретических положений. «Схемы сами по себе ничего доказывать не могут, — возражает Ленин Тугану, — они могут только иллюстрировать процесс, если отдельные элементы выяснены теоретически (разрядка наша — А. Б. и К. Г.). Спрашивается, иллюстрируют ли схемы Маркса основное положение теории воспроизводства? Послушаем, как на это отвечает Ленин: «Основное положение теории Маркса, показавшего что общественный продукт распадается не на переменный только капитал + сверхстоимость (как думали А. Смит, Рикардо, Прудон, Родбертус и др.), а на постоянный капитал + указанные части, — это положение Туган-Барановский совершенно не разъяснил, хотя и принял его в своих схемах. Читатель книги Туган-Барановского не в состоянии понять этого основного положения новой теории» (речь идет о теории Маркса — А. Б. и К. Г.)¹⁸. Таким образом, мы совершенно ясно видим, что Ленин выяснил не только роль схем в теории накопления, опровергая их самостоятельную доказательную силу, но и выяснил, какое основное положение марксистской теории воспроизводства они должны иллюстрировать. Этого между прочим не понимают те авторы, которые пытаются в схемы втиснуть рост органического строения капитала со всеми вытекающими из этого последствиями. Схемы, как выяснил это Ленин, иллюстрируют не рост органического строения капитала, а необходимость деления всего общественного производства на два больших подразделения, — роль постоянного капитала, который игнорировали буржуазные экономисты, и возмещение разных частей капитала и продукта. Введение же схемы роста производительности труда на основе роста органического строения капитала потому не может иллюстрировать основных закономерностей абстрактной теории воспроизводства, что оно знаменует по существу переход к циклу хотя и в неразвернутом виде, т. к. введение в схемы роста органического состава капитала с неизбежностью ставит проблемы уравнения прибыли, образования цен производства, нивелирующих тенденции в накоплении и т. д. и т. п. Все это характеризует конкретную динамику капиталистического хозяйства и не подлежит анализу в абстрактной теории реализации.

Гилевич скатывается к вульгарной экономии, поскольку он пытаясь втиснуть в схемы рост органического строения капитала и т. д., при этом ставит своей главной целью показать, каким образом сохраняется равновесие. Он по существу дает бескризисный цикл, ибо

¹⁸ Ленин. Собр. соч., т. II, с. 403.

материальной основой кризиса и цикла, в конечном счете, является именно рост органического строения капитала, который своей обратной стороной имеет падение покупательной способности широких масс. Из того же, что изложил Гилевич, получается, что никакого перепроизводства быть не может, несмотря на рост органического состава капитала, ибо все его построение сводится к доказательству того, что несмотря на рост органического состава капитала мы имеем перманентное состояние равновесия, исключаящее в какой-либо мере кризис. Гилевич не понимает, что, давая такую трактовку расширенного воспроизводства, он воскрешает формулу вульгарной экономии о «метафизическом равновесии продавцов и покупателей». Между тем, как в условиях растущей производительности как следствие роста строения капитала, растет обнищание масс, что заранее исключает равновесие между продавцами и покупателями. Поскольку мы в анализ проблемы воспроизводства вводим рост органического строения капитала и изменение производительности труда, постольку мы переходим от абстрактной теории воспроизводства, задача которой состоит в раскрытии основных закономерностей возмещений продукта и капиталов между обоими подразделениями, к анализу конкретной капиталистической динамики, которой присущи различные экономические фазы: подъем, кризис, депрессия, которые никак нельзя втиснуть в схемы абстрактной теории воспроизводства. Маркс объяснение капиталистических кризисов связывает с ростом производительности труда, который, как известно, ведет к росту органического состава капитала. «На рынке происходят большие перевероты и изменения, так как происходят большие изменения в производительности труда, поэтому также в реальной ценности товаров; поэтому совершенно ясно, что от исходного пункта — первоначального капитала до его возвращения по окончании одного из таких периодов должны произойти большие катастрофы и должны накопиться и развиться элементы кризиса, которые отнюдь нельзя устранить жалкой фразой об обмене продукта на продукт»¹⁹. Все попытки Гилевича направлены против теории Маркса. Гилевич, вводя в абстрактную теорию воспроизводства рост органического состава капитала, рост жизненного уровня рабочего класса (подробности ниже) обмен продукта на продукт, вместо анализа возмещения различных частей общественного капитала ставит своим главным принципом сохранение равновесия, тем самым конструирует бескризисный цикл, что ничего общего не имеет с марксистской теорией воспроизводства, а является явной апологией капитализма.

Попытка Гилевича рассмотреть абстрактную теорию реализации с учетом роста строения капитала, с одной стороны, при абстрагировании от всех экономических явлений, вытекающих из учета этого роста с другой, неизбежно приводит его к струвианским установкам в методологических вопросах, выражающихся в разрыве между продуктом и стоимостью, о чем подробно говорилось выше. Для чего же Гилевичу нужен этот разрыв между стоимостью и продуктом? Сам Гилевич это объясняет следующим образом: «Итак, мы видим, что осуществление попытки анализа процесса расширенного воспроизводства при изменяющемся составе капитала, в качестве центральной проблемы исследования, выдвинуло проблему переноса производительных сил из II подразделения в I. Однако прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению этой проблемы, мы должны остановиться

¹⁹ „Теории прибавочной стоимости“, т. II, ч. 2, с. 168.

вкратце на взаимозависимости между воспроизводством продукта и стоимости в условиях действительного движения, т. е. при росте производительности труда. Анализ этой взаимозависимости поможет нам понять, что перенесение стоимости отнюдь не всегда означает действительное перенесение продукта»²⁰. Итак, задача совершенно ясна. Поскольку Гилевич строит схемы с учетом роста производительности труда и равных норм накопления между I и II подразделениями, перед ним стоит та же проблема, что и у Бауэра, Преображенского и у др. исследователей. Как перенести часть средств, являющихся излишком во II подразделении, в I? В отличие от всех своих предшественников Гилевич решает проблему перенесения из II подразделения в I не перенесением ценностей, которым соответствуют и материальные потоки. Автор пытается показать, что «перенесение стоимости отнюдь не всегда означает действительное перенесение продукта». На основе этого исходного тезиса автор решает проблему перенесения таким образом, что в первую отрасль уходит только стоимость, но не продукт. Именно для этого Гилевичу понадобилось рассмотреть отдельно производства продукта и стоимости.

На основе установленных закономерностей производства стоимости и продукта, с одной стороны, существования разной производительности труда в I и во II подразделениях, с другой, Гилевич выдвигает свою теорию перераспределения производительных сил.

«Когда мы имеем такую схему распределения общественного продукта по стоимости:

$$\begin{array}{l} \text{I} \dots\dots\dots 4\,500\ c + 1\,000\ v + 1\,000\ m = 6\,500 \\ \text{II} \dots\dots\dots 1\,500\ c + 500\ v + 500\ m = 2\,500 \\ \cdot \\ \phantom{\text{I}} \dots\dots\dots 6\,000\ c + 1\,500\ v + 1\,500\ m = 9\,000 \end{array}$$

Мы должны предположить, что по потребительной стоимости продукт распределяется иначе в соответствии с производительностью труда: в I подразделении большее количество потребительных стоимостей будет обладать меньшей стоимостью, во II подразделении меньшее количество потребительных стоимостей — большей стоимостью». Раньше всего надо отметить, что сравнение количественно и качественно потребительной стоимости ничего общего с марксизмом не имеет. Маркс нигде в своих работах, и в «Капитале» в частности, не ставил вопрос таким образом, что в I подразделении на 1 единицу стоимости приходится меньше потребительных стоимостей, чем на 1 единицу стоимостей во II подразделении. Да и как вообще можно эти вещи сравнивать, где критерий для такого сравнения? Посмотрим, как же у Гилевича распределяется эта сумма стоимостей в потребительной форме и вместе с тем, как он совершает на этой основе перенос производительных сил из II в I подразделение: «Если предположить, что во всем общественном производстве количество продукта по стоимости совпадает с его количеством по потребительной стоимости, то эти 9 000 единиц потребительной стоимости распределяются между обоими подразделениями в соответствии с абсолютной величиной и составом капитала в каждом из них, т. е. в отношении 5,5 : 2 (в I подразделении состав капитала 4,5 : 1, во II — 1,5 : 0,5). Учитывая эти особенности и что реальная заработная плата остается неизменной, Гилевич дает следующую схему распределения продукта:

$$\begin{array}{l} \text{I} \dots\dots\dots 4\,500\ c + 1\,000\ v + 1\,100\ m = 6\,600 \\ \text{II} \dots\dots\dots 1\,500\ c + 500\ v + 400\ m = 2\,400 \end{array}$$

Таким образом вся особенность этой схемы по сравнению с той, в которой Гилевич оперирует со стоимостями, состоит в том, что из

²⁰ „Проблемы экономики“, № 7, с. 117.

прибавочной стоимости II подразделения перенесено 100 единиц в I подразделение, причем процесс реализации должен по Гилевичу протекать совершенно безболезненно, «не вызывая затруднения», так как совершается перенесение стоимостей за которым не следует перенесение продукта. Однако в силу каких причин и какими методами совершилось перенесение этих 100 единиц из II в I подразделение? Оказывается, что перераспределение это совершается потому, что реализация совершается не по стоимости, а по ценам производства. Благодаря этому I подразделение вследствие того, что там более высокий состав капитала, получает на основе образования средней нормы прибыли часть своего дохода из II подразделения, где состав капитала значительно ниже, чем в I, а индивидуальная норма прибыли соответственно выше, чем в I. Введением в анализ проблем перераспределения производительных сил продажи товаров по ценам производства, автор хочет отделаться от им же поставленной проблемы. Конкретный вопрос, который автор поставил в своей работе как основной, заключающийся в том, как совершается перенесение производительных сил из II подразделения в I, остался нерешенным подчеркиванием факта перераспределения прибылей между обоими подразделениями. Ибо основная проблема состоит не в уравнении, а потому и не в перераспределении прибылей, а в том, каким образом этому перераспределению прибылей соответствует и перераспределение материальных элементов производства *in natura*, ибо таков именно реальный процесс капиталистического воспроизводства.

Вот что по этому вопросу пишет Гилевич: «Таким образом при реализации по ценам производства происходит перенесение из II в I подразделение 100 единиц стоимости (100 *m* II). Но это перенесение осуществляется в форме удорожания продукта I и обесценения продукта II, так что никакого фактического переноса не совершается. Перенесение стоимости вовсе не означает перенесения продукта, 100 *m* II вовсе не поступают в I в своей вещественной форме» (с. 123). Больше того, «перенесение стоимости, — пишет Гилевич, — происходит именно для того, чтобы предупредить перенесение продукта в его вещественной форме» (там же). Такова собственно мудрость Гилевича, который в своем усердии выхолостил марксову теорию стоимости и теорию воспроизводства одним росчерком пера.

Этим решением вопроса Гилевич в целом рвет с марксизмом и ленинизмом. Ленин, когда определяет сущность воспроизводства, ни одной минуты не мыслит существование стоимости без продукта, а также прибавочной стоимости без прибавочного продукта. В полемике против идеалистического понимания категорий политической экономии Булгакова Ленин писал: «Это противоположение «материальной вещи» «понятию» представляет собой наглядный образчик той схоластики, которую так люблю в настоящее время преподносить под видом «критики». Какое значение могло иметь «понятие» о доле общественного продукта, если бы этому понятию не соответствовали определенные «материальные вещи»? Прибавочная ценность есть денежный эквивалент прибавочного продукта, который состоит из определенной дроби сукна, хлопка, хлеба и всех прочих товаров (определенность надо понимать конечно не в том смысле, что наука может конкретно определить эту долю, а в том смысле, что известны условия, определяющие в общих чертах размер этой доли)»²¹.

²¹ Ленин, Аграрный вопрос и „критики“ Маркса, Собр. соч., т. IV, изд. 2-е, с. 196.

Не ясно ли, что Ленин с убийственной конечно для Гилевича ясностью выяснил, что стоимость без продукта немыслима.

Что означает перенесение стоимости без перенесения вещества? Как мыслимо это перенесение только стоимости, если она «связана с вещью» (Энгельс). Или у автора может быть такое представление о накоплении, которое совершается без накопления реальных материальных ценностей, а только лишь в денежной форме, но в этом случае он также не имеет права претендовать на марксизм. Мы думаем, что эти вопросы даже не стояли в таком виде перед Гилевичем, иначе невозможно было бы наговорить столько отсебятины, которой изобилует статья Гилевича.

Еще более усугубляет ошибку В. Гилевич, когда он пишет: «Основное затруднение, возникшее при решении этой проблемы и сводящееся к невозможности превращения одного вещества в другое, оказывается несуществующим». Но позвольте, перед кем стояло это затруднение? Кто собирался превратить одно вещество в другое? Превращал ли Маркс одно вещество в другое, когда он писал, что «переход от простого воспроизводства к расширенному, производство подразделения I должно получить возможность создавать меньше элементов для постоянного капитала II, но в той же мере больше для I. «Этот переход, — пишет дальше Маркс, — не всегда совершающийся без затруднений, облегчается тем обстоятельством, что некоторые продукты I могут служить средством производства в обоих подразделениях»²². Или, когда он пишет что «расширенное воспроизводство, рассматриваемое с точки зрения величины стоимости, является сначала только простым воспроизводством. Изменяется не количество, а качественное назначение данных элементов простого воспроизводства, и такое изменение является материальной предпосылкой следующего за тем воспроизводства в расширенном масштабе»²³. Наконец Ленин прямо пишет, что рост органического состава капитала означает более быстрый рост I подразделения по сравнению со II. Но этому соответствует периодическое перераспределение труда и средств труда между обоими подразделениями²⁴.

Таким образом ни Маркс, ни Ленин не ставили вопроса о перенесении из II в I подразделение в такой вульгарной форме (превращение вещества).

Но зачем Гилевичу понадобилась такая сознательно вульгарная постановка вопроса, что проблема перенесения всеми, кроме Гилевича, не мыслится как превращение вещества, что конечно, скорее напоминает средневековую алхимию нежели марксову теорию воспроизводства?

Послушаем самого Гилевича: «Итак, при различии производительности труда происходит перенесение не вещества, а стоимости; увеличение же количества продукта I подразделения по сравнению со II является результатом не этого изменения стоимости, а результатом более высокой производительности труда. Здесь мы весьма близки уже к решению проблемы перераспределения производительных сил в пользу I подразделения» (с. 124). Почему Гилевич думает, что он близок к решению проблемы перераспределения производительных сил? Когда из его же формулировки мы видим, что для него существует только проблема перераспределения прибыли, которой в материально ве-

²² „Капитал“, т. II, с. 488.

²³ Там же, с. 483.

²⁴ Ленин, Собр. соч., т. III, с. 26.

щественной форме ничего не соответствует, а не производительных сил. Ведь он же сам пишет, что увеличение количества продукта I подразделения есть результат более высокой производительности этого же подразделения, а не перенесение стоимости, которое имеет свою материальную основу в потребительной стоимости. Но тогда совершенно ясно, что проблема перераспределения производительных сил автором нисколько не решена. Ибо перераспределение у него есть псевдоним более высокой производительности труда в I подразделении. Между тем перераспределение производительных сил, как оно совершается в ходе развертывания цикла обозначает прежде всего перераспределение живой рабочей силы между I и II, чего совершенно не понимает Гилевич, и во-вторых, иное ф у н к ц и о н а л ь н о е назначение частей имеющегося мертвого труда (сырья, руды, сельскохозяйственного сырья) основного капитала, находящегося во II подразделении, а также части, которая должна была направиться из I подразделения во II. Но рассмотрение механизма этого перенесения не входит в задачу абстрактной теории, которая изучает основной закон в чистом виде. Нельзя подменять абстрактную теорию воспроизводства анализом конкретной капиталистической динамики.

Собственно Гилевич своим оригинальным решением проблемы перенесения расписался в полном непонимании диалектики товара и сущности марксова воспроизводства. Единство стоимости и потребительской стоимости для Гилевича не существует, для него существует только противоречие, доходящее до того, что стоимость начинает изолированно существовать от потребительской стоимости.

Поэтому при уравнении прибылей между I и II подразделениями для Гилевича существует только распределение прибылей. Но что эти прибыли имеют материальную основу, которая должна так же неизбежно подвергнуться перераспределению, либо прибыль не существует без этой своей основы, это Гилевича не касается.

Именно в силу такого метафизического разрыва стоимости и потребительной стоимости нашему «специалисту» ничего не стоит перераспределить производительные силы, стоит только в одном месте поднять цены, а в другом понизить, и этим все уже будет исчерпано, перемещение же *in natura* не должно иметь места.

Метод решения проблемы перенесения производительных сил показывает, что Гилевич не понимает существа стоящих вопросов. Суть вопроса заключается в том, что развертывание реального процесса воспроизводства состоит в том, что II подразделение имеет периодическое перепроизводство капиталов по сравнению с I подразделением. Но что значит перепроизводство капиталов? Маркс в критике классических и в особенности вульгарных экономистов с исчерпывающей ясностью показал, что перепроизводство капиталов есть не что иное, как перепроизводство товаров, что нельзя говорить о перепроизводстве капиталов и отрицать в то же время перепроизводство товаров. Гилевич как раз этого не понял и потому невероятно путает.

Гилевич признает наличие излишка капитала во II подразделении, который переносится в I подразделение. Но этот излишек капитала по Гилевичу не имеет материального основания в соответствующем излишке товаров. Именно поэтому Гилевич переносит по его же словам, стоимости, т. е. капитал, из II в I, чтобы предупредить перенесение вещества, т. е. товаров.

Надо отметить, что у Гилевича проблема принимает какой-то мистический оттенок. В самом деле, он пишет: «Перераспределение производительных сил осуществляется не столько путем перераспре-

деления их наличного состава, сколько путем перераспределения темпов роста их отдельных элементов» (с. 126). Тут невольно возникает вопрос, в какой мере, вообще говоря, правомерно противопоставлять перераспределение производительных сил путем перераспределения их наличного состава, перераспределению темпов их развития. Что значит вообще говоря более быстрый темп развития тяжелой индустрии по сравнению с легкой? Если не ударяться в какой-то мистицизм, то это означает систематическое распределение материальных ресурсов таким образом, что растет более быстро тяжелая индустрия по сравнению с легкой. Механизм, при помощи которого осуществляется это распределение при капитализме, это конкуренция и кредит, анализ которых не входит в задачи абстрактной теории воспроизводства. Все эти вещи попросту очевидно не понимает Гилевич. Поэтому он буквально на каждой странице противопоставляет перераспределение темпов перераспределению материальных ресурсов. Благодаря такой метафизической методологии он получает возможность выводить более быстрый рост I подразделения по сравнению со II, нисколько не обосновывая с точки зрения распределения реальных ресурсов.

Перераспределение темпов в пользу I подразделения есть функция распределения материальных ресурсов. (Это конечно не означает, что между распределением производительных сил и темпами существует прямая пропорциональность). Темп не есть что-то мистическое, а имеет определенное материальное выражение.

Но как мы помним, Гилевич определяет задачу теории воспроизводства как изучение перехода от одной системы общественного равновесия к другой, т. е. к такой системе равновесия, в которой имеется более высокое строение капитала, следовательно и более высокая производительность труда. «Посмотрим теперь, — пишет Гилевич, — как осуществляется переход к новым условиям равновесия» (с. 125). Для этой цели он берет следующие исходные цифры производства общественного продукта за год: $6\ 000\ c + 1\ 500\ v + 1\ 500\ m = 9\ 000$. Далее он исходит из того, что органическое строение капитала возрастает от 4:1 до 4,5:1. Накопление равно 50% прибавочной стоимости, которая в будущем году может быть целиком присоединена к c , не увеличивая v . Это, говорит он дальше, требует в распределении продукта изменения между I и II подразделениями. «Постоянный капитал будущего года будет равен 6 750, чему должно равняться производство в I в данном году, и тогда производство II составит 2 250, таким образом, в качестве предпосылки для изменения органического состава всего общественного капитала мы должны предположить, что в силу ранее происшедших изменений производительности труда наступило резкое нарушение отношений между обоими подразделениями уже в данном году». Все эти процессы Гилевич изображает в двух схемах: «Распределение продукта в данном году, — пишет он, — мы предполагаем следующее:

		Подлежащих погр. накопл.
I	$4\ 400\ c + 1\ 100\ v + 1\ 250\ m = 6\ 750$	$550\ m\ 700$
II	$1\ 600\ c + 400\ v + 250\ m = 2\ 250$	$200\ m\ 50$
	$6\ 000\ c + 1\ 500\ v + 1\ 500\ m = 9\ 000$	$750\ m\ 750$

Тогда в следующем году производство равно:

I	$5\ 100\ c + 1\ 100\ v + 1\ 240\ m = 7\ 440$	$c : v$
II	$1\ 650\ c + 400\ v + 410\ m = 2\ 460$	I 4,64 : 1
	$6\ 750\ c + 1\ 600\ v + 1\ 650\ m = 9\ 900$	II 4,125 : 1

Обе схемы по мнению Гилевича показывают, «что для изменения структуры всего общественного производства... уровень производитель-

ности труда в I подразделении должен возрасти быстрее, чем во всем общественном производстве, и значительно быстрее, чем во II подразделении (с. 125).

Таким образом, из формулировки Гилевича и его схем совершенно ясно видно, что это понимание процесса роста производительности труда и перехода к новому равновесию является настоящей туган-барановщиной. Мы уже не говорим, что то, что в реальном процессе воспроизводства выступает не более как случайный момент — равновесие, — у Гилевича является основным содержанием. Туган-барановщина Гилевича состоит в том, что он, если отвлечься от словесной трескотни его, в своих схемах дает автоматический рост постоянного капитала без соответствующего роста переменного, который должен только относительно уменьшаться, но абсолютно расти. Процесс расширенного воспроизводства, являющийся общей формой движения капиталистического противоречия, состоит в том, что, с одной стороны, расширяется масса наемной рабочей силы, что означает абсолютный рост v в ценностном выражении, а с другой стороны, масса натуральных элементов производства растет еще быстрее, что в ценностном выражении означает более быстрый рост c по отношению к v .

Но Гилевич совсем по-иному конструирует схемы, которые означают создание новой теории воспроизводства. У него переход от одной системы общественного равновесия к другой заключается в том, что вся накапливаемая прибавочная стоимость в сумме 750 единиц идет на расширение только постоянного капитала. Но всякому знакомому с литературой по теории воспроизводства известно, что именно Туган поправлял Маркса с этой стороны; развитие общественного производства по Тугану мыслится таким образом, что роль переменного капитала в нем уменьшается не только относительно, но и абсолютно. Таким образом мы видим, что антидиалектическая методология Гилевича, его эклектика неизбежно должна была его привести в лоно буржуазных экономистов. Гилевич в намерении защитить теорию Маркса пришел к буржуазно-эклектической концепции расширенного воспроизводства.

ТРАНСПОРТНАЯ МОНОПОЛИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ НЫНЕШНЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Ожесточенная борьба между отдельными видами капиталистического транспорта в САСШ, метко характеризующаяся американской ходячей поговоркой, как «хватка за горло», есть отражение тех острейших противоречий, какие свойственны капитализму эпохи всеобщего кризиса. На почве этой обостренной конкуренции разворачивается гигантский рост монополий. Процесс организационной консолидации промышленности и транспорта, образование крупнейших монополистических союзов не только ни в какой степени не снимает внутренних противоречий капиталистической системы хозяйства, но, напротив, происходящий экономический кризис с небывалой силой обостряет эти противоречия.

На примере САСШ, где влияние монополистических союзов относительно более велико, чем в странах Европы, ленинская оценка оправдывается целиком и полностью. Буржуазная теория непрерывного «prosperity», расцвета американского капитализма, подхваченная американскими экономистами и официально провозглашенная Гувером в отчете комитета о новейших изменениях в экономике САСШ, рушится, как карточный домик, перед фактом американского кризиса. Целиком подтверждается правильность теории кризисов Маркса, по которой пресловутое «prosperity» есть лишь фаза подъема в капиталистическом цикле, когда производство достигает своего высшего уровня, но одновременно возрастают все противоречия капиталистической системы, ведя ее к неизбежному взрыву. Характеризуя сущность промышленных кризисов, Энгельс писал: «Во время кризисов противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением переходит в жесточайшее столкновение двух враждебных сил... Экономические противоречия доходят до своего апогея: способ производства восстает против способа обмена... Весь механизм капиталистического производства надламывается под тяжестью им же созданных производительных сил»¹.

Основными предпосылками американского кризиса являются противоречие и неравномерность капиталистического развития, загнивание монополистического капитализма и общее кризисное состояние мирового хозяйства, частью которого является американский капитализм, отражающий общий упадок капитализма.

Диалектическая связь между кризисным состоянием мирового хозяйства и динамикой развития американского кризиса совершенно ясна, она же объясняет то значение, которое в свою очередь имеет кризис американского капитализма в обострении международных противоречий, ускоряя крах всей капиталистической системы в целом.

Разработка проблем конкуренции и монополии в условиях капиталистического кризиса имеет огромное значение для правильного анализа всеобщего кризиса капитализма. Попытаемся сделать этот ана-

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, с. 280—281.

лиз в отношении транспорта. Американский транспорт представляет собой наиболее концентрированную отрасль капиталистического хозяйства. Тем не менее напряженная конкурентная борьба между отдельными видами транспорта типична для современной американской экономики, и она в высокой степени увеличивает интенсивность концентрационных процессов.

Знаменитый проект Междоштатной комиссии о консолидации американских железных дорог в 21 систему есть отражение новой волны монополистического движения и проявление крайне обострившейся конкуренции. Под влиянием кризиса обострилась конкуренция и оживились монополистические тенденции как на транспорте, так и в ряде отраслей промышленности. Примеры слияния Стальной корпорации и Вифлеемской компании в металлургии, проект создания картеля в угольной промышленности, рост монополий в автопромышленности подтверждают приведенную выше оценку. Те же тенденции имеют место и в банковской области. Проявление их в отношении транспорта мы анализировали в специальном очерке².

Конкурентная борьба и установление монополий, связанные с гибелью слабых конкурентов, несут огромные потери для капиталистического хозяйства, но капитализм беспомощен устранить огромную недогрузку своего производственного аппарата и бесполезную растрагу производительных сил. Растущая безработица и слабое использование производительных сил увеличивают в неслыханной мере противоречия между производительными силами и капиталистической системой производственных отношений.

«Нынешний капитализм в отличие от старого капитализма является капитализмом монополистическим, а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасывания. Нынешний экономический кризис развертывается на базе общего кризиса капитализма, возникшего еще в период империалистической войны, подтачивающего устои капитализма и облегчившего наступление экономического кризиса³.

* * *

Всеобщий кризис капитализма ускоряет и обостряет структурные изменения транспорта капиталистических стран в направлении его деградации.

Современный этап исторического развития транспорта в странах капитализма характеризуется непосредственной относительной деградацией железнодорожного транспорта как важнейшей отрасли народного хозяйства. Темп роста грузооборота замедляется по сравнению с ростом продукции и товарооборота страны, а последние годы резко падает. Железнодорожная сеть, развитие которой крайне замедлилось уже на протяжении предшествующего исторического этапа, ныне совершенно останавливается в своем росте и обнаруживает тенденцию к сокращению. В эту стадию вступили после войны передовые капиталистические страны Европы и САСШ. Только СССР достиг довоенного

² Журн. „Мировое хозяйство и мировая политика“ 1930 № 7—10, ст. „Банковская монополия и транспорт“.

³ Сталин. Политотчет ЦК на XVI съезде ВКП (б).

грузооборота в 1926/27 г. превзойдет довоенный грузооборот в 1931 г. на 179,5%.

Великобритания до сих пор не восстановила еще своего довоенного грузооборота. Германия достигла довоенного грузооборота в 1927 г., а к 1929 г. этот грузооборот увеличился лишь на 4,5%.

За последние годы мы имеем следующую динамику роста грузооборота:

Название стран	Охватываемый период	Процент прироста
САСШ	1926—1929	8,0
Германия	1926—1929	9,5
СССР	1926—1928—1929/30	77,0
Канада	1926—1929	7,0
Япония	1926—1929	9,0

В капиталистических странах развитие подвижного состава транспорта почти приостановилось, и наличный парк не используется или используется нерационально, совершая параллельную бесполезную работу на одних и тех же линиях, имея недогруз и порожние пробеги.

Америка за последние годы обнаруживает явную остановку роста и даже снижение парка. Здесь грузооборот систематически отстает от роста народного хозяйства, и имеет место огромный избыток подвижного состава: около 7 тыс. локомотивов и 400 тыс. вагонов по данным «Railway Journal», октябрь 1930 г. по САСШ. Избыток подвижного состава принимает исключительно резкие формы также в Англии и Германии, причем Англия до сих пор не восстановила еще довоенного уровня своей промышленной продукции, а Германия лишь в 1927 г. весьма слабо поднялась над довоенным уровнем. В обеих странах индекс подвижного парка за последние годы показывает остановку роста, а в Германии даже снижение. В обеих странах, и в особенности в Англии и САСШ, налицо таким образом громадный неиспользованный резерв подвижного состава.

Грузоподъемная сила вагона полностью не используется. Напр. при величине грузоподъемной силы вагона в САСШ в 41,5 т средняя нагрузка товарного вагона составляет 24,1 т (в Англии соответственно — 11,4 и 5,7 т и в Германии — 16,5 и 11,8 т.)

Сравнение роста физического объема промпродукции с грузовой работой транспорта показывает, что в СССР до 1929 г. наблюдался значительный перевес индексов грузовой работы по сравнению с физическим объемом промышленной продукции, явление, которое неизвестно Америке и Англии (Германия находится в таком же положении). Вот соответствующая табличка.

Индексы: 1913 = 100, по Англии 1924 = 100

Даты	СССР		САСШ		Англия		Германия	
	Физич. об'ем пром. прод.	Грузовая раб.						
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1925	67,4	180,1	154,5	138,0	97,5	96,2	92,4	104,1
1926	89,3	111,9	160,5	148,2	75,3	73,7	87,3	113,1
1927	105,1	125,8	157,5	143,8	108,0	98,9	107,2	126,8
1928	130,9	142,2	164,9	144,4	102,5	93,0	103,3	127,8
1929	174,3	171,9	175,3	148,9	110,6	98,9	105,4	133,3

Размеры основного капитала СССР и капиталистических стран (в млн. руб.) дают представление о масштабах тех потерь, которые проистекают от недогрузки производственного аппарата транспорта.

Годы	САСШ ⁴	Англия		Германия		СССР ⁵	
	Всего	Всего	В т. ч. стоим. подвижн. состава	Всего	В т. ч. стоим. подвижн. состава	Всего	В т. ч. стоим. подвижн. состава
1913	32,239	9 515,2	1 309,1	8 901,3	—	10 730,8	3 326,5
1925	44,187	9 943,7	1 424,9	11 434,7	2 911,8	10 947,1	3 469,8
1926	44,793	10 006,7	1 451,9	11 619,7	2 944,6	10 819,5	3 510,0
1927	45,737	9 992,3	1 463,9	11 775,5	2 966,8	10 968,7	3 537,3
1928	46,373	10 034,2	1 473,5	11 893,5 ⁶	1 971,4	11 150,8	3 484,8
1929	—	10 062,3	1 488,6	11 999,6	—	11 566,5	3 705,0

Из этих данных видно, что основные капиталы железнодорожного транспорта САСШ примерно в 4 с лишним раза больше, чем в СССР, Англии с ее небольшой рельсовой колеей всего на 13% меньше, чем в СССР, и даже в Германии основные капиталы железнодорожного транспорта, несмотря на ее небольшое территориальное протяжение, превышают капиталы СССР на 3,7%.

Капиталовооруженность железнодорожного транспорта САСШ превосходит СССР почти в 3 раза, Англия и Германия почти в полтора раза.

В капиталистических странах под влиянием кризиса и конкурентной борьбы систематически сокращается в последние годы даже абсолютное количество рабочих.

Нижепомещенная таблица достаточно убедительно показывает, как происходит вытеснение рабсилы в капиталистических странах и ценою какой эксплуатации получают новые прибыли транспортных предпринимателей.

Рабсила в процентах к предыдущему году 1925 = в процентах к 1913 г.

	1925	1926	1927	1928	1929
САСШ	— 0,8	+ 2,0	— 2,5	— 4,5	+ 0,4
Англия	+ 13,6	— 1,9	— 1,1	— 0,8	— 5,3
Германия	+ 5,8	— 3,5	— 0,5	— 0,5	+ 1,8

На 1 км эксплуатационной длины приходится рабочих в 1929 г. в САСШ — 4,25, в Канаде — 2,8 (1928 г.), в Англии — 18,34 и в Германии — 13,25, в СССР же, несмотря на условия технической эксплуатации, близкие к американским, численность составляет 12,7 (1929/30 г.).

Капиталистическая рационализация на Западе дает себя остро чувствовать транспортному пролетариату. Так, в Америке, Англии, Германии из года в год сокращается численность занятой рабочей силы: в САСШ она упала с максимального уровня 2 023 тыс. в 1920 г. до 1 657 тыс. в 1928 г.; в Англии — с 602 тыс. в 1921 г. до 603 тыс. в 1929 г.; в Германии — с 733 тыс. в 1925 г. до 701 тыс. в 1928 г.; в Румынии в нынешнем году сокращено 20 тыс. работников транспорта. Сокращение рабочей силы сопровождается снижением заработной платы.

На примере транспорта мы видим, что громадные технические ресурсы остаются неиспользованными в условиях капиталистического способа производства. Характер производственных

⁴ По данным Междуштатной комиссии.

⁵ На 1 октября каждого года по неизменным ценам.

⁶ Ориентировочные данные.

отношений решительно препятствует целесообразному и рациональному использованию транспортного хозяйства.

Чрезвычайно показательно в этом отношении заявление Американской железнодорожной ассоциации, напечатанное в сентябре текущего года в железнодорожном журнале «Railway age» под заголовком: «Что же железные дороги должны делать»:

«Фермеры вызывают к помощи правительства и жалуются на тяжелое положение и на то обременение, которым являются запасы излишнего зерна, созданные их собственными усилиями, приведшими к перепроизводству, Между тем железные дороги добросовестно старались удовлетворить общественные потребности, имеют большой излишек оборудования. Так, в настоящее время имеется 7,735 излишних локомотивов и 465 898 лишних вагонов, которые бездействуют и держатся наготове на тот случай, если хозяйственная жизнь страны оживится и усилится потребность в перевозочных средствах. Эти локомотивы и вагоны представляют много миллионов долларов, не приносящих никакого дохода. Это показывает, что не одни только фермеры несут тяжелое бремя».

Надо со всей решительностью подчеркнуть, что советская система хозяйства дает нам огромные возможности более рационального использования технических ресурсов транспорта, чем это может быть достигнуто в условиях стихийного капиталистического хозяйства.

Эти преимущества, как показывает анализ качественных технических измерителей, у нас еще далеко неиспользованы.

Необходимо со всей энергией бороться за приближение наших технических измерителей к измерителям передовых стран для того, чтобы их не только догнать, но и превзойти.

Деградация железнодорожного транспорта в капиталистических странах обусловлена влиянием многих факторов. На железнодорожном транспорте, как на старой и достигшей состояния застоя отрасли капиталистического хозяйства, с особенной силой отражается общее кризисное состояние послевоенного капитализма и периодические конъюнктурные срывы и депрессии.

Неизбежная в условиях капитализма конкуренция других видов транспорта (водных путей и особенно автотранспорта) еще более осложняет положение.

Железнодорожные системы капиталистических стран тщетно ищут выхода из тяжелого положения путем удешевления себестоимости эксплуатации сокращения рабсилы. Эти капиталистические мероприятия не успевают однако за непрерывным ухудшением тех общих условий работы железной дороги, которые в конечном счете зависят не от них самих, а от состояния всего народного хозяйства отдельных стран и всего капиталистического мирового хозяйства в целом.

Если динамика грузооборота железных дорог крупнейших капиталистических стран за послевоенный период может быть охарактеризована резко падающей кривой, то динамика пассажирооборота характеризуется также прямой тенденцией к снижению, особенно отчетливо выраженной в САСШ и Канаде.

Это в условиях капитализма не может не сказаться на использовании парка, нагрузке железных дорог, непроизводительной борьбе разных видов транспорта и даже железных дорог, принадлежащих разным компаниям на одних и тех же линиях.

К настоящему моменту железнодорожный транспорт в капиталистическом мировом хозяйстве представляет яркую картину застоя.

Современный мировой экономический кризис, распространившийся в 1929 и 1930 г. почти на все страны мира, с особенной силой ударил по железнодорожному транспорту, вызвав повсеместно снижение грузооборота и доходов железных дорог.

Сокращение грузооборота выражается следующими цифрами: погрузка вагонов на железных дорогах САСШ упала за первые 8 мес. 1930 г. по сравнению с соответствующим периодом 1929 г. на 10,7%, в Англии перевозки грузов за период январь—июль упали по сравнению с тем же периодом 1929 г. на 4,4%; причем снижение произошло за счет времени с марта по июль, когда перевозки по сравнению с тем же периодом 1929 г. сократились на 7,8%. На германских дорогах нагрузка вагонов за время январь—сентябрь показывает падение против того же периода 1929 г. на 13%.

Американская железнодорожная пресса скептически относится к осуществимости стабилизации хозяйственной жизни и подчеркивает неудачу попыток, сделанных в этом направлении Гувером. Так, несмотря на эти попытки, положение железных дорог с октября 1929 г. не престанно ухудшалось.

Ряд американских экономистов отмечает следующие крупнейшие дефекты железнодорожного хозяйства Соединенных штатов:

1. Постоянные колебания тарифных ставок под влиянием конкуренции между различными железнодорожными линиями.

2. Непрестанное падение грузовых и пассажирских перевозок в результате конкуренции со стороны автомобильного транспорта.

3. Сокращение перевозок нефти в нефтедобывающих районах в связи с расширением сети нефтепроводов.

4. Рост концентрации и развитие сотрудничества предприятий в отдельных отраслях промышленности ведут к сокращению последними конкурентных погрузок. Так, например производители различных кормов для скота распределили между собой сферу деятельности таким образом, что каждый из них ограничивается почти исключительно ближайшей округой. То же явление наблюдается в мыловаренной промышленности и т. д.

5. Потери, связанные с субсидированием правительством внутренних водных путей сообщений.

6. Сокращение угольных перевозок под влиянием усиленного применения электрической энергии, проведения газопроводов и нефтепроводов.

7. Рутинерство и недостаточная энергия железнодорожных деятелей, большинство которых начали свою работу на транспорте в эпоху расцвета железных дорог и не научились еще ставить транспорт на коммерческую ногу.

8. Чрезмерно высокая зарплата, не соответствующая стоимости жизни.

В поисках путей к оздоровлению железных дорог и внедрению хотя бы урезанного плана один из авторитетных экономистов САСШ Лисман предлагает, чтобы вся страна в целом или по крайней мере отдельные группы железных дорог установили тарифную диктатуру или, как он выражается, «тарифного царя». «Диктатор» должен быть хорошо знаком с проблемой структуры тарифов и указывать на возможность установления тех или иных ставок без нанесения ущерба

американскому хозяйству в целом. Тарифный диктатор должен быть облечен самодержавным полномочием. Президенты железных дорог трех железнодорожных районов страны должны избрать небольшой комитет, уполномоченный на избрание такого диктатора. В настоящее же время, по словам автора, американские дороги с их тарифным хаосом напоминают знаменитый польский парламент с его правом депутатского вето. Железные дороги должны, по его мнению, серьезно подойти также к вопросу о конкуренции со стороны автотранспорта и предпринять шаги к прекращению правительственных субсидий водному транспорту. Эти курьезные попытки указывают на беспомощность и растерянность транспортных магнатов перед лицом капиталистической стихии и кризиса.

На влияние кризиса на мировой железнодорожный транспорт указывает «Neue Freie Presse» от 24/VIII с. г.

За первое полугодие 1930 г. германские дороги дали понижение выручки на 178 млн. марок. В Соединенных штатах по 172 компаниям доходы упали с 3 068 до 2 691 млн. долл. На чехо-словацких дорогах сокращение валового дохода составило 9,7%, на итальянских— 2,3% и на швейцарских—3%.

В Польше кризис отразился в первую голову на погрузке, которая за один только июль упала на 20%. Тяжелое положение английских железных дорог привело к снижению зарплаты и сокращению персонала, причем там вновь поднят вопрос о повышении тарифа. Только во Франции и северных странах депрессия, по словам газеты, менее дает себя чувствовать.

Интересно отметить мероприятия, принятые в различных странах для борьбы с падением доходности. В ряде стран урезаются железнодорожные инвестиции. В Соединенных штатах на половину сокращены заказы на локомотивы, несмотря на призыв Гувера к смягчению промышленного кризиса путем усиления заказов. Вместо заказанных в первом полугодии 1929 г. 536 локомотивов, в первом полугодии текущего года заказы составили всего 250 локомотивов.

Показательным для падения мирового транспорта является то обстоятельство, что транспорт через Суэцкий канал упал на 3½%.

Транспорт СССР в противоположность капиталистическому развивает свою работу как по грузообороту, так и по пассажирообороту в бурных темпах, отвечающих общим темпам роста социалистического строительства в стране. Предстоящий 1931 г., третий год пятилетки, должен усилить транспорт в СССР путем его коренной социалистической реконструкции и поставить его в техническом отношении на уровень передовых капиталистических стран.

Тяжесть положения мирового железнодорожного транспорта усугубляется возрастающей из года в год конкуренцией со стороны автотранспорта. Бурный рост последнего является одной из характерных черт послевоенной эпохи. О размерах этого роста и его главных тенденциях дает яркое представление обширная статья Ольсена в «Archiv für Eisenbahn» за июль—август текущего года.

Согласно имеющимся у автора данным, количество автомобилей во всем мире возросло с 1922 г. по 1930 г. с 14,6 млн. единиц до 34,9 млн. При этом он обращает внимание на то обстоятельство, что с 1924 г. по 1928 г. процентный прирост падает из года в год, и только в 1929 г. наблюдается новый скачок вверх, как показывает следующая таблица:

Мировой автомобильный парк

	Кол. авто-мобилей на конец года	Процент при-роста		Кол. авто-мобилей на конец года	Процент при-роста
1924 . . .	21 193 558	16,1	1927 . . .	29 638 538	7,6
1925 . . .	24 493 517	15,6	1928 . . .	31 851 791	7,5
1926 . . .	27 534 238	12,4	1929 . . .	34 879 323	9,5

Если считать без Соединенных штатов, количество автомобилей с 1924 по 1929 г. возросло вдвое. Из среднего годового прироста за указанный период примерно $\frac{2}{3}$ приходится на САСШ и $\frac{1}{3}$ на все остальные страны мира.

Регулярные автомобильные линии достигли в большинстве стран мира значительного протяжения. Так, в Соединенных штатах, Германии, Чехо-Словакии и Швейцарии их длина равняется длине железнодорожной сети, от двух до трех раз превосходит последнюю в Дании, Франции, Норвегии, Польше и Швеции и в 10 раз в Португалии.

В Соединенных штатах существуют автомобильные линии длиной до 2 260 км, причем 50% линий имеют все же менее 32 км. За последние годы число автомобильных линий Соединенных штатов быстро возрастало, причем годовой прирост составлял около 25%.

В Соединенных штатах число платных пассажирских перевозок на регулярных автолиниях составило в 1928 г. около 1 100 млн. человек, причем около $\frac{2}{3}$ их прямо или косвенно конкурировало с железными дорогами. За тот же период железными дорогами было перевезено 902 млн. пассажиров. Общий пробег пассажиров в автомобильном сообщении на линиях, конкурирующих с железнодорожными, в указанном году составлял около 40% железнодорожного. Во Франции это соотношение равнялось 0,34%, в Германии — 4%, в Норвегии и Польше — 5%.

Грузовой автотранспорт конкурирует с железнодорожным на коротких расстояниях.

Конкуренция со стороны автотранспорта сказалась почти повсеместно в падении пассажирских перевозок, поступления от которых в Соединенных штатах упали с 1920 по 1927 г. на 24,2%, несмотря на рост народонаселения на 6%. Во Франции сокращение числа пассажиров под влиянием этой конкуренции составило по линиям второстепенного значения по различным железнодорожным линиям от 20 до 53%. В Италии сокращение пассажирских перевозок, выраженное в пассажиро-километрах, составило по той же причине с 1926 по 1928 г. 14%. В Швейцарии, Чехо-Словакии и Нидерландской Индии ежегодные потери на доходе железных дорог от пассажирского движения исчисляются в 8%, в Норвегии — 12,5% в Голландии — 17%.

Причины успешной конкуренции со стороны автотранспорта заключаются в преимуществах автомобиля в смысле быстроты, большего количества рейсов, остановок по желанию пассажиров, меньшей связанности с определенной дорогой и т. п.

В области грузовых перевозок конкуренция автотранспорта ощущается главным образом в перевозке легких грузов мелкими отправлениями.

Железные дороги ведут борьбу с автомобильной конкуренцией как по линии понижения тарифов, так и по линии улучшения условий перевозок. Так, некоторые английские железные дороги ввели с этой

целью спальные вагоны III класса, доставку багажа прямо на квартиру пассажира и всякого рода скидки. В целом ряде стран в тех же целях было произведено понижение тарифов. Кроме того железные дороги нередко вступают на путь акционирования с автотранспортом, делаясь участниками автомобильных предприятий и получая возможность контролировать таким образом автотранспорт в соответствии с интересами железных дорог.

Конкуренция автотранспорта почти повсеместно сильнее на расстоянии менее 30 км. Максимальная дальность грузовых перевозок на автомобилях в большинстве стран составляет от 200 до 300 км. Однако во Франции и Германии конкуренция грузовых перевозок наблюдается уже на расстояниях до 1 000 км. В виде общего явления можно установить, что главными конкурентами железных дорог в области грузовых перевозок являются автомобили, принадлежащие самим собственникам грузов. В отношении характера грузов следует отметить, что на близких расстояниях автомобильная конкуренция распространяется на все виды грузов, на больших же расстояниях главным образом на те грузы, которые провозятся железными дорогами по повышенному тарифу.

На американском железнодорожном съезде в Атлантик-Сити, мистер Фрэнк Мак-Нэми, председатель Междуштатной торговой комиссии, всячески уверял съезд, что, несмотря на большие снижения пассажирского и товарного движений, поскольку это является следствием конкуренции автотранспорта, железные дороги в будущем будут доминировать в общем транспорте, что опасность автотранспорта как конкурента железнодорожного транспорта переоценена, что если при настоящем положении вещей американские железные дороги все еще перерабатывают около миллиарда вагонов первоклассного груза ежегодно, то американские железные дороги могут смело смотреть на будущее сквозь розовые очки. Железные дороги — продолжал он — потеряли груз и пассажиров только потому, что они еще не начали «воевать», а когда они начнут, они безусловно займут полагающееся им положение.

Однако оптимизм мистера Мак-Нэми не разделялся съездом. Заслушавши его и ряд других представителей железных дорог, мистер Ашток, председатель Американской железнодорожной ассоциации, обратился к отделению моторного транспорта названной ассоциации с просьбой обратить особое внимание на проблему конкуренции автотранспорта с железнодорожным.

Уменьшение пассажирского движения на американских железных дорогах представляет вполне «нормальное» явление, т. к. безудержное снижение пассажирского движения в течение последних 9 лет приучило дороги к этому явлению.

Понижение пассажирского движения в 1928 г. на 36% по сравнению с 1920 г. едва ли нуждается в комментариях. Пассажирское движение пенсильванских железных дорог показательно в этом отношении. В 1929 г. дорога перевезла 113 713 797 пассажиров, а в 1921 г. — 161 977 733 пассажиров. Чистая потеря в 48 263 936 пассажиров. Это падение является результатом пользования частным автомобилем и автобусом. Хотя трудно сказать, в какой мере частный автомобиль или автобус являются виновниками этого понижения, можно однако заключить, что автотранспорт в целом является причиной этого падения. На уменьшение роста грузооборота на американских железных дорогах в течение последних 10 лет по сравнению с предыдущими перио-

дами мало обращалось внимания, хотя замечалась тенденция уменьшения роста грузооборота. Эта тенденция сильно отражается в только что опубликованных статистических данных Междуштатной торговой комиссии.

Данные последних 9 лет, показывающие понижение роста грузооборота на американских железных дорогах по сравнению с предыдущим десятилетием, весьма знаменательны ввиду того, что эта тенденция понижения роста сильнее всего выразилась в периоде так называемого расцвета американской индустрии и торговли. Анализируя создавшееся положение, можно сказать, что параллельно с общим ростом производства шло понижение роста перевозимого тоннажа на американских железных дорогах.

Американские железные дороги, учитывая тот факт, что падение пассажирского движения является следствием конкуренции автотранспорта и что понижение роста грузооборота и главным образом коммерческого груза является не только следствием понижения потребления угля, подачи нефти по нефтепроводам вместо перевозки ее в цистернах или векового конкурента — водного транспорта, но главным образом следствием усиленной конкуренции грузовиков по перевозке грузов, — американские железные дороги начали принимать меры к возвращению потерянного как пассажирского, так и товарного движений.

В период кризиса, когда конкуренция начала принимать более угрожающий характер, некоторые железные дороги занялись специальным исследованием этого вопроса. В результате исследования они решили принять меры, которые сводились к следующему: более частые отправки поездов местного порядка с многочисленными остановками, отправка прямых сквозных поездов на ветках железных дорог, отправка специальных поездов в праздничные дни по пониженным тарифам, улучшение пассажирского движения на узловых станциях, оборудование вагонов с лучшими местами для сидения, ускорение перевозок грузов в место назначения, уменьшение остановок и времени остановок на станциях, организация специальных депо, целью которых было бы ускорение передачи груза по назначению. Однако, судя по вышеуказанным данным, мероприятия не увенчались успехом. Поднятая железными дорогами агитация об увеличении числа пассажиров тоже не увенчалась успехом, ибо им не удалось убедить публику, что езда поездом удобнее, быстрее, безопаснее и главным образом дешевле.

А между тем автотранспорт продолжает развиваться увеличенным темпом. В результате на американских безрельсовых дорогах сейчас находится больше 50 тыс. автобусов, принадлежащих 6 тыс. отдельных компаний. Большое число автобусов делают регулярные рейсы от Атлантического до Тихого океанов, располагая такими же удобствами, как любой пульмановский вагон.

В 1921 г. американские железные дороги перевезли 1 034 154 тыс. пассажиров, а в 1929 г. — 779 045 тыс. — понижение на 25½%; в 1925 г. автобусы перевезли 870 млн. пассажиров, а в 1929 г. — 1 793 млн. — увеличение на 50% по сведениям «Railway Age». Допуская, что последняя цифра несколько преувеличена ввиду того, что строгого учета, какой производился на железнодорожном транспорте, в автотранспорте не было, все же нельзя не согласиться, что огромное количество пассажиров пользовалось автобусами, не говоря уже о частных автомобилях.

Ввиду серьезности создавшегося положения, американские железные дороги резко изменили свое отношение к автотранспорту. Это

выразилось в том, что они решили завоевать обратно потерянное не только улучшением своей поездной работы, а с помощью того же автотранспорта, координируя его с железнодорожным транспортом. Сущность этой перемены была выражена мистером В. В. Аттербери, президентом Пенсильванской железной дороги в отчете дороги за 1929 г. Он указал на тот факт, что возглавляемая им дорога признает важность автотранспорта как вспомогательного фактора в поездной работе, что одной из важных проблем железных дорог в настоящий момент является координация автотранспорта с железнодорожным. Он также заявил, что Пенсильванская дорога сделала значительные успехи в этом вопросе, что она сейчас сотрудничает с различными автотранспортными компаниями и таким образом надеется дать публике хорошо организованный автотранспорт в связи с своей железнодорожной службой.

В течение последнего времени Пенсильванская железная дорога стала играть видную роль в пропаганде координированной работы автотранспорта с железными дорогами. Это выразилось в приобретении дорогой контрольного интереса в самой крупной автотранспортной системе страны Грейхоунд Лайнс и в группе автолиний в районах Нью-Йорка, Филадельфии и Вашингтона. В настоящее время в связи с упомянутой координацией Пенсильванская дорога продает билеты с Атлантического побережья в Чикаго по Грейхоунд Лайнс так же, как и по железной дороге.

Американские железные дороги вынуждены считаться с тем, что автотранспорт весьма эластичен. Это следует из того, что как автобус, так и грузовик, не будучи связанными рельсовым путем, более свободны в своих движениях. Временами это приносит с собой экономические выгоды, например, если летом автобусы делают определенную сезонную работу на одном участке, они могут зимой быть переброшены на другой участок, на иной вид работы. Очень часто эта эластичность, поскольку она относится к перевозке грузов, выявляет пользу применения грузовика к потребностям потребителя; можно например скорее приладить форму грузовика для специального груза, автотранспорт можно также легче приспособить к нагрузке и разгрузке. В общем он не так стандартизирован, как железнодорожный транспорт. Американские железные дороги также учитывают тот факт, что автотранспортные тарифы значительно ниже железнодорожных, что часть стоимости шоссейных дорог, по которым автотранспорт совершается, падает не на железные дороги, а на население в целом, так как постройка шоссейных дорог и их ремонт уплачивается не только налогом на каждый галлон газаolina, но из общей суммы городских штатных и федеральных налогов. Железные дороги также имеют в виду тот факт, что устройство специальных станций автотранспорта стоит значительно меньше устройства железнодорожных станций и что доля расходов по содержанию автотранспортных станций значительно меньше, чем доля расходов по содержанию железнодорожных станций.

Конкуренция между железными дорогами и трансокеанскими путями также занимает гораздо большее место, чем принято предполагать. Например товары, местом происхождения которых являются Нью-Йорк и до. пункты Атлантического побережья, могут перевозиться на Дальний Восток или через Атлантический океан, Средиземное море и Суэцкий канал или же в западном направлении — через САСШ и Тихий океан.

Конкуренция между трансатлантическими пароходными линиями и трансконтинентальными дорогами САСШ очень оживленная: желез-

ные дороги и тихоокеанские пароходные линии нередко устанавливали тарифные ставки, равные трансатлантическим или даже более низкие для некоторых категорий товаров, перевозившихся из Нью-Йорка к Тихоокеанскому побережью.

Далее, значительные массы зерна перевозятся с Тихоокеанского побережья океаном через мыс Горн в Европу. На обратном пути эти суда, желая иметь необходимый балласт, перевозят некоторые товары по весьма пониженным ставкам (цемент, чугун, сталь). Железные дороги САСШ должны назначать ставки на эти товары и при перевозке их на Тихоокеанское побережье, сообразуясь с этой трансокеанской конкуренцией, чтобы дать возможность американцам выдерживать конкуренцию с европейцами на Тихоокеанском побережье.

В последнее время часто слышатся требования о необходимости расширения сети внутренних водных путей федеральным правительством. Большое сочувствие встречает проект конструкции водного пути глубиной в 14 футов и более от Великих озер к Мексиканскому заливу. Кроме того имеется много второстепенных проектов, в том числе проект о сооружении канала для соединения озер Мичиган и Эри и последнего с Атлантическим океаном и т. д. Предполагается, что на выполнение этих проектов конгрессом будет вотирован выпуск облигаций в размере 500 млн. долларов, причем из этой суммы будет ежегодно тратиться по 50 млн. долларов.

В пользу этого плана выставляются следующие аргументы: 1) его выполнение удешевит транспорт; 2) урегулирует железнодорожные тарифы; 3) создаст целый ряд дополнительных удобств для транспорта.

В САСШ, где движение на прибрежных водных путях, озерах и железных дорогах быстро развивалось, движение по каналам и рекам за последние годы падало. Сторонники развития внутренних водных путей объясняют это недостаточным развитием последних, а также методами недобросовестной конкуренции, применяемыми железными дорогами. Они указывают на то, что в Европе движение по рекам и каналам развивается быстрее железнодорожного.

С другой стороны, многие знатоки данного вопроса утверждают что опыт Европы отнюдь не доказывает, чтобы о б щ а я стоимость перевозок по рекам и каналам могла быть снижена до более низкого уровня, чем общая стоимость железнодорожного транспорта в САСШ.

Одной из причин успешности конкуренции со стороны железных дорог являются большие удобства и лучшее обслуживание грузоотправителей на железных дорогах.

Последние имеют многочисленных агентов в местностях, прилегающих к их линиям, а также во всех больших городах; независимо от того, расположены ли они на данной железнодорожной системе. Железные дороги гораздо лучше, чем водные пути, возмещают грузоотправителю убытки за потерянный или поврежденный груз. Главной же причиной того, что грузооборот водных путей растет в Европе и падает в САСШ, является значительно большая дешевизна железнодорожных тарифов в САСШ: средняя стоимость перевозки тонно-мили в САСШ на 50% ниже, чем в Бельгии, на 59% ниже, чем во Франции, и на 6% ниже, чем в Германии. Мало того железнодорожные тарифные ставки САСШ выгодно выдерживают сравнение со ставками европейских водных путей.

Стоимость перевозки водным путем в Германии и Франции для грузоотправителя не меньше, чем стоимость железнодорожных перевозок в САСШ, общая же стоимость их несравненно выше, чем стоимость для грузоотправителя.

Общая стоимость перевозки водным путем во Франции (считая содержание каналов и сооружений и т. д.) составляет 9,6% на тонно-милю, в Бельгии—10,6 в САСШ—8,61. Между тем на железных дорогах САСШ, конкурирующих с водными путями, — от 6,2 до 7,4.

Железнодорожные перевозки быстрее и удобнее водных. Для успешной конкуренции водные фрахты должны быть много ниже железнодорожных, не менее чем на 20—50%. Поэтому водные пути САСШ не могут успешно конкурировать с железными дорогами.

Простое сравнение динамики роста транспорта СССР с транспортом крупнейших капиталистических стран Европы и Америки говорит за несомненные преимущества советской хозяйственной системы и за полную возможность «догнать и перегнать» технико-экономический уровень капиталистического транспорта в минимальный исторический срок.

Капиталистические страны (не исключая и дорог Японии) характеризуются не только стабилизацией, но и падением грузооборота.

Железные дороги СССР достигли довоенных размеров грузооборота в 1926/27 г., т. е. в срок более короткий (если учесть период гражданской войны), чем многие из западноевропейских стран. К 1929/30 г. грузооборот достиг 182% довоенного при увеличении длины сети на 38%. Прирост грузооборота за последние три года (с 1926/27 по 1929/30 г.) составил 77%.

Столь бурного темпа развития перевозок на коротком отрезке времени не знала ни одна страна мира не только за послевоенное время, но и ранее, в периоды развертывания железнодорожного строительства.

В следующие годы пятилетки грузооборот железных дорог СССР по своей абсолютной величине уже превзойдет все страны мира за исключением САСШ.

В 1931 г. по абсолютной величине грузооборота железные дороги СССР будут находиться на четвертом месте после САСШ, Германии и Великобритании; в 1931/32 г. железные дороги СССР должны выйти на второе место после САСШ.

Что же касается пробегов грузов, то так как железные дороги СССР имеют средние дальности значительно большие, чем все остальные страны, за исключением железных дорог САСШ и Канады, по которым средние дальности близки к нашим (САСШ—538, Канада—523), то по абсолютному количеству тонно-километров железные дороги СССР уже в настоящее время стоят на втором месте после САСШ.

В связи с этим напряженность грузовой работы железных дорог, измеряемая количеством тонно-километров груза на 1 км длины, уже в 1929/30 г. приближается к напряженности работы железных дорог САСШ, имеющих максимальную напряженность среди всех стран мира:

САСШ (1929)	1 870 тыс. т-км	Франция (1928)	1 030 тыс. т-км
СССР (1929/1930)	1 800 „ „	Япония (1927/28)	940 „ „
Германия (1929)	1 370 „ „		

В предстоящем 1931 г. густота движения грузов на железных дорогах должна достигнуть величины около 2 400 тыс. т-км, т. е. напряженность работы дорог СССР должна быть значительно больше, чем на дорогах САСШ.

В отношении пассажирских перевозок на железных дорогах САСШ и Канады наблюдается неуклонное падение. В САСШ с 1923

по 1929 г. общий пробег пассажиров уменьшился до 50 млрд, пасс-км, или на 12%. В странах Западной Европы наблюдается также аналогичное снижение либо стабильность.

В СССР перевозки пассажиров в настоящее время (1929/30 г.) составляют уже 265% к довоенному, в 1932 г. этот процент возрастет до 350.

По напряженности пассажирского движения (пассажирокилометров на 1 км сети) железнодорожная сеть СССР уже в настоящее время находится на пятом месте.

Япония	1 550 тыс. пасс.	Великобритания	670 тыс. пасс.
Германия	890 „ „	СССР	586 „ „
Франция	660 „ „		

Но уже в 1931 г. железные дороги СССР должны выйти на третье место после Японии и Германии и в 1931/32 г. — на второе место после Японии.

По степени обеспеченности перевозок подвижным составом СССР пока находится в недостаточно благоприятном положении. Помимо отставания нашей сети в отношении количественного обеспечения подвижным составом имеет место качественная отсталость нашего технического оборудования (наличие на заграничных дорогах автоторможения, автосцепки — в Японии и САСШ и автоблокировки).

Однако в условиях планового социалистического хозяйства основные фонды и подвижной состав нашего транспорта могут быть использованы со значительно большей эффективностью, чем в условиях стихийного капиталистического хозяйства.

Это обстоятельство с достаточной наглядностью подтверждается следующим фактом. Несмотря на слабую сравнительно с другими странами обеспеченность нашей сети подвижным составом, мы находим еще внутренние резервы для дальнейшего повышения производительности транспортных средств.

Выше мы показали, как в тисках экономического кризиса капиталистический транспорт не только остановлен в своем развитии, но кривая его работы неудержимо катится вниз. В противоположность этому советский транспорт растет, увеличивая свою роль в дальнейшем развитии социалистического строительства и социалистической реконструкции хозяйства СССР. XVI партсъезд четко определил те основные задачи, которые стоят перед транспортом на нынешнем историческом этапе. «Несмотря на огромное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в «узкое место» народного хозяйства, могущее затормозить наше движение вперед. Не пора ли положить конец такому положению» (Сталин).

За минувшие два года пятилетки Советский Союз сделал огромный шаг к социализму. Вопреки всяким пророчествам правых и левых оппортунистов о непосильности взятых большевистских темпов индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, наше социалистическое строительство развивается бурными темпами. Последний декабрьский объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) констатировал, что истекший 1929/30 хозяйственный год (второй год пятилетки) явился годом новых крупных достижений рабочего класса в деле социалистического строительства. Задания пятилетнего плана выполнены со значительным превышением по всем основным показателям. Основные политические задачи, намеченные партией: выполнение пятилетки в 4 года, перестройка сельского хозяйства на социалистических

началах, превращение Советского Союза в страну сплошной коллективизации и на этой основе ликвидация кулачества как класса, на пути к своему полному разрешению.

Третий год пятилетки должен завершить построение фундамента социалистической экономики.

Решающую роль в достижении указанных успехов сыграли—правильная политика партии, решительная и непримиримая борьба с уклонами от ленинской генеральной линии партии, с правым и левым оппортунизмом и примиренчеством к ним, с беспринципным право-«левацким» двурушничеством, шатаниями и колебаниями, огромный рост активности и трудового творчества, энтузиазм миллионных масс рабочего класса и колхозников (соцсоревнование, ударничество, встречи планы), под знаком которых проходили первые два года пятилетки.

Темпы развертывания народного хозяйства в третьем году пятилетки должны отвечать основному требованию, что этот решающий год должен завершить построение фундамента социалистической экономики. Показатели по народному хозяйству в целом, утвержденные пленумом ЦК и ЦКК, отражают в себе те большевистские темпы, которые должны быть достигнуты для того, чтобы осуществить лозунг «пятилетка в четыре года».

Наступающий 1931 г. является решающим годом для разрешения крупнейших задач, поставленных партией в направлении дальнейшего ускорения темпов социалистического строительства, темпов индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

По промышленности и электрификации объем капитальных работ запроектирован для 1931 г. в размере 7 470 млн. руб. с приростом валовой продукции всей государственной промышленности в 45% в сравнении с 1930 г., что означает выполнение всего плана по промышленному производству на третьем году пятилетки, т. е. в 1931 г.

По сельскому хозяйству должен быть обеспечен охват колхозами в среднем не меньше 80% крестьянских хозяйств с доведением посевных площадей до 143 млн. га.

Ясно, что успешное выполнение указанного партией объема работ упирается в транспортную проблему. Если XVI партсъезд констатировал напряженное положение нашего транспорта, то к 1931 г. мы имеем увеличение этой напряженности, поскольку транспорт запоздал с коренной реконструкцией своего хозяйства. Партия не может дальше мириться с таким положением. Оно угрожает затормозить взятые темпы социалистического строительства. Транспорт, если он не выйдет из положения «узкого места» народного хозяйства, может серьезно ударить по темпам индустриализации страны и мощному подъему колхозного движения. Поэтому, пленум ЦК и ЦКК намечает на 1931 г. ассигнование 3 185 млн. руб. на укрепление и реконструкцию транспорта; постановление пленума должно стать исходным пунктом развернутой большевистской работы партийных, профессиональных и хозяйственных организаций транспорта по поднятию транспорта на высоту тех требований, которые предъявляют к нему наше социалистическое строительство и потребность обороны страны. Общий размер грузооборота железных дорог на 1931 г., принятый в размере 330 млн. т против 281 млн. т, предполагавшихся для последнего года пятилетки, может и должен быть выполнен при решительном сдвиге в области реконструкции транспорта, его рационализации и максимальной мобилизации внутренних ресурсов. Пленум утвердил снижение себестоимости перевозок железных дорог в 1931 г. не меньше, чем на 9% по сравне-

нию с себестоимостью в 1930 г. Объем капитальных вложений в транспорт, принятый Центральным комитетом, потребует от транспорта напряженнейшей работы по освоению указанных капитальных вложений. Задачи, которые стоят перед транспортом, как и общие задачи развернутого социалистического наступления, не могут быть разрешены самотеком. На пути разрешения этих задач стоят большие трудности, преодоление которых потребует величайшей организованности и дисциплины, решительного улучшения качества всех звеньев аппарата, решительного внедрения в хозяйственное развитие планового начала, плановой дисциплины и дальнейшего роста активности и трудового подъема широких масс трудящихся. На транспорте совершенно необходимым резким перелом в сторону улучшения качественных показателей, выполнения и перевыполнения промфинплана, на чем должны быть сосредоточены максимум внимания и максимум энергии.

Отчаянное сопротивление остатков капитализма внутри Советского Союза, выразившееся во вредительской работе на транспорте, должно быть ликвидировано, для чего в условиях обостренной классовой борьбы требуется максимальная мобилизация всех сил, максимальная бдительность и активность партийных организаций и профсоюзов.

Бурный темп социалистического строительства и привлечение к индустриализации новых районов и национальных республик требует расширения нового железнодорожного строительства и решительного и немедленного сдвига в реконструкции транспорта с тем, чтобы по уровню своей материально-технической базы он соответствовал масштабам и темпам развертывания социалистического хозяйства.

Уже в настоящее время загрузка железнодорожного транспорта превышает густоту движения капиталистических стран, поэтому выдвигается настоятельная потребность путем постройки новых железных дорог регулировать степень загруженности существующих дорог, содействовать индустриализации и социалистическому строительству новых районов. Из намеченных к сооружению линий необходимо отметить линии в Сибири, создающие прочную транспортную базу для разрешения урало-кузнецкой проблемы, линии Ленинск — Новосибирск с мостом через Обь, Курган—Свердловск, усиление выходов из Сибири к западу от Урала, что создаст мощные магистрали, могущие овладеть теми грузовыми потоками, которые ожидаются в ближайшие годы на этих направлениях; постройка линии Чимкент—Ташкент—Ферганская долина завершает создание туркестано-сибирского направления. Создаются новые направления для обеспечения связи Донбасса с западными и северо-западными районами. Новый ряд железнодорожных линий откроет доступ к каменноугольным рудным и туковым месторождениям, будет способствовать разрешению хлопковой проблемы. Объем и характер нового железнодорожного строительства на 1931 г. привлекает к социалистическому развитию Советского Союза огромные богатства новых районов, чем еще больше ускоряет темпы строительства социализма и дает возможность использования богатейших местных ресурсов.

Высокий темп роста народного хозяйства ставит перед транспортом боевую задачу — втягивания и укрепления отставших видов транспорта (водный и железнодорожный) и построение такого рационального плана перевозок, который давал бы возможность наиболее эффективного использования наличных транспортных средств всех видов транспорта. Реконструкция транспортного хозяйства есть не только реконструкция железнодорожного транспорта, но также реконструкция

и остальных видов транспорта, в особенности водного, удельный вес которого далеко не удовлетворителен, если взять те возможности, которые имеет водный транспорт в смысле удовлетворения потребностей хозяйства СССР в перевозках.

В третьем году пятилетки транспорт должен добиться не только решительного перелома в подтягивании темпов реконструкции к уровню большевистских темпов индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, но и стать мощным фактором, активно воздействующим на другие отрасли народного хозяйства в сторону усиления темпов социалистического строительства.

Поэтому контрольные цифры 1931 г. будут не только конкретным годовым планом, но и решающей директивой по проведению в жизнь решений XVI партсъезда и декабрьского объединенного пленума ЦК и ЦКК о транспорте, имеющих огромное значение для дальнейшего социалистического строительства. Решающая роль транспортной проблемы для дальнейшего развития социалистической реконструкции нашего хозяйства совершенно очевидна.

Политика в области транспортного строительства определена XVI партсъездом в резолюции по отчету ЦК ВКП(б): «Съезд поручает ЦК в дальнейшей работе по социалистической индустриализации СССР сосредоточить усилия на... развитии реконструкции транспорта, в особенности железнодорожного и водного, являющихся одним из наиболее узких мест социалистического хозяйства».

Отставание транспорта от темпов развития промышленности и сельского хозяйства, запоздание в осуществлении реконструктивных мероприятий обусловили ту напряженность, с которой транспорт работал за минувший год. Грузооборот обогнал все предположения, положенные в основу пятилетки транспорта. Фактически пятилетка была осуществлена в 2½ года.

Задача коренной социалистической реконструкции, намечаемая XVI партсъездом, является решающей транспортной проблемой для третьего года пятилетки.

Что транспорт к XVI съезду партии подошел с определенным запозданием реконструктивных мероприятий, почти по всем своим отраслям при колоссальном росте совершаемой им работы — это совершенно очевидно.

Медленное повышение технической базы транспорта объясняется не только недостаточными капитальными вложениями в прошлом, но и недостаточным проведением в жизнь рационализаторских мероприятий и эффективного использования внутренних ресурсов.

Развитие транспортного хозяйства невозможно без всемерного развертывания промышленности и прежде всего без тяжелой промышленности, металлургии и машиностроения. Противопоставление транспорта промышленности явно несостоятельно и должно быть решительно и раз навсегда отброшено. Ведущая роль в народном хозяйстве промышленности, а в промышленности — тяжелой металлургии лишь облегчает реконструкцию транспорта.

Что же дают контрольные цифры 1931 г. в области подъема технической базы транспорта и ее реконструкции?

Крупный сдвиг в этом направлении характеризуется размерами и пропорциями капиталовложений в транспорт.

Решительно повышается цифра капиталовложений по линии реконструкции и перестройки транспорта на более высокой технической основе. В соответствии с этим повышается и удельный вес капиталь-

ных вложений по отдельным элементам реконструкции, которые должны войти в действие в текущий и следующий годы.

Правооппортунистическое, механическое понимание реконструкции, противопоставляющее задачи реконструкции задачам рационализации транспорта, решительно осуждено партией. В основе плана реконструкции и распределения капиталовложений должна быть ленинская диалектическая методология, рассматривающая реконструкцию и рационализацию транспорта как единый процесс социалистической переделки транспортного хозяйства СССР.

Контрольные цифры 1931 г. разрешают проблему распределения капиталовложений под углом зрения максимального удовлетворения реконструктивных задач. Они обеспечивают выполнение реконструктивной программы по линии железнодорожного, водного и автотранспорта, добиваясь установления правильных соотношений между отдельными видами транспорта.

Общий размер капитальных вложений во все виды транспорта НКПС наметил в 3 185 млн. рублей.

Основная установка на реконструкцию транспорта находит свое отражение в том, что в 1931 г. объем затрат на реконструкцию определяется в 700 млн. руб.

Контрольными цифрами поставлена задача достигнуть в 1931 г. повышения измерителей в среднем на 15% и производительности труда на 17%, снижения себестоимости перевозок на 9% и снижения норм расходования металла на 16%.

Коренной перелом в деле реконструкции транспортного хозяйства и максимального развертывания рационализаторских работ характеризуется значительным ростом капиталовложений в транспорт. Дальнейшее развитие металлопромышленности и машиностроения в СССР, являющееся базой осуществления реконструкции на транспорте, позволит перейти в ближайшие годы к более повышенным темпам капитальных вложений в транспорт и к более решительной его реконструкции.

Вот почему основной задачей является не только выполнение бурно растущих перевозок (теми техническими средствами, какие имеются у транспорта в настоящее время), но и реализация в кратчайший срок ряда реконструктивных мероприятий, повышающих технический уровень транспортных средств. Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о железнодорожном и водном транспорте дают боевую программу действий по линии коренного улучшения транспортной работы в особенности паровозного парка и ускорения реконструкции транспорта СССР.

Программа реконструктивных мероприятий, намеченная НКПС, сводится в основном к следующему: увеличение мощности паровозов и подъемной силы вагонов, введение автоматической сцепки для всего подвижного состава, оборудование подвижного состава автотормозами, установка автоматической блокировки, электрификация и теплофикация железных дорог, механизация погрузочно-разгрузочных работ и реконструкция пути.

Ведущим звеном программы является введение более мощного поездного двигателя. Тяжелый локомотив потребует усиления верхнего строения пути на основных направлениях. Давая более тяжелый вес поезда, он ведет к необходимости реконструкции сцепного прибора и тормоза. Большой вес поезда ведет к необходимости укорачивания его длины, т. е. к проведению мероприятий по укрупнению подвижного состава.

Техническая вооруженность транспорта измеряется тяжеловесностью и скоростью движения поездов. Отсюда основной задачей реконструкции является введение тяжеловесных поездов, увеличение их скорости путем применения более мощного двигателя и большегрузного подвижного состава, оборудованного автосцепкой и автотормозами.

Реконструкция провозной способности (локомотив, вагон, сцепка, тормоз) неотложно выдвигает проблемы реконструкции пропускной способности станций и перегонов при помощи автоблокировки и механизации погрузочно-разгрузочных работ.

В результате намеченная программа реконструкции состоит из тесно связанных между собою элементов и является программой реконструкции всего транспортного процесса в целом.

Осуществляя социалистическую реконструкцию нашего транспорта, мы можем и должны использовать все новейшие достижения западноевропейского и американского технического прогресса в области транспортной индустрии с тем, чтобы в кратчайший срок «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны на этом участке нашего строительства. Американские железные дороги, их техническая база и организация оперативной работы дают ценный материал для применения его на нашем советском транспорте в процессе осуществления реконструктивных мероприятий.

Нигде как в САСШ на примере транспортного хозяйства не проявляются в такой степени внутренние противоречия капиталистической системы хозяйства, тормозящие рациональное и эффективное использование мощного в техническом отношении и гигантского по величине транспортного аппарата.

В условиях нашей социалистической системы хозяйства не имеют места неизбежные внутренние пороки, которые сводят на-нет результаты технического прогресса в любой капиталистической стране. Поэтому, используя высокий уровень иностранной техники и опираясь на огромные преимущества советской системы планового хозяйства, мы будем в состоянии осуществлять реконструкцию нашего транспорта в темпах, которые не снились рационализаторам американских железных дорог.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. ПИЛЬМЕЙСТЕР.

И. Г. Блюмин. Субъективная школа в политической экономии, том I, второе исправленное и дополненное издание, изд. Комакадемии, 1931.

Если верно, что книги имеют свою судьбу, которую не только знают их собственные авторы, но и читатели, когда они судят об истинном назначении и смысле этих книг, то произведения Блюмина о субъективной школе безусловно имеют свою особую судьбу.

Первое издание работы Блюмина появилось с хвалебным предисловием М. Н. Смит, объявившей эту работу «вдумчивым, глубоким, тщательным марксистским исследованием субъективной школы политической экономии». Эта работа, (I и II тт.) встретила также довольно теплый и «лояльный» отзыв в рецензиях.

Во втором издании, в рецензируемом первом томе отсутствует уже хвалебный отзыв т. М. Н. Смит, которая, однако, не сделала необходимого шага вперед в смысле марксистской критики работ И. Г. Блюмина, (хотя бы в форме послесловия, или статьи).

Автор внес мало существенных изменений в свою работу во втором издании. Антимарксистские положения, густо и широко рассеянные в первом издании, повторены в неменьшем изобилии во втором.

Работа Блюмина требует вдумчивой, серьезной, развернутой марксистской критики. Насущность такой критики особенно настоятельно диктуется еще тем обстоятельством, что Блюмин взял на себя монополию критики неовульгарной политической экономии в различных ее новых и новейших формах.

В рамках рецензии нет никакой возможности подвергнуть критическому разбору довольно большое нагромождение ошибочных положений Блюмина, идущих как по линии: извращения и опошления марксизма, так и извращенного объяснения и ошибочной критики неовульгарной экономии.

Рецензируемая работа (I том) посвящена общей характеристике субъективной школы: генезису, социальным корням, методологическим особенностям этой школы и критическому разбору концепций «австрийской» и «англо-американской» школ в политической экономии.

Классическая политическая экономия была научной постольку, поскольку она не оставалась только на поверхности явления, а пыталась понять «внутреннюю связь в отличие от многообразия форм проявления» (Маркс) и поскольку она старалась путем анализа свести различные, друг другу чуждые формы богатства к их внутреннему единству.

Постигая истинные моменты (даже в односторонней форме) содержания явления (теория трудовой стоимости), классическая экономия стала основой для действительного развития и завершения научной экономии в марксизме. Попадая же на путь ложного понимания содержания (мнимого, видимого, кажущегося), ее теории кризиса, связь теории ренты с законом убывающего плодородия (Рикардо), догма Смита об определении цены доходами и т. д., — она стала исходным пунктом вульгарной экономии. Блюмин грубейшим образом стирает границы между классиками и вульгарной экономией, становясь в оценке классиков на немарксистские позиции. Анализируя учение классиков и субъективистов о спросе и предложении невоспроизводимых и свободно воспроизводимых товаров, Блюмин пишет: «Вульгарная экономия, как указывал Маркс, характери-

зается тем, что она дает описание процессов, происходящих на поверхности экономических явлений. В эпоху¹ Рикардо более всего бросались в глаза явления стихийного равновесия капиталистического производства как результат свободной игры экономических сил. В эпоху монополистического капитализма больше всего бросаются в глаза случаи нарушения равновесия, случаи искусственного равновесия, достигнутого в результате ограничений передвижения капитала» (с. 87).

В этом положении ряд ошибок:

1. Блюмин оценивает классиков (Рикардо) в крайне противоположном Марксу смысле. То, что Маркс говорил о вульгарной экономии, Блюмин распространяет на классиков.

2. отождествляя классическую и вульгарную экономию, он извращает соотношение между научной (буржуазной) и вульгарной экономией, которая Марксом характеризуется как ненаучная.

3. Правильный факт относительно менее скачкообразного развития, менее обостренного характера неравномерного развития капитализма и господства свободной конкуренции в начале XIX столетия и факт более неравномерного, скачкообразного, конфликтного развития монополистического капитализма, более тяжелого и глубокого характера кризисов и обнаружения остроты классовых противоречий, превращающих эту эпоху в канун социальной революции пролетариата, Блюмин облекает в форму экономической тарабарщины — равновесия, основанного на конкуренции, и равновесия искусственного, без конкуренции (ограничение передвижения капитала), т. е. на основе «организованного» капитализма. Такая «обработка» исторических этапов достойна пера какого-нибудь вульгарного экономиста, но не экономиста, претендующего на звание марксиста.

Последний вопрос о взгляде Блюмина на «организованный капитализм», будет затронут в дальнейшем, где будет показано, что мы имеем дело не со случайной ошибкой. Теперь вернемся к характеристике особенностей вульгарной экономики и ее отличия от классической политической экономии.

Вульгарная экономия фиксирует исключительно внешнюю отчужденную форму проявления экономических явлений... «вульгарная экономия... именно в отчужденности (подчеркнуто Марксом)... чувствует себя хорошо»². В видимости экономических явлений, отражающих внешнюю, поверхностную, извращенную форму, искажающую действительный процесс развития, становящаяся объектом исследования для всей вульгарной экономики и в том числе для неовульгарной экономики (австрийцы, англо-американцы и т. д.).

Основное различие между классиками и вульгарной экономией лежит (и тут, повидимому, его следует искать) в том: 1) что классическая политическая экономия перебрасывала мост от явления к сущности, «к менее глубокой сущности» (Ленин), (односторонность ее теории трудовой стоимости); 2) что она пыталась, особенно Рикардо, формулировать экономические противоречия классов с буржуазной точки зрения³; 3) что она пыталась аналитически преодолеть односторонности видимости экономических явлений. Правда и этот, как и предыдущие моменты, она развивает непоследовательно, противоречиво.

Наоборот, вульгарная экономия: 1) черпает весь свой идейный хлам исключительно из мира видимости (кажущихся) экономических явлений, их поверхностного и извращенного проявления; 2) «она всеми силами отделяется путем болтовни от всяких мыслей, в которых содержатся противоречия» (Маркс), по-

¹ У Блюмина речь идет о классиках, а не об эпохе Рикардо, когда действительно зародилась и пустила свои корни вульгарная экономия (Сэй), как это видно из предшествующего этой цитате текста.

² «Теории», т. III, с. 390.

³ Сравните письма Маркса к Вейдемееру в 1852 г. и «Теории», том II, часть 1, с. 11.

скольку она в той или другой форме объясняет реальные противоречия; 3) односторонняя извращенная отчужденность является главным признаком познания⁴.

Неовульгарная экономия полностью овладевает «идейным арсеналом» вульгарной экономии; она «совершенствует ее только в одном направлении, налагающем на различные формы вульгарной экономии печать особенностей, связанных с историческим развитием капитализма и классовой борьбы».

«По мере того как экономия идет вглубь, она не только сама выражает противоречия, а ей противостоит ее противоположность, как таковая, одновременно с развитием реальных противоречий в экономической жизни общества. Соответственно этому вульгарная экономия становится обязательно более апологетской и старается всеми силами отделаться путем болтовни от тех мыслей, в которых содержится противоречия»⁵.

Защита буржуазной экономией интересов капитала проявляется, главным образом, в форме защиты интересов господствующей части капиталистов. Вульгарная экономия представляет «извращенную форму, в которой выражается действительное извращение капитализма, но извращение, обусловленное интересами, точкой зрения господствующей части буржуазии. «Вульгарные экономисты... в действительности переводят на свой язык представления, мотивы и т. д.» скованных капиталистическим производством носителей его, в котором оно отражается лишь в своем поверхностном виде. Они их переводят на доктринерский язык, но с точки зрения господствующей части капиталистов»⁶.

Она (вульгарная экономия) ведет борьбу против исторически развивающейся классовой борьбы пролетариата, которая с развитием капитализма принимает все более ярко выраженные формы и размеры, угрожающие существованию капитализма. Вульгарная экономия не объясняет объективного процесса развития, но он (объективный процесс развития) действует на нее и меняет ее способы борьбы за капитализм. Причем он действует на нее исторически, с точки зрения господствующей части капиталистов и их борьбы (характер и форма борьбы) против пролетариата, «ибо развитие политической экономии, из нее же самой вытекающего противоречия идет параллельно реальному развитию, содержащихся в капиталистическом производстве общественных с историческим развитием капитализма и классовой борьбы».

Каждая форма вульгарной экономии является продуктом своей эпохи, ограниченного исторического цикла времени.

По линии эпохальной различные формы вульгарной экономии определяются: во-первых, историческим развитием капитализма и сменой форм капитала, модифицирующих внешние формы проявления экономических явлений, во-вторых, самой природой одностороннего и извращенного понимания экономических явлений, в-третьих, характером и условиями исторического развития классовой борьбы.

Для характеристики неовульгарной экономии не малое значение имеет также идейная преемственность, черпание «идеек» из—арсенала вульгарной, идеалистической и реакционной идеологии.

По линии пространства определяющими условиями являются особенности развития различных стран, в которых существенно различны и конкретные формы всех выше перечисленных условий.

Блюмин не дифференцирует конкретных проявлений, конкретных форм основных определяющих условий развития различных школ и направлений вульгарной экономии.

⁴ См. по этому вопросу «IX Ленинский сборник», с. 253—255.

⁵ «Теории», т. III, с. 389, (подчеркнуто Марксом).

⁶ Там же, ч. 3, с. 353—385.

⁷ Маркс, «Теории», т. III, с. 389.

Он объединяет различные школы, связанные общностью одного исторического цикла времени, игнорируя конкретные формы развития капитализма и классовой борьбы, определяющие логический строй концепций различных направлений вульгарной экономии (в рамках данного исторического цикла времени) в его моментах тождества и в его различиях.

Возникновение и распространение австрийской, англо-американской и математической школ (деление Блюмина всей субъективной школы) относятся ко второй половине XIX столетия. Противоречиями этого этапа развития капитализма, характером и формой борьбы буржуазии против пролетариата этого исторического периода надо объяснить появление новой формы вульгарной экономии и ее неминуемое крушение.

Смысл и содержание всякой новой формы вульгарной экономии надо искать не во внешних формальных особенностях ее системы, как это делает т. Бухарин по отношению к австрийцам, подчеркивая теоретический, абстрактный характер их концепции⁸, как это делает и И. Г. Блюмин по отношению к характеристике «субъективной школы» и «социального направления», и З. Атлас, который в своем делении современной буржуазной экономии на объективную, субъективную и эклектическую школы⁹, приходит к тому, что метод Штамлера, Штольцаманна («внешнее регулирование» — первого и «телеологический метод» — второго) ничтоже сумняшеся называет «объективным методом».

Вскрыть социальную обусловленность данной системы вульгарной экономии, исходя из особенностей периода ее возникновения и распространения, раскрыть способы и формы апологетики капитализма и отрицания эксплуатации при помощи этой системы, — таковы первоочередные задачи критического разбора и разоблачения различных «школ», «систем» вульгарной экономии.

Появление работ Менгера, Джевонса, Вальраса относится к третьей четверти XIX столетия¹⁰. Этот период был периодом расцвета капитализма, кровавой расправы буржуазии с рабочими (Парижская Коммуна). В эту эпоху пролетариат уже выступает как класс для себя. Его авангардные части организуются в массовые социалистические партии, охватившие весь цивилизованный мир. В борьбе за 8-часовой рабочий день, за политические права в рамках буржуазной республики, пролетариат противопоставляет себя буржуазии, как ее крайний антипод, но в эту эпоху он еще практически не угрожает ей окончательным ее смертельным ниспровержением — диктатурой пролетариата, как это имеет место в XX веке.

Буржуазия уже не чувствовала себя полным владыкой общества, со страхом и ненавистью она относится к растущим силам социальной революции пролетариата.

Неовульгарная экономия принимает буржуазный порядок вещей как вечный, естественный. Окончательное объяснение этого порядка она находит или в голом натурализме, в физических и психических свойствах вещей («учение о хозяйстве имеет дело не с объектами, но с психическими соображениями»), или в извращенной форме проявления экономических отношений, накладывающих свою печать на физические, химические свойства вещей и психические свойства человека. Тот и другой принцип действует или равноправно, или какому-нибудь придается значение определяющего, но благодаря своей односторонности он обязательно становится определяемым (вспомните учение о субъективной ценности австрийцев, которая в конечном счете определяется ценами).

Обязательность логических кругов: объяснение меновой ценности свойствами вещей (Бем, Вальрас), свойствами субъекта (ценность как инторекция в объекте

⁸ Н. Бухарин, «Политическая экономия рантье», с. 15, 29.

⁹ Рецензия на книги Блюмина «Под знаменем марксизма», № 8—9, 1929.

¹⁰ Менгер и Джевонс 1871 г., Вальрас 1874 г.

^{10a} Р. Лифман, Grundsätze, т. I.

чувственного состояния субъекта), объяснение свойств вещей максимальной ценой (закон максимума полезности Маршалл, Бем) и др., определение цены доходами и определение доходов факторами производства *In natura*, и в этом своем природном свойстве определяющим цены. Таковы особенности всех направлений вульгарной экономии характеризуемого нами периода второй половины XIX столетия.

Но при безусловном имеющемся тождестве исходных пунктов исследования: отрицание трудовой стоимости, при полном смешении потребительной и меновой стоимости и превращения первой в основу экономического анализа (предельная полезность, максимум полезности) имеются различия, своеобразия, которые порождают, акцентируют эти различные школы (австрийская, англо-американская, лозаннская).

Эти различия, породившие своеобразные направления неовульгарной экономии в третьей и последней четверти XIX в., непосредственно обусловлены, во-первых, характером развития капитализма и содержанием классовой борьбы этой эпохи, во-вторых, конкретным содержанием этих моментов в различных странах капитализма.

Открытый фанфаронский эклектизм Маршалла, открытая циничная форма апологетики Кларка (его теория производительности капитала) и более замаскированный характер всей концепции и теории прибыли у Бема безусловно отражают особенности развития капитализма в разных странах и содержание классовой борьбы.

Бемовская «концепция» есть выпукло выраженный продукт «печальной необходимости» борьбы против все увеличивающегося в Средней Европе социалистического движения. Бемовская «теория» рельефно выделяется своим бегством из сферы общественных отношений и противоречий, овязанных со специфическим общественным способом производства, в сферу натуры¹¹: психики, вещей, времени (при объяснении прибыли). Все эти естественные феномены рассматриваются метафизически-умозрительно и поэтому не только не выражают социальных противоречий, которых они выражать не могут, но и никакого естественного противоречия, поэтому они больше всего поддаются «казуистическому» мышлению Бема, сознательной целью которого было доказать отсутствие всяких противоречий, присущих капитализму.

Концепция Кларка есть настоящее детище американского капитализма. Дух американской «предприимчивости» господствует над его теорией распределения, производительности капитала. Объяснение прибыли он считает излишним, поскольку получение последней (прибыли) капиталистом «подтверждается наглядностью ежедневного опыта и наблюдения». Предпринимательскую прибыль он подменяет сверхприбылью, и последнюю он выводит из «предприимчивости».

Его теория «ценности» также отличается от бемовской только видовыми, а не родовыми признаками. Родовым признаком для содержания «экономических» категорий неовульгарной экономии является ликвидация экономии, замена ее суррогатом (Кларк) или натурализмом (Бем).

Кривая бурного развития капитализма в САСШ при менее развитой нежели в Средней Европе форме классовой борьбы в Америке наложила свою печать на концепцию Кларка. Его апологетика нагляднее, циничнее, менее замаскирована.

Если Бем в поте лица своего роется в душе «скупого рыцаря», чтобы из различия благ для этого персонажа — «благ настоящего» и «благ будущего» — вывести свою теорию прибыли, то Кларк горделиво объясняет, что очевидное не нуждается в доказательстве, что никакой эксплуатации нет и быть не может, в противном случае в фундаменте современного общества заложены были бы взрыв-

¹¹ Для буржуазной экономии (Мальтус) и для всей вульгарной экономии бегство в сферу природы является «естественным» путем. Но особенность бемовской концепции состоит в том, что она есть «профессорская» неовульгарная экономия, вообще ликвидирующая экономическую науку под маской «последних достижений науки», обоснованной теорией «предельной полезности».

чатые вещества, готовые взорвать его. А подобного нет. Кларк, конечно, замирается, когда он заявляет об отсутствии сил, готовых взорвать капитализм, — эти силы ему и его американским коллегам также покоя не дают, как и его европейскому коллеге Бем-Баверку, хотя степень развитости классовой борьбы в САСШ была менее глубока, нежели в Средней Европе.

В 1885 г. Американская экономическая ассоциация декларирует необходимость объединения всех сил буржуазии: науки, церкви и государства против пролетариата.

В рамках рецензии нет возможности развернуть полную характеристику различных направлений неовульгарной экономии, подвергнутых разбору в работе Блюмина.

Приведенные примеры иллюстрируют необходимость самостоятельного, не только формального логического разбора отдельных концепций неовульгарной экономии, что Блюмин частично делает, а цельного разбора и разоблачения особенностей различных концепций в связи с конкретными условиями классовой борьбы, в основном определяющих форму апологетики капитала и ее «обоснования» при помощи данной экономической концепции.

Блюминское объединение всех этих «школ» под одной рубрикой «субъективной школы» надо признать неправильным. Такое «сведение» обязывает выдвигать на первый план моменты тождества, а различия остаются в тени и не анализируются конкретно в связи с условием развития капитализма и характером классовой борьбы в различных странах. При такой всеобщей постановке вопроса борьба против различных школ и направлений лишается своей конкретности и политической актуальности.

Противоречие у Блюмина явно обнаруживается, если сопоставить его объяснение «исторической школы» и «субъективной школы» политической экономии. Историческая школа совершенно правильно связывается с условиями развития капитализма в Германии, с условиями классовой борьбы в Германии. Последнее обстоятельство, подчеркнутое в исключительно глубокой и яркой форме у Маркса против Рошера, почему-то не развито в нашей литературе, направленной против исторической школы.

В противоположность правильным путям анализа и разоблачения «исторической» школы, «субъективная школа» выводится Блюминым из искусственно сконструированной «концепции» монопольной цены. И. Г. Блюмин рассматривает субъективную школу политической экономии как экономическую идеологию буржуазии эпохи монополистического капитализма. Экономические основы современного экономического субъективизма он видит в смене промышленного капитала монополистическим капитализмом и в связи с этим: а) в отрицании конкуренции¹²; б) в повышенной роли субъективного фактора организующей роли монополиста¹³:

¹² «Конкуренция развивается диалектически. Свободная конкуренция дает почву для концентрации производства. Последний процесс, в свою очередь, приводит к созданию крупных монополий и отрицанию конкуренции» (с. 79). Конкуренция действительно развивается диалектически, поэтому она при монополистическом капитализме не исчезает, а меняет свою форму, капиталистические монополии, вырастающие из свободной конкуренции, не уничтожают ее, «а существуют над ней, рядом с ней, тем самым порождая ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов» (Ленин). Диалектика Блюмина не соответствует действительности, искажает ее.

¹³ «Размер общественного предложения устанавливается не стихийно (?!), а в значительной степени определяется сознательной волей королей промышленности». Монополист... выступает в роли активного фактора, воздействующего на общественное воспроизводство и регулирующего процесс образования цен» (с. 80). Заметьте, читатель, «общественное предложение» устанавливается субъективными факторами, а не стихийно.

г) в усиленной роли спроса¹⁴, по существу регулирующей по Блюмину монопольные цены, поскольку они не зависят от субъективной роли монополиста; д) в ликвидации по существу закона ценности¹⁵. Все эти моменты и являются по Блюмину той объективной экономической основой, на которой возник современный экономический субъективизм.

Чтобы обосновать экономическое содержание неувульгарной экономики, Блюмин извращает действительное экономическое содержание монополистического капитализма: он отрицает конкуренцию, закон стоимости, подчеркивает определяющую роль спроса, определяющую роль личного фактора в предложении, возможность частичного, планового регулирования отдельных производств (хотя ограниченного и узкого), но все же уничтожающего конкуренцию между отраслями производства. Затем он конструирует монопольную цену, в основном зависящую от спроса и предложения; природой этой монопольной цены Блюмин объясняет экономическую природу «субъективной школы в политической экономии».

Логическая цепь объяснения такова: исходный пункт исследования — монопольная цена. В определении монопольной цены закон спроса играет «весьма важную роль» (с. 84), теория спроса в свою очередь связана, «имеет некоторые точки соприкосновения» с теорией потребностей (с. 84). Теория спроса объясняет теорию потребностей, а теория потребностей служит исходным пунктом объяснения спроса (с. 85).

По поводу «концепции» Блюмина о роли монопольной цены как исходного пункта анализа, а также того, что монопольная цена является предметом исследования субъективно-психологической школы, о роли спроса и других моментах, о которых будет речь ниже, необходимо заметить, что они позаимствованы из XV главы «Финансового капитала» Гильфердинга. Последний пишет: «...излюбленной темой психологической школы — «объяснение» монопольной цены, и здесь она, исходя из ограниченности запаса товаров, хотела бы представить все цены монопольными ценами» (с. 286). По Гильфердингу монопольная цена «не поддается объективно-теоретическому анализу», уровень ее «можно понять лишь психологически субъективно» (с. 256). Блюмин тоже исходит из этого взгляда на

¹⁴ «Закон спроса становится центральным фактором, определяющим высоту цен в тех условиях, где должен происходить . . . процесс приспособления спроса к предложению. Это имеет место при естественной монополии или монополии, ограниченной сознательной волей монополиста» (с. 31—32).

¹⁵ «Монополист прежде всего зависит от всех изменений спроса и еще от цен конкурентных по отношению к данному товару товаров» (с. 80). (Следовательно, монопольные цены, с одной стороны, — со стороны предложения определяются субъективными факторами, «сознательной волей королей промышленности», а с другой стороны, спросом или ценами товаров, конкурирующих с данными товарами. Это означает, что монопольные цены определяются спросом и предложением или ценами. Типичнейшая тарбарщина вульгарной экономики, основанная на *petitio principii*. При такой роли спроса и предложения теорию ценности безусловно можно выкинуть за борт.

«Поэтому цены перестают тяготеть к определенной устойчивой точке — ценности» (с. 81). Речь конечно должна идти не об «устойчивой точке», а об определяющем движении цен моменте. Но это оставим в стороне и обратим внимание на дальнейшую формулировку определения цен спросом и предложением: «Амплитуда колебания цен значительно расширяется. На основании теории ценности можно определить лишь общие пределы, колебания монопольных цен, причем эти пределы являются в достаточной степени широкими . . . настолько «общими и широкими, что автор о них не может сказать ничего определенного. Зато дальше формулировка точна: . . . «внутри этих пределов монопольные цены могут устанавливаться на различной высоте в зависимости от соотношения спроса и предложения» (с. 81).

монопольную цену. Поэтому все ее составные элементы, по мнению нашего автора, суть: субъективный фактор, спрос, цены — идейный арсенал концепции субъективной школы о цене вообще и о «монопольной» цене.

Но есть ли в действительности учение «субъективной школы» (в блюминском определении) учение о монопольной цене, и о какой монопольной цене идет речь у Бема и *tutti quanti*.

Австрийцы, англо-американцы и др. представители неовульгарной экономики конструируют абстрактные, универсальные законы (абстрактное здесь употребляется в смысле пустой, не реальной абстракции). Этими законами они объясняют поддающиеся внешнему описанию видимости явлений.

То, что они (неовульгарные экономисты) явления между собой связанные отделяют друг от друга непроходимой пропастью и изображают их как изолированные метафизические сущности, соединяя их в случайные взаимоотношения лишь рассудочным путем (соединение *homo economicus* с *homo economicus* 'ом индивида (отъединившегося) с природой, с потребительной стоимостью и т. д.), Блюмин воспринимает как их развернутое учение о многосторонних формах монополии.

Универсализированный, абстрактный закон ценообразования, распространяемый субъективистами на все и всяческие случаи обмена, как он проявляется в видимостях явления, Блюмин объясняет влиянием монопольной цены на том основании, что объективисты (в данном случае в пример возьмем австрийцев) при анализе цены исходят из изолированного обмена, в котором участвуют всего лишь два лица. Следовательно, они берут случай, исключаящий конкуренцию. Когда они переходят к анализу односторонней конкуренции, они фактически рассматривают монополию на стороне покупателей и продавцов, лишь затем они переходят к рассмотрению двусторонней конкуренции и приходят они к тому, что законы, определяющие цены, по мнению Менгера, одинаковы для монополии и свободной конкуренции (с. 82).

Основное заблуждение Блюмина состоит в том, что он разорванные, изолированные, отчужденные друг от друга видимости явления, которые в своем извращенном виде пронизывают все учение неовульгарной экономики, рассматривает как многостороннее проявление угнетения о монополии, что он навязывает вульгарной экономике исследование действительных экономических явлений и тем ставит под сомнение марксистскую критику содержания вульгарной экономики.

С другой стороны, Блюмин впадает в явное противоречие. Если монополия действительно господствует и конкуренция «отмирает», если «субъективисты» изучают только монопольную цену, зачем им строить законы цены, одинаковые для монополии и свободной конкуренции? Или может быть И. Ф. Блюмин предполагает, что субъективисты не согласны с его «диалектическим» объяснением конкуренции и протаскивают последнюю помимо лимитирующего действия монопольной цены. Но это не только невероятно и парадоксально, но и просто вредная и бессмысленная апология неовульгарной экономики; это было бы равносильно признанию, что «субъективная школа» действительно объясняет явления ценообразования в условиях свободной конкуренции и господства монопольных цен. В самом деле, мы имеем дело с тем, что неовульгарные экономисты (австрийская, англо-американская, лозаннская школы) конструируют универсальные законы и описывают всевозможные случаи обмена от Робинзона и Пятницы до обмена в капиталистическом обществе, случай изолированного обмена, односторонней конкуренции, фактически базированной на монополии со стороны продавцов и со стороны покупателей, двусторонней конкуренции и т. д. Все эти моменты суть внешние формы проявления обмена, схваченного рассудком, отдельные элементы обмена, как они проявляются на поверхности и доступны «ученой классификации» и возведенные до степени внеисторических, всеохватывающих законов.

Гвоздь концепции субъективистов не в анализе моментов, определяющих монопольную цену (как это изображает Блюмин), а в подведении всех возможных случаев обмена, как они проявляются на поверхности, под общий абстрактный, вне исторический закон.

Подведем краткий итог учения Блюмина о монопольной цене.

Первое. Блюмин приписывает объективистам, что они объясняют монопольную цену.

«Теория цен австрийцев есть лишь частный случай теории цен, именно эта теория есть теория монопольных цен» (с. 129).

Второе. Блюмин полностью разделяет теорию цены невульгарной экономики («субъективной школы»): «Мы не можем не согласиться с основным выводом последнего (Энглендера), что максимальные цены зависят не только (?) от характера потребностей (?), но и от общей платежной способности покупателя и цен других товаров (?!)...» (с. 117). И только? А Блюмин максимальную цену отождествляет с монопольной ценой. Следовательно монопольная цена зависит не «только от характера потребностей», но и от платежеспособного спроса и других цен. Под этим подпишется не только Энглендер, но и Маршалл, Кассель, Шапшников, Юровский, и другие представители открытого эклектизма современной невульгарной экономики.

Третье. Отсюда понятно извращенное понимание Блюминым различия между трудовой стоимостью Маркса и субъективной «теорией» ценности австрийцев. Особенно рельефно Блюмин это выразил во втором томе его «Субъективной школы»: «Можно ли остановить экономический анализ на изучении объективного механизма цен или же надо продолжать его и вступить в дальнейшую фазу, в область субъективных оценок?»

Лежат ли субъективные оценки по ту сторону экономического анализа, можно от них абстрагироваться или нет — вот основной вопрос, основной источник расхождения между психологической школой и трудовой теорией ценности» (том, II, изд. 1-е, с. 37).

Следовательно различие между марксистской теорией стоимости и субъективной «теорией» ценности только в пределах абстрагирования.

Тут явное непонимание марксизма. Сводить расхождение между Марксом и австрийцами, между теорией трудовой стоимости и субъективной «теорией» ценности к роли субъективных оценок, значит предать забвению все содержание марксистской теории ценности и скатиться в болото вульгарной экономики.

У Маркса развитие каждой категории соответствует развитию производственных отношений, абстрактным выражением которых они являются. Теория трудовой стоимости Маркса есть абстрактное, теоретически последовательное отражение и объяснение исторического развития товарного способа производства. С одной стороны, она характеризует исторически определенную форму общественного производства, с другой стороны, она в своем развитии и модификациях в деньги, капитал, цену производства и т. д. развивает все стороны развитые отношения и противоречия буржуазного способа производства.

Теория ценности австрийцев есть схваченная в отчужденной и извращенной форме видимость экономического явления, окаменевшая в форме отношения индивида, абстрактного, уродливого homo economicus'a к вещи, рассматриваемой в извращенной форме.

Никакого отношения к объяснению действительного исторического процесса развития буржуазного общества эта теория не имеет.

Ее единственное отношение к этой действительности выражается в том, что она является одной из форм вульгарной экономики, появившейся на той ступени исторического развития капитализма, когда его классовые противоречия достаточно обнаружены и когда вульгарная экономика должна отразить экономическую, политическую и теоретическую борьбу пролетарского социализма.

Для Блюмина вся разница между марксизмом и неовульгарной экономией в «пределах абстрагирования», в «субъективных оценках», поэтому ничего удивительного нет в том, что Блюмин приписывает вульгарной экономике объяснение ее действительности.

Далее. При рассмотрении субъективной школы как экономической идеологии монополистического капитализма Блюмин совершает целый ряд ошибок.

Первое, — он отождествляет монополистический капитализм с «организованным» капитализмом: отрицание конкуренции, ценности, роль субъективного фактора и т. д.

Второе, — он подменяет действительный исходный пункт исследования неовульгарной экономики — идиллию организованного капитализма, покоящуюся на теории статики (равновесия), их попыткой как-будто бы объяснить экономические особенности монополистического капитализма.

Отсюда вытекают следующие противоречия: а) субъективная школа возникла и распространила свое влияние во второй половине XIX столетия, а по Ленину в XX веке, вот поворотный пункт от капитализма свободной конкуренции к капитализму монополистическому. Объяснять не господствующий еще монополистический капитализм вряд ли могли «даже» «субъективисты»; б) существенной особенностью (если не основной их особенностью) вульгарных школ политической экономики является их сезонность. Выражаясь словами Вем-Баверка, можно сказать, что для буржуазии, для защиты интересов господствующей части буржуазии, всякая форма вульгарной экономики является только «благами настоящего», а не «благами будущего», как это изображает Блюмин, рассматривая концепцию неовульгарной экономики как идеологию монополистического капитализма; в) именно в эпоху монополистического капитализма австрийская школа, учение которой пользовалось наибольшим распространением в буржуазной экономике, переживает смертельный кризис. Следовательно объяснение социальных корней субъективной школы политической экономики по Блюмину не только вызывает сомнение, но далеко не соответствует историческ'ой действительности и экономически несостоятельно.

Чтобы покончить с анализом проблем монополистического капитализма, необходимо отметить что Блюмин финансовый капитал понимает в гильфердинговском смысле, как сращение «промышленного и денежного капитала в руках банков», но, с другой стороны, мы узнаем интересную «новость», что в эпоху империализма «торговый капитал становится в подчиненное положение по отношению к промышленному капиталу» (с. 89).

Интересно, как читает автор произведения Маркса. В III томе «Капитала», ч. 1, гл. IV, Маркс специально говорит о том, как торговый капитал из формы господствующей, предшествующей промышленному капиталу становится в подчиненное положение, превращается в подчиненную форму промышленного капитала. Об этом он говорит и в других своих сочинениях.

Блюмин также отступает от марксизма, когда он учение вульгарной экономики о проценте связывает с финансовым капиталом — с особенностями только финансового капитализма. Маркс во второй части третьего тома «Капитала», в третьем томе «Теорий» специально анализирует, бичует вульгарную экономию, которая сводит процент — к капиталу, ренту — к земле и зарплату — к труду. То, что является особенностью всей вульгарной экономики, неовульгарной экономики в том числе, Блюмин выводит из исторических особенностей и свойств монополистического капитализма. Вот, что пишет Блюмин: «Всякий капитал рассматривается как фиктивный капитал. В связи с этим у большинства субъективистов капиталистическая прибыль сводится лишь к одной из своих составных частей — к проценту» (с. 90).

Возражению подлежат два момента. Первое. То что капиталистическая прибыль заменяется процентом — это особенность не только неовульгарной экономики (Кларк, Шумпетер и т. д.), но и всей вульгарной экономики. Маркс пишет

«капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата, причем благополучно устраняется прибыль...» (т. III, ч. 2, с. 286). Такова «теория» распределения вульгарной экономии.

И второе, что это явление — капитал — процент — свойственно только субъективистам как экономической идеологии монополистического капитализма. Маркс пишет, что вульгарная экономия именно «в форме проявления экономических отношений, которая отчуждена от них и в которой они *prima facie* принимают плоский характер и полны противоречий... именно здесь вульгарная экономия чувствует себя совершенно как у себя дома» (с. 259), «...вульгарный экономист и предпочитает формулу: капитал — процент, с таинственным свойством стоимости быть неравной себе самой, формуле: капитал — прибыль, так как последняя уже подходит к действительному капиталистическому отношению».

Следовательно и теорию процента неовульгарной экономии нельзя рассматривать как порождение монополистического капитализма и господства в нем фиктивного капитала, как это пытается изобразить Блюмин.

Заканчивая разбор общей части, являющейся как бы кратким содержанием всей книги, необходимо подчеркнуть, что методологические исходные пункты критики неовульгарной экономии Блюминым ничего общего не имеют с марксизмом. Как курьёз можно отметить, что на основе тех признаков, которые Блюмин считает решающими для современного экономического субъективизма: учение о спросе и предложении, о проценте, связь спроса с потребностями, полезностью, — можно экономическими идеологами монополистического капитализма объявить не только Бема, Кларка, Маршалла, Вальраса, но и огромное количество «теоретиков» вульгарной экономии и даже учение Кондильяка, и т. д.

Дать критический разбор критики Блюминым отдельных школ, по отдельным проблемам у нас нет возможности в рамках и так уже затянувшейся рецензии. К этим вопросам необходимо вернуться в специальных статьях, посвященных критическому разбору отдельных направлений неовульгарной экономии конца XIX столетия.

В дальнейшем попытаемся главным образом подвергнуть разбору только переработанные заново главы рецензируемой работы (по сравнению с первым изданием). Этому принципа мы по существу придерживались и до сих пор, ибо и первая глава, выше подвергнутая критике, также заново переработана И. Г. Блюминым.

Во второй и третьей главе Блюмин пишет, что он «заново переработал критику учения Кларка о статике и динамике».

Интереснее всего то что именно в этой заново написанной критике Блюмин наиболее заметно обнаруживает: 1) свое полное бессилие понять сущность неовульгарной экономии, 2) что он полностью оказался в сетях неовульгарной экономии, 3) свое исключительное усердие растворить учение Маркса в экономических категориях вульгарной и неовульгарной экономии.

Местом, соединяющим Блюмина с Кларком, является теория равновесия статики и динамики. Для Блюмина закон ценности является «законом равновесия товарного общества (с. 298).

Статику Блюмин в согласии с Кларком и К⁰ рассматривает как проблему «об условиях равновесия»... «статическое состояние совпадает с устойчивым равновесием в данной экономической системе» (с. 300). А по Кларку «статика... объясняет законы и условия равновесия» (с. 292). Следовательно в определении статики Блюмин верно интерпретирует своего учителя — Кларка. Но Блюмин чересчур уже увлекся экономической тарабарщиной, которая так ему затуманила голову, что он окончательно запутался и приписывает Марксу то, что принадлежит только ему, Кларку и *tutti quanti*. Оказывается определение, что «статическое состояние совпадает с устойчивым (!) равновесием в данной экономической системе», есть по Блюмину «экономическая статика с точки зрения Маркса» (с. 300).

Не знаю, началось ли исследование Блюмина трагедией, но кончается оно фарсом, хотя и не принадлежит к роду великих событий.

В самом деле, приводя цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина против теории равновесия, открывающей дверь «всяким шатаниям от материализма к идеализму» (Ленин), Блюмин рассудку вопреки приписывает Марксу кларковскую концепцию статики и динамики.

Динамику, опять-таки в согласии с Кларком, Блюмин рассматривает как проблему «причины изменения равновесия».

Но будем справедливы к «критике» нашего «критика». Он не во всем согласен с учением Кларка о статике и динамике. В то время как Кларк, верный содержанию метафизических категорий «статики» и «динамики», разрывает их, Блюмин требует их «единства» на основе проповедуемой им теории равновесия.

Выводы: 1) Блюмин целиком разделяет методологию вульгарной и неовульгарной политической экономии в вопросе равновесия и динамики.

2) Он не понимает, что теория равновесия служит колыбелью теории «организованного» капитализма. Нормализация, идеализация, гармонизация капитализма — такова суть всякой апологетики капитала. Теория равновесия «статики» и «динамики» есть цитадель апологетики.

3) Безобразным опощением учения Маркса со стороны Блюмина является подмена марксизма вульгарной экономией, приписывание Марксу концепции Кларка. Марксова теория воспроизводства, его анализ простого воспроизводства отождествляется Блюминым с учением Кларка о стационарном хозяйстве. «Интерпретируя» Маркса, Блюмин пишет: «Таким образом, простое воспроизводство предполагает неизменную технику, неизменную величину населения, неизменный уровень потребления, т. е. фактически предполагает существование стационарного хозяйства». (с. 302).

Кларковские признаки статического хозяйства, его «героически умышленной концепции» выставляются Блюминым в качестве признаков, характеризующих учение о простом воспроизводстве у Маркса.

Характеристику специфически исторического характера воспроизводства общественного капитала (деление общественного продукта на $C+V+m$ определение закономерностей и условий процесса воспроизводства в его специфически исторической форме Блюмин подменяет понятием стационарного (!?) хозяйства.

4) Блюмин боится нарушить устои своей концепции, позаимствованной им у Кларка, и прямо ревизует Маркса в вопросе о значении простого воспроизводства в учении Маркса о воспроизводстве. «Мы не будем останавливаться на вопросе, является ли теория простого воспроизводства обязательной и необходимой ступенью анализа воспроизводства или же Маркс ввел эту рубрику (!?), для облегчения понимания законов расширенного воспроизводства в целях популяризации своего учения».

Почему автор не хочет «останавливаться на вопросе», который подвергался ревизии у Струве и др., и как типичный эклектик виляет между различными методами исследования. В то время как Маркс пишет, что простое воспроизводство и при накоплении «реальный фактор» и поэтому как реальная сторона процесса воспроизводства общественного капитала он им исследуется, Блюмин не может порвать со Струве и фактически с идеализмом Кларка и К⁰ и рассматривает вместе с ними абстракции только как («Denkmittel») познавательную категорию в смысле кантовской философии.

5) Беспремерную путаницу Блюмин обнаруживает в том, что он, с одной стороны, сводит все содержание учения Маркса к количественным закономерностям и их природе, и теории динамики капитализма (с. 303—304), а затем заявляет, что во избежание «терминологической путаницы» следует отказаться от всяких попыток усматривания в экономической системе Маркса элементов статики

и динамики (с. 304). Разрешите вам заметить, запутавшийся «критик», что по вашему опыту, по вашей собственной путанице между марксизмом, который вы, кстати, опошляете, и неовульгарной экономией, к которой вы безусловно во многом примыкаете, нельзя судить о действительном различии между марксизмом и неовульгарной экономией.

Дело безусловно не в терминологической путанице!

Теория «статики» и «динамики» есть идейный арсенал вульгарной и неовульгарной экономики. Кто подсовывает марксизму такие «концепции», тот открыто и безоговорочно подменяет диалектический материализм буржуазной теорией метафизического равновесия.

Книга Блюмина вредная, опошляющая и ревизирующая марксизм. Она явно распространяет вредные буржуазные концепции подчас под прикрытием марксистской фразеологии. Остается непонятным, как Коммунистическая академия издавала эту книгу, усиленно рекомендуя ее читателю.

ЗАДАЧИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ФРОНТА В ОБЛАСТИ ТЕХНИКИ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

I

Основоположники марксизма-ленинизма всегда уделяли чрезвычайно большое внимание вопросам техники, изучая тенденции развития техники и противоречия технического прогресса в условиях капитализма. Это относится и к Марксу, и к Энгельсу, и к Ленину.

Ленин писал еще в 1901 г., что: «Экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо, кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом: середины тут нет и быть не может» (т. IV, изд. 3-е, с. 208).

Это положение приобретает особенно важное значение в настоящее время для СССР, в условиях социалистической стройки.

Социалистическая реконструкция народного хозяйства СССР — коренная перестройка производительных сил и производственных отношений в нашей стране теснейшим образом связана с технической реконструкцией всего народного хозяйства, с подведением новой технической базы под наше народное хозяйство, с электрификацией и механизацией, с химизацией, с внедрением по всему хозяйственному фронту передовой техники.

Необходимо помнить завет Ленина: «Всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя, ибо только тогда мы в состоянии будем пересечь, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищут и не могут не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» («Лучше меньше, да лучше»).

Вопреки предсказаниям оппортунистов всех мастей и правых оппортунистов в первую очередь, социалистическое строительство в СССР идет по крутой кривой вверх, о чем ярко свидетельствуют успехи первых двух лет пятилетки — высокие и нарастающие темпы роста продукции, значительное превышение предположений пятилетнего плана как в отношении продукции, так и в отношении капитальных вложений в промышленность, сельское хозяйство и транспорт, а также относительно темпов коллективизации сельского хозяйства.

Успехи первых двух лет пятилетки дали возможность наметить такой народнохозяйственный план на 1931 г., который предусматривает небывалые в мировой истории темпы развития народного хозяйства.

Так например по каменному углю процент прироста намечен на 1931 г. в 47,6%; по чугуну — в 52,8%; по нефти — в 35,4%; по электротехнике — в 84,5%; по тракторам — в 241,5%. Эти небывалые в истории темпы развития народного хозяйства гарантируют прирост продукции нашей промышленности за один год в физическом объеме, равном объему всего довоенного производства. В результате, промышленность к концу 1931 года превысит довоенный уровень в 3 раза, в то время как к началу этого года превышение равнялось примерно 2.

Эти темпы и масштабы роста в развитии нашего народного хозяйства связаны с качественными изменениями в структуре народного хозяйства, с завершением в 1931 году постройки фундамента социалистической экономики. Такие количествен-

ные темпы и масштабы должны сопровождаться соответствующими качественными сдвигами той техники и тех методов организации производства, которые обеспечат разрешение задачи в кратчайший срок «догнать и перегнать» в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны. Наиболее успешно разрешить эту задачу можно только на основе последовательного применения к вопросам техники марксистско-ленинской диалектики.

Вот почему теоретическое овладение областью техники и технической политики стало актуальнейшей задачей, работу над которой необходимо развернуть немедленно. Большого внимания по отношению к проблемам техники требуют от нас в настоящий момент и уроки раскрытого в последнее время вредительства, проникающего почти во все отрасли народного хозяйства. Энгельс в своем письме к Бебелю, написанном в 1891 г., предупреждал, что при взятии пролетариатом власти «техники будут нашими принципиальными врагами и будут обманывать и предавать нас, как только смогут».

Хотя со времени этого письма Энгельса до наших дней прошло около 4 десятков лет, однако, значение этих мыслей Энгельса не потеряло и по сей день своей остроты. Область техники, науки о технике и технической политики является предметом и ареной классовой борьбы, в которой пролетариату, строящему социализм, приходится преодолевать ожесточенное сопротивление капитализма и его агентов и бороться за свою победу точно так же, как и в других областях.

Если широкие слои инженерно-технических работников все более втягиваются в социалистическое строительство, то верхушка инженерства, связанная своими корнями с прошлым, систематически обманывала и предавала нас, что наиболее ярко выявилось на последнем процессе Промпартии. Те прорывы, какие были у нас по отдельным отраслям народного хозяйства в связи с вредительством в технике, заставляют весь рабочий класс и его авангард — коммунистическую партию — в максимальной степени насторожиться и направить решительным образом свое внимание на марксистско-ленинское изучение вопросов техники, что требует изучения их в неразрывной связи с практическими задачами социалистического строительства.

Тов. Сталин год тому назад в своем выступлении на I Всесоюзной конференции аграрников-марксистов вновь сигнализировал партии о значении теории для дела социалистического строительства и о нашем отставании в области теоретической работы, далеко не поспевающей за требованиями социалистического строительства.

Это положение Сталина, верное в отношении всех областей марксистской теоретической мысли (экономики, аграрного вопроса, философии, естествознания и т. д.), приобретает особенный смысл применительно к марксистской работе в области техники, где мы до сих пор имеем не то, что отставание, но почти полное отсутствие марксистской теоретической работы в этой важнейшей области нашего действия.

Это положение объясняется недостатком марксистских кадров, работающих в области техники, и неизжитой еще до сих пор недооценкой, а часто даже непониманием значения и необходимости теоретической работы марксистов в этой области.

Последние дискуссии на теоретическом фронте выявили в разных областях теории наличие среди партийцев философов, экономистов, естественников и др. антимарксистских меньшевистствующих уклонов как механистического, так и идеалистического характера.

На технологическом фронте — одном из важнейших участков классовой борьбы — мы имеем даже в широкой среде партийных инженеров и хозяйственников наличие таких же уклонов, хотя и недостаточно еще выявленных.

Неумение применить марксистско-ленинскую методологию в области техники находит у нас свое наиболее яркое выражение в не критическом восприятии установок буржуазных техников.

Крайне немногочисленные марксистские силы, которые могли бы быть брошены на научную работу в области техники, не были своевременно мобилизованы на эту работу и сами на нее не шли, а те, кто работал в этой области, запоздал с решительной острой постановкой этой проблемы. Комакадемия, обязанная организовать научную работу марксистов во всех областях теории и практики, обернулась лицом к технике лишь в самое последнее время и то недостаточно. Если отставание Комакадемии имело место по всем областям теоретической мысли, то особенно острый характер оно носит на фронте техники.

Темпы работы в области марксистской методологии техники и технической политики ни в какой мере не соответствуют тем задачам, которые стоят в этой области перед партией и социалистическим строительством.

Необходим решительный перелом, нужен резкий поворот к внедрению марксистско-ленинской методологии в область техники и технической политики; этот поворот должен проводиться на основе самой решительной самокритики, не взирая на лица.

II

На ближайший период работа марксистско-ленинской теоретической мысли в области техники и технической политики должна развертываться по следующим основным линиям:

1. Необходимо по-большевистски взяться за разработку марксистской истории техники, «той критической истории технологии», о которой писал еще Маркс, и развить на позднейшем материале те теоретические основы, которые были даны Марксом в известных главах (XI, XII, XIII) I тома «Капитала» и вообще в работах Маркса, Энгельса и Ленина.

Необходимо немедленно полностью выявить, систематизировать и разработать наследие Маркса, Энгельса, Ленина в области проблем техники, представляющее собой стройную, руководящую систему взглядов.

Необходимо большевистскими темпами выполнить указания Ленина относительно того, что «продолжение дела... Маркса должно состоять в диалектической обработке истории... техники» (последнее слово подчеркнуто нами (см. «IX Ленинский сборник», с. 139)). Важнейшим и основным законом марксистско-ленинской диалектики является практический характер нашей теории, поэтому критическая разработка истории мировой техники должна упираться в изучение современных технических сдвигов и завершаться критической историей советской техники; исторический анализ советской техники за 13 лет существования советского государства должен быть проведен с достаточной теоретической глубиной и широтой охвата и быть поставлен на службу актуальных проблем нашей технической политики.

В деле разработки марксистской истории техники пока сделаны только первые шаги. В частности Секцией техники Комакадемии разработан и опубликован лишь первый опыт программы по марксистской истории техники (см. издание Наркомпроса РСФСР, 1930), которая должна преподаваться в вузах, согласно указаниям ноябрьского пленума ЦК 1929 г.

Однако разработка марксистской истории техники (как и истории естествознания) и ее преподавание идет черепашьими темпами в виду крайней недостаточности кадров, работающих в этой области, имеющих возможность сосредоточиться на этом трудном деле и вести его достаточными темпами.

2. Неотложной проблемой, которая должна разрабатываться марксистской теорией, является изучение технических сдвигов современного капитализма в целях критического анализа этих сдвигов как в их сопоста-

влении с загниванием капитализма и воздействием их на условия труда и классовую борьбу пролетариата, так и в связи с задачами технической реконструкции, стоящими перед народным хозяйством СССР.

Импортируя технику передовых капиталистических стран, мы должны углубить марксистским методом критический анализ достижений мировой капиталистической техники с тем, чтобы импортировать действительно передовые достижения мировой техники и именно те, которые соответствуют путям социалистического развития нашего народного хозяйства.

3. Теоретическая работа как в области «критической истории технологии», так и в области технических сдвигов современности, должна быть подчинена самой важной и неотложной задаче разработки проблем нашей технической политики с тем, чтобы привести ее в полное соответствие с задачами социалистической реконструкции страны. Необходимо максимально использовать все преимущества нашего планового хозяйства, которые и на участке техники имеют решающее значение. Разработка и внедрение марксистско-ленинского метода в методологию нашего хозяйственно-технического планирования являются важнейшей теоретической задачей.

Марксистская теория должна прежде всего дать ответ на вопрос о наиболее правильных и целесообразных путях развития электрификации как одной из важнейших основ построения социализма. Положение Ленина «коммунизм есть советская власть плюс электрификация» должно стать стержнем теоретической и практической работы в области технической политики и разработки путей технической реконструкции в СССР. Пути применения электричества не только в качестве двигательной силы, но также в металлургии, электрохимии, сельском хозяйстве, воздействие электричества на создание новых типов машин, производственных процессов и отношений должны быть разработаны марксистской теорией быстрыми темпами.

Должна быть развернута большевистскими темпами марксистская разработка технических основ нового генерального плана развития народного хозяйства СССР. Если 10 лет тому назад план ГОЭЛРО давал первые наброски в этой области, то сейчас марксистская техническая мысль должна дать дальнейшие установки для наиболее полного выявления природных богатств страны и наиболее целесообразного выбора путей технического развития СССР на базе электрификации, механизации, химизации, на базе всех достижений современной техники, в целях быстрого построения социализма в нашей стране.

Марксистско-ленинскому анализу должны быть подвергнуты все новые типы и виды разнообразных машин, их агрегатов, предприятий и их комбинатов с точки зрения их соответствия путям социалистического развития нашего народного хозяйства. В связи с этим должны разрабатываться проблемы и методы максимальной механизации всех производственных процессов и ее высшей ступени — автоматической системы машин, в целях наиболее полного высвобождения человека для работы по управлению и контролю над машинами.

Громадной задачей теоретической работы в области техники является изучение тенденций и методов технического развития в сельском хозяйстве. Необходимо, в связи с сплошной коллективизацией и строительством колхозов уже теперь идти по совершенно новым, непроторенным путям, разрешая задачу новых методов и типов хозяйств, а также конструирования новых типов машин и их агрегатов для обслуживания небывалых в мире по размерам и характеру организации сельскохозяйственных предприятий. Техническая революция в сельском хозяйстве СССР, перестраивающемся на совершенно новых социалистических основах, должна явиться мощным фактором ускорения процесса ликвидации противоречий города и деревни — методы и пути этого процесса должны постоянно стоять в поле зрения марксистского фронта.

4. В соответствии с требованиями обеспечения наиболее быстрых темпов социалистического развития народного хозяйства должны быть подвергнуты анализу марксистско-ленинским методом новые пути организации технологических и производственных процессов.

В частности, необходимо добиться наиболее быстрой разработки теории предвиденного еще Марксом непрерывного поточного производства и его поднятия на высший уровень, соответственно условиям социалистического производства.

Проблемы социалистической рационализации выдвигают перед марксистской теорией ряд вопросов об отношении человека к машине, о путях организации труда и производства на базе новых форм труда — социалистического соревнования, ударничества, встречных промфинпланов и т. д.

Марксистская рационализаторская мысль должна заняться методологией организации производственных комбинатов, объединяющих предприятия разных отраслей народного хозяйства. Марксистский анализ техники и организации производства должен определить методы выбора наиболее целесообразных размеров этих комбинатов и наиболее целесообразных путей специализации и кооперирования разнообразных производств.

Социалистическая стандартизация, при помощи которой советское государство имеет возможность через стандарт внедрять в наше хозяйство передовую технику, бороться за улучшение качества продукции, за ускорение и удешевление строительства, — социалистическая стандартизация и ее методология должны также служить предметом постоянного внимания теоретической марксистской мысли. Если на Западе мы имеем ряд работ по стандартизации применительно к условиям капиталистического хозяйства, то у нас нет почти никаких работ в области социалистической стандартизации, этого одного из важнейших орудий технической политики советского государства.

5. Марксистская работа в области техники должна в ближайший период дать также ответ на актуальные методологические вопросы отдельных отраслей техники — энергетики, металлургии, машиностроения, химии, транспорта и строительства (промпредприятий и социалистических городов в первую очередь).

Совершенно ясно, что все вышеуказанные вопросы нашей технической политики и теории должны разрабатываться во всех их технологических деталях в соответствующих специальных научно-технических институтах; однако основные методологические проблемы должны быть, кроме того, специально выделены для разработки в центральных научно-исследовательских марксистско-ленинских учреждениях.

6. Назревшей задачей является также разработка смежных проблем техники и естествознания, технической математики и технического естествознания, взаимозависимости и взаимосвязи техники и естествознания. В организации и осуществлении этих работ марксистский технический фронт должен принимать самое деятельное участие.

7. Марксистско-ленинская теория должна форсировать также работу в области военной техники и всю теоретическую и практическую работу в области техники увязать с задачами обороны нашего Союза и наоборот, достижения в области военной техники использовать для социалистического строительства.

8. Важной задачей является изучение характера технического прогресса в наше время — методов изобретательства, задач и форм научно-исследовательской работы в области техники как в условиях современного капитализма, так и в условиях пролетарской диктатуры. Необходимо поставить в порядок дня вопрос о том, насколько научно-технические институты и изобретательские организации и учреждения (в особенности работающие в них коммунисты) применяют в своей работе марксистско-ленинский метод, и

насколько их работа соответствует требованиям и задачам социалистического строительства.

9. Важнейшей задачей, стоящей перед марксистско-ленинской мыслью в области техники, является разоблачение фетишизма буржуазной науки и техники, который, особенно вследствие влияния вредителей в ряде областей техники, нашел себе яркое выражение в печатных работах, в учебных пособиях, в технической практике и в преподавании технических дисциплин. Фетишизм буржуазной науки выявляется у многих техников например по линии их отношения к основному капиталу и рабочей силе, рассматриваемым в отрыве от производственных отношений пролетарской диктатуры. Фетишизм буржуазной науки сказывается и в некритическом перенесении в условия пролетарской диктатуры капиталистических методов решения технических задач и в непонимании того, что техника и технические науки являются аренной классовой борьбы и что пролетариат должен и в эту область внедрить свою классовую марксистско-ленинскую методологию.

Необходимо разоблачать и решительно преодолевать влияние этого фетишизма (а подчас и непосредственно вредительских установок) на отдельных техников и хозяйственников-коммунистов, фактически шедших на поводу у вредителей. Беспощадная борьба, не взирая на лица, должна быть объявлена технической косности, робости, неумению, а зачастую и нежеланию максимально использовать творческую энергию и инициативу рабочего класса. Эта энергия и инициатива рабочих масс не только создает возможность наших небывалых темпов технического развития, но открывает новые пути и методы и новые возможности массового изобретательства и коллективного творчества в технической области.

Фетишизму буржуазной науки должна быть противопоставлена борьба за разработку путей социалистической техники в полной увязке этой техники с новыми производственными отношениями, перестраивая которые пролетариат организует на наших глазах совершенно по-новому невиданной мощности производительные силы.

Важнейшей и злободневнейшей задачей работы в области техники является изучение методов научного вредительства в области техники. Должны быть вскрыты методы вредительства в области техники и науки о технике с тем, чтобы предупреждать возможность дальнейшего вредительства.

Необходимо наряду с разоблачением и преодолением фетишизма буржуазной науки, развить особенно активную борьбу с извращениями марксизма, в первую очередь с проявлением механицизма и с непониманием характера социалистического производства (теория о человеке, как приатке к машине, скептицизм по отношению к рабочему изобретательству, или например мнения некоторых хозяйственников в Сталинграде о несовместимости непрерывного потока и конвейера с соцсоревнованием и т. п.).

Важнейшей задачей на путях борьбы за марксистско-ленинскую теорию в области техники и технической политики является борьба с правым оппортунизмом, пытающимся задерживать темпы индустриализации страны, не понимающим того, что наша система открывает, новые невиданные возможности использования самой капиталистической техники и т. д. Точно так же необходима решительная борьба с «левым» прожектерством, забегающим вперед при решении ряда задач технической реконструкции (как например противопоставление электропахоты тракторизации). Решительная борьба должна быть объявлена «левым» заскокам, проявляющимся в недооценке необходимости использования нами достижений передовой техники капитализма.

III

Наиболее полное и быстрое разрешение вышеперечисленных задач, требует реализации ряда немедленных и решительных организационных

мероприятий. Марксистская теоретическая работа в области техники и технической политики должна вестись большевистскими темпами.

В этих целях на эту работу, как на важнейший партийный теоретический фронт, должен быть немедленно брошен достаточный отряд партийных марксистских сил. За недостаточностью наличных кадров техников необходимо на этот фронт переключить часть марксистов-экономистов, естественников, философов, историков и др. Только таким образом будет разрешена без потери темпов проблема кадров, необходимых как для разрешения насущной задачи развертывания научно-исследовательской работы в области техники и технической политики, так и для работы по преподаванию марксистской истории техники в наших вузах, согласно исторической директивы ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г.

Следует отметить, что до сих пор не была реализована даже прямая директива Ленина о необходимости преподавания во всей системе народного образования плана электрификации, плана ГОЭЛРО.

Необходимо немедленно реализовать эту директиву, подготовив и издав в этих целях учебники типа известной книги т. Степанова-Скворцова. Необходимо выпустить аналогичную работу для пропаганды дела химизации нашей страны, а также других крупных проблем технической реконструкции нашего хозяйства.

Теоретический фронт в области техники является важнейшим фронтом, требующим того, чтобы на него были немедленно брошены сильные отряды не менее квалифицированных партийцев, чем те, какие наша партия бросает на ряд других участков, в том числе и в Институты красной профессуры.

Только в этом случае можно будет «в кратчайший срок» получить необходимые нам марксистские работы в области техники и бросить их широко в массы. Перед марксистской теорией в области техники стоит задача пропаганды борьбы за социалистическую технику через массовые организации и общества и в первую очередь через общество «Техмасс» и изобретательские организации. Из масс рабочих-изобретателей, как и из рабочих, вносящих предложения, из ударников, должны черпаться лучшие силы для подготовки из них марксистских кадров технического фронта.

Ленин считал нужным заявить, что том ГОЭЛРО является второй программой нашей партии — необходимо во всей системе наших печатных органов в нашей партии развить марксистско-ленинскую пропаганду электрификации и освещения всей нашей технической политики.

Необходимо, кроме того, в кратчайший срок добиться издания массовой технической газеты «За социалистическую технику», которая своевременно и возможно полнее ориентировала бы нашу партийную и советскую общественность в основных проблемах техники и технической политики.

Необходимо также организовать издание теоретического марксистского журнала по вопросам техники и технической политики.

Необходимо поставить и начать ударными темпами разрешать проблему центральных и отраслевых музеев техники, которые явились бы необходимой материальной базой изучения и преподавания технических знаний и марксистской истории техники и которые вооружили бы технически миллионные массы в их борьбе за индустриализацию страны, за социалистическое переустройство на новой технической базе всего нашего народного хозяйства.

Во все это дело марксистского технического фронта можно и должно втянуть и находящихся за рубежом партийных товарищей-инженеров, техников, экономистов в первую очередь.

Для организации и руководства вышеуказанными работами в области техники и технической политики необходимо создать из Секции техники Комкадемии самостоятельный и достаточно мощный Институт техники и технической политики. Организацию этого

Института необходимо провести большевистским темпом, бросив на это дело достаточное число квалифицированных партийцев-техников и необходимые средства.

Институт техники и технической политики должен быть создан в самый ближайший срок и к созданию его, как и ко всем злободневным вопросам техники и технической политики должно быть проявлено такое отношение, как ко всякому новому важному фронту. Этот Институт должен будет опираться на систему ячеек в специальных марксистско-ленинских учреждениях (отделениях Комкадемии, институтах марксизма), в специальных научно-исследовательских институтах, а также на активную научную и массовую работу Общества техников-марксистов, недавно организованного при Комкадемии. Институт этот должен организовать ряд совместных работ с марксистами, работающими в смежных научных областях—экономистами, аграрниками, естествоиспытателями и др.

Борьба на теоретическом фронте в области техники и технической политики является важнейшим участком классовой борьбы пролетариата, на котором должен быть дан решительный бой капитализму оружием марксистско-ленинского метода. Научная работа в области техники, борьба за создание основ социалистической техники, вопрос о нашей технической политике является важнейшим партийным делом. На это дело должны быть брошены достаточные силы—к нему должно быть привлечено и соответствующее внимание всей партийной и советской общественности.

На это дело должны быть направлены внимание, забота и самая широкая действенная творческая самокритика всей партийной и технической общественности—рабочих, техников, хозяйственников и др. Широкое участие и широкая самокритика партийной общественности поможет сдвинуть новое и трудное дело организации марксистского технического фронта партии.

Как бы ни трудна была эта задача, как бы ни мало было здесь проторенных путей и как бы ни малы были наши наличные кадры—разрешение назревших проблем технического фронта, выдвинутых генеральной линией нашей партии и рядом партийных постановлений, не может зависеть от трудностей, узких мест, непонимания и нерешительности. Победа и на этом фронте под силу нашей великой партии, и эта победа должна быть одержана под руководством ЦК ВКП(б).

С. Бобинский, И. Бурдянский, О. Дзенис, Э. Кольман,
Ю. Милонов, Мод. Рубинштейн, Б. Таль.

ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТЭКОНОМИИ В СВЯЗИ С КРИТИКОЙ РЕФОРМИСТСКИХ ТЕОРИЙ¹

Темой настоящего доклада является преподавание политической экономии в связи с критикой социал-фашистских экономических теорий. Я поэтому не ставлю своей задачей систематическое изложение всех основных социал-демократических экономических теорий—это задачи особого доклада,—но хочу показать, что нового должна внести в преподавание политической экономии критика социал-демократических теорий, как теорий, представляющих собой идеологию самого главного, самого опасного врага в рядах рабочего класса. Я также не ставлю себе задачей дать готовую рецептуру введения этих моментов во все темы разделов наших программ по политической экономии. Я хочу, главным образом, изложить те выводы, к которым я пришел в процессе преподавания курса политической экономии, и прошу рассматривать доклад как предварительное подведение итогов этого опыта. Думаю, что критика этого опыта даст нам самый конкретный материал для усиления критического характера преподавания политической экономии.

¹ Сокращенная стенограмма доклада т. Сегалы, прочитанного в программной методической секции Института экономики 3 декабря 1930 г.

Мне кажется, что введение в преподавание политической экономии, в качестве составного элемента критики наших противников поможет нам несколько передвинуть центр тяжести постановки целого ряда теоретических проблем в преподавании политической экономии и более глубоко усвоить основные законы и положения марксистской теории.

Ведь политическая экономия Маркса не есть просто систематизированное собрание целого ряда догм и положительных формулировок. Политическая экономия Маркса есть по существу наука критическая. Сама марксова система политической экономии выросла как критика буржуазной политической экономии. Критика классиков, вульгарных экономистов, критика Прудона сыграли огромную роль в образовании марксовой теории.

Марксова теория возникла как теория критическая, как теория революционная и не только в смысле критики определенных ученых, определенных буржуазных экономистов, но и в смысле критики самого капитализма. Энгельс в «Анти-Дюринге» указывает на то, что наша политическая экономия есть социалистическая критика капитализма. В книге «Что такое друзья народа» Ленин пишет: Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему есть теория критическая и революционная». И это последнее качество действительно присуще марксизму всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией.

Ленин идет еще дальше в понимании критического характера марксизма. Он говорит, что нельзя понять экономическую систему Маркса, не поняв ее критического характера. В статье «Еще к вопросу о теории реализации», направленной против Струве, он говорит: «Остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемиического характера»; «полемиический характер» системы есть лишь точное отражение «полемиического характера» самого капитализма».

Попытки введения элементов критики противников в преподавание политической экономии у нас имеются в последних изданиях наших учебников, в особенности в программах, которые издал т. Розенберг, и это является большим шагом вперед в смысле преподавания политической экономии. Но каждый данный момент в развитии капитализма, каждая данная эпоха в развитии революционной борьбы пролетариата выдвигает перед нами все более определенные категории наших противников, на которых мы должны обращать особое внимание. В вопросе о том, кого критиковать мы не можем руководиться тем, что критика того или иного противника поможет оживлению курса; мы должны выбирать того или иного противника, который в данный момент является самым главным, самым опасным в рядах рабочего класса и имеет свои ответвления в наших собственных рядах.

Я думаю, что мы должны взять социал-демократию именно с этой точки зрения, вводить элементы критики социал-демократии, социал-фашизма с этой точки зрения. Я только вкратце остановлюсь на общей характеристике социал-фашистских экономических теорий, чтобы перейти к основной задаче доклада — показать каким образом в важнейших проблемах политэкономии эта критика помогает выявить классовый характер всех категорий, всех положений Маркса.

Особенность социал-демократии заключается конечно не просто в том, что она является сторонницей буржуазии, а в том, что она отход от марксизма, свою политику хозяйственной демократии, политику мирного вращивания капитализма в социализм пытается обосновать Марксом. Правда, это делают не все, но все же эта традиция отхода от марксизма под флагом толкования марксизма является для социал-демократии самой основной характерной чертой в отличие от теорий

других буржуазных противников, которые открыто критикуют Маркса, которые открыто утверждают, что капитализм вечный естественный строй.

Другой особенностью с.-д. теорий является то, что они должны выполнять особую служебную роль для социал-фашистской практики. Социал-фашизм должен свою предательскую практику представить в глазах масс как практику защиты интересов рабочего класса. Но нельзя марксизмом обосновать социал-фашистскую политику, ее можно «обосновать» только буржуазными теориями. Открыто же перейти на позиции буржуазной теории социал-фашизм также не может. Отсюда вытекает буржуазная «перелицовка» Маркса и эклектический характер с.-д. теорий при основном буржуазном их содержании. Нельзя искать в социал-демократической теории какого-нибудь единства, логического развития всех категорий, единства в смысле полной увязки всех элементов их теорий. Если мы посмотрим их учебники по политической экономии, все статьи, которые у них имеются, мы увидим, что по существу своему социал-демократическая теория является теорией эклектической. Она берет отовсюду все, что ей подходит для обоснования своей практики, своего основного лозунга о том, что переход в социализм возможен и необходим только через хозяйственную демократию, путем мирного преобразования, мирного перерастания капитализма в социализм.

В свое время Маркс, проводя сравнительный анализ классической политической экономии и вульгарной, указывал, что в то время как работа классиков заключалась действительно в том, чтобы объективно анализировать капитализм, работа вульгарных экономистов заключается в том, чтобы брать отовсюду все, что подходит для оправдания капитализма. Эта мысль Маркса, эта характеристика Маркса вульгарной политической экономии полностью приложима к современной социал-демократии. Самое главное, что нас должно интересовать в критике с.-д. теорий — это марксистскообразные элементы их эклектических теорий, не столько пожалуй открытая критика ими Маркса, сколько их «толкования» Маркса, вопрос о том, как они «принимают» те или иные положения Маркса, как они их «развивают». Ибо как раз эти моменты и их «теории» наиболее опасны для нас, для рабочего класса.

Все эти особенности с.-д. теорий придают особое значение критике их в преподавании политической экономии. Эта критика особенно резко заставляет выпячивать, углублять и усвоить классовое содержание всех категорий марксовской политической экономии.

Возьмем вопрос преподавания теории стоимости. В чем основной недостаток нашего обычного преподавания теории стоимости? Я предупреждаю, что не хочу очень обобщать, я говорю о преподавании на основании учебников. Я думаю, что как бы программа ни составлялась, осуществление ее всегда зависит от учебного материала, которым пользуются наши студенты и слушатели. Основным недостатком в преподавании теории стоимости является следующее: центр тяжести постановки самой проблемы стоимости переносится на вопрос о равновесии. Посмотрим хотя бы последнее издание учебника Липидуса и Островитянова. О противоречии товара, об основном, что должно быть выпячено в теории стоимости, говорится очень мало, а там где говорится, то подход к выявлению противоречия товара очень формальный. Вначале говорится о фетишизме. Но все моменты товарного фетишизма как основного противоречия товарного производства совершенно не выявлены в трактовке целого ряда важнейших вопросов в самой теории стоимости. Если мы возьмем формы стоимости, то совершенно выпадает освещение развития внутренних противоречий товара через развитие формы стоимости.

В основном обращается внимание на то, что форма стоимости проходит три или четыре этапа — простая форма, развернутая, всеобщая и т. д. Но выявление самого главного противоречия, обособление его между товаром и деньгами, выявление того, как в этом противоречии получает свое выражение наиболее коренное противоречие товарно-капиталистического способа производства — это остается совершенно в стороне. В учебнике Михалевского ставится вопрос о противоречии между потребительной стоимостью и стоимостью. Но ответ Михалевского очень

похож на ту точку зрения, которую развивает Гильфердинг в критике Бем-Баверка, а именно, что это противоречие точек зрения, а не реально существующее противоречие как отражение и как форма проявления основного противоречия товарного производства, противоречия между общественным характером труда и частной формой присвоения.

Рассмотрим, как социал-демократы подходят к трактовке теории стоимости, и посмотрим, какие моменты мы должны выпячивать в положительном изложении теории Маркса. В одной из самых последних работ, вышедшей весной этого года, в книге Браунталя, левого социал-демократа, под названием «Социалистический учебник политической экономии», автор указывает в предисловии, что «читатель должен видеть в этой книге марксистский учебник экономики, но не учебник марксовой экономики».

Уже Каутский, Кунов и др., когда они свой отход от марксизма почти закончили, говорили: «Мы, марксисты, но это не значит, что мы целиком и полностью принимаем все то, что говорил Маркс, мы принимаем только метод Маркса».

Браунталь излагает теорию Маркса, теорию Бем-Баверка, излагает другие теории и потом дает свое суждение о них в виде эклектической каши, в которой причудливым образом переплетаются всевозможные буржуазные точки зрения. Интересно его толкование самого существенного в марксовой теории. Как в этом учебнике, так и в другом учебнике двух социал-демократов, братьев Нельтинг, по существу излагающих оппенгеймеровскую теорию и тоже ссылающихся на Маркса, марксовая теория стоимости называется теорией равновесия. Марксова теория стоимости есть якобы эквивалентная теория стоимости, которая объясняет нам равновесие. Характеризуя самое важное в марксовой теории стоимости, Браунталь говорит следующее: «Большой шаг вперед, который марксова трудовая теория стоимости представляет по сравнению со всеми предшествовавшими ей теоретическими построениями, заключается в том, что Маркс квалифицировал (свел к количественным определениям) ту общую и в этой общности бесплодную экономическую идею, что стоимость товара определяется трудом». Самая основная, самая главная, величайшая заслуга Маркса заключается-де в том, что он идею об определении стоимости труда свел к количественным определениям.

Действительный смысл такой квалификации марксовой теории стоимости как эквивалентной, как теории равновесия заключается в том, чтобы выбросить качественное определение стоимости, то качественное определение стоимости, которое сводится к тому, что стоимость является особым способом выражения общественного труда в том обществе, где общественный труд протекает в форме частного труда.

Интересно, что Маркс в своей критике Рикардо именно в количественном определении стоимости усматривал величайший недостаток теории Рикардо, который не дал ему возможности понять сущность денег и необходимость общих кризисов перепроизводства при капитализме. В главе о кризисах во втором томе «Теории прибавочной стоимости» Маркс указывает следующее: «Это неправильное понимание денег покоится у Рикардо на том, что он вообще имел в виду только количественное определение меновой стоимости, а именно, что меновая стоимость равна определенному количеству рабочего времени; но он забывает качественное определение, заключающееся в том, что индивидуальный труд путем своего отчуждения должен проявляться как абстрактно-всеобщий, общественный труд»¹. Вот в этом качественном определении стоимости, в этом качественном понимании стоимости, в том, что стоимость не вообще труд, затраченный на товар, а в том, что стоимость есть особая форма проявления труда — в этом кроется диалектическое противоречие. Выбрасывая эту противоречивую сторону определения стоимости, социал-демократы тем самым расчищают путь к тому, чтобы выбросить и все другие противоречия товарного хозяйства и капитализма.

¹ «Теория» том II, часть 1-я, раздел третий, § 4. «Единство купли и продажи, процесса производства и процесса обращения».

В чем заключается суть теории хозяйственной демократии, как не в признании общности интересов капиталистов и рабочих, как не в том, чтобы, совершенно отвлекаясь от основных противоречий капитализма, видеть в нем только организацию. Раз есть организация, значит уже капитализм созрел для того, чтобы самому автоматически превращаться в социализм. Больше того, социал-фашист Нафтали, бывший редактор «Frankfurter Zeitung» одного из органов крупной буржуазии Германии, в своем докладе, сделанном на Гамбургском конгрессе немецких профсоюзов, так и говорил, что будущий историк будет рассматривать современный поздний капитализм, как ранний социализм.

Такое истолкование Маркса нужно социал-фашизму для того, чтобы выбросить самое существование противоречия, проявляемого в товаре, и тем самым освободить себе путь для дальнейшего развития своей теории. Следует сказать, что по этой же линии идет и «теория закона трудовых затрат», которая тоже видит в стоимости только количественные пропорции, видит в ней какую-то оболочку определенных количественных пропорций, которую они потом сбрасывают.

В наших советских вузах мы поставлены перед необходимостью критики наших противников, но еще не сделали поворота в этом направлении. Если бы мы поставили эту задачу конкретно, это помогло бы нам сразу выявить нашим слушателям самое основное в теории стоимости, и это облегчило бы поворот внимания от трактовки теории стоимости исключительно с точки зрения регулятора. Центр тяжести не здесь, а в том, чтобы показать стоимость как превращенную (в марковом смысле) форму общественного труда, как элементарную форму противоречий капиталистического способа производства. Мы часто говорим об овеществлении производственных отношений. Этот термин так набил оскомину студентам, что они берут его, не улавливая, в чем же суть овеществления производственных отношений. А между тем в свете критики наших классовых противников легко было бы поставить вопрос о противоречии между стоимостью и потребительной стоимостью как формы проявления противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Энгельс в «Анти-Дюринге» указывает на то, что в товарной форме продукта уже имеются в зародыше все противоречия современного способа производства — противоположность между буржуазией и пролетариатом, кризисы и т. д. Почему мы в нашем преподавании — а это очень облегчило бы нашим студентам понимание теории стоимости — не можем поставить себе задачей — развернуть и конкретизировать эту мысль Энгельса хотя бы в том виде, как Маркс делает это в «Теориях прибавочной стоимости» или в 15-й главе III тома «Капитала» (внутренние противоречия закона падения нормы прибыли), говоря, что кризис является наиболее острым противоречием между стоимостью и потребительной стоимостью? Тут же, при преподавании теории стоимости надо также показать, что где имеется стоимость, где продукт принимает товарную форму, там неизбежно развитие капитализма. Именно так ставят этот вопрос Энгельс в «Анти-Дюринге» и Маркс в 4-й главе. Анализируя противоречие общей формулы капитала, Маркс высказывает мысль, что там, где имеется товарное производство, там должен быть и капитализм, что нельзя уничтожить капитализм, не уничтожая товарного производства. Я думаю, что сосредоточивая внимание студентов при изучении ими стоимости на анализе противоречий, а не на регуляторе, ставя проблему регулятора как частный момент движения противоречий, мы могли бы дать и некоторую иную трактовку теории товарного фетишизма, излагать ее по Марксу. Не только ставить вопрос, что товарный фетишизм выражается во власти вещей над людьми, что производство подчинено вещам (это часто в головах студентов принимает какой-то непонятный мистический характер), но и показать, что стоимость является определенной превращенной формой общественных отношений при товарном способе производства.

Одним словом, надо в связи с критикой социал-демократов преподавать теорию стоимости Маркса как основу критики капитализма.

Перехожу к следующему вопросу: что нового вносит не в смысле принципиальном, но в смысле некоторого сдвига постановки преподавания проблем политэкономии, критика социал-демократических теорий при изучении прибавочной стоимости. До сих пор у нас опять-таки обращается очень мало внимания на то, чтобы при изложении учения Маркса о стоимости рабочей силы вместе с тем дать развернутую критику понятия «стоимости самого труда». Это у нас делают при прохождении заработной платы или же просто отщепляются тем, что говорят, что труд не может иметь стоимости, т. к. он сам создает стоимость. Но не выявляется при этом все классовое, принципиальное значение той критики «стоимости труда», которую Маркс в свое время проделал.

Интересно, что некоторые современные социал-демократы возражают против основного принципа Маркса о том, что рабочий продает не труд, а рабочую силу. Оппенгеймер, который провел очень большую, в смысле количества страниц, работу против этого принципа Маркса, вернулся по существу на позицию Дюринга, а учебники социал-демократии по политэкономии, в частности, Нельтингов, подходя к вопросу об эксплуатации, так именно и ставят вопрос, что Маркс ошибся, утверждая, что рабочий продает рабочую силу, а не труд, так как рабочий, продавая рабочую силу, продает якобы сам себя.

Браунталь этого так открыто не делает. Он подходит с другой точки зрения, с другой стороны извращает теорию прибавочной стоимости Маркса. Надо сказать, что подобно тому, как социал-демократы проблему стоимости переносят в проблему цен, подобно этому они проблему эксплуатации переносят в плоскость проблемы распределения. У них не имеется проблемы эксплуатации как основного производственного отношения между буржуазией и пролетариатом — у них вместо этого есть проблема распределения общественного или социального продукта. Совершенно ясно, что, если говорить о том, что продается труд, а не рабочая сила, исчезает всякая возможность эксплуатации. Но если мы возьмем тот уточненный подход, который имеется у Браунталя, то для нас станет ясно, что сейчас в связи с критикой социал-демократии, мы должны связать этот вопрос стоимости рабочей силы, а не труда, с целым рядом кардинальных проблем политической экономии, в известном смысле также методологических.

Вот несколько выдержек из Браунталя по этому вопросу.

«Грандиозная классовая борьба, которая разыгрывается в современном обществе, является в первую очередь борьбой за распределение общественного продукта и во вторую очередь в связи с этим выступают перед нами крупные вопросы организации хозяйства». Значит, основа классовой борьбы — это распределение общественного продукта, т. е. социального продукта, продукта общества, а не продукта, созданного рабочим классом. Вопрос заключается в том, чтобы его делить. Делят обыкновенно то, что создано совместно. Если я делю то, что создавал не я, а создавал другой, то это уже не есть дележ, это грабеж, эксплуатация. Эта концентрация стоит в очень тесной связи с основной концепцией вульгарной политической экономии, теории трех факторов производства, которая заняла господствующее положение во всех современных системах буржуазных политических экономий. Три фактора производства, три самостоятельных источника дохода — капитал-прибыль, земля-рента, труд-зарплата.

Браунталь, излагая теорию эксплуатации у Маркса, излагая и некоторые буржуазные теории, переходит к оценке этих теорий.

Он говорит: «Представление о хозяйственной гармонии интересов между классами было тем самым (различением стоимости рабочей силы и стоимости, созданной трудом) разрушено до основания». Казалось бы, очень хорошо. Действительно, то великое открытие, которое сделал Маркс в смысле различения стоимости рабочей силы и стоимости, создаваемой трудом, имеет величайшее историческое значение. Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит об этом следующее: «Для социализма, который хочет освободить человеческую рабочую силу от ее положения в качестве товара, величайшее значение имеет понимание того, что труд

никакой стоимости не имеет и иметь не может». И дальше: «Решение этого вопроса (превращения денег в капитал) является заслугой Маркса, произведшей целый переворот... С него (решения) начинается, вокруг него группируется научный социализм». Мы видим, какое колоссальное значение придает Энгельс критике «стоимости труда» и какое по сравнению с этим ничтожное внимание уделяется этому вопросу в нашем преподавании.

Браунталь говорит, что это представление разрушило до основания теорию гармонии между капиталистами и рабочими, и очень тонко и хитро он дальше переходит на позиции вульгарной политической экономии, которая была в свое время раскритикована Марксом. На страницах 62—64, переходя к оценке продуктивной теории дохода, теории, видящей основу распределения в изменениях производительности капитала и труда, он говорит: «Теория производительности, рассматриваемая с точки зрения заработной платы, несомненно имеет в одном пункте величайшее практическое значение и оправдание. Из нее вытекает закон: рост заработной платы имеет своей абсолютной границей производительность труда. И обратно: чем выше производительность, тем выше при определенных условиях может быть заработная плата. В этом пункте теория производительности несомненно правильнее теории Маркса».

И дальше он делает из этого практически следующие выводы следующего порядка: «Естественно не может быть больше распределено, чем произведено. Чем больше произведено, тем больше имеется в распоряжении для распределения. Поэтому несомненно рабочий заинтересован в возможно большем или далеко идущем росте производительности своего труда».

Вот практическая квинтэссенция всей теории и тот сложный хитрый маневр, который продельвает Браунталь для того, чтобы раньше сказать, что Маркс разрушил до основания теорию гармонии интересов капиталистов и рабочих, и чтобы затем самому перейти к этой позиции, по существу к теории гармонии интересов.

Приведу цитату из «Теорий прибавочной стоимости», где у Маркса дан разбор всей этой чепухи.

В самом конце третьего тома «Теорий прибавочной стоимости» Маркс, критикуя обычное вульгарное представление о трех самостоятельных источниках дохода в капиталистическом обществе, указывает следующее (и мне кажется, что этот отрывок должен фигурировать обязательно во всех учебниках по политической экономии): «Например, в формуле — земля-рента, капитал-процент, труд-заработная плата — различные формы прибавочной стоимости и виды капиталистического производства противостоят друг другу не как отчужденные, а как чуждые и равнодушные, как только различные, без противоположности. Различные доходы текут из совершенно различных источников — один из земли, другой из капитала, третий из труда. Они поэтому не находятся в враждебной связи, ибо между ними вообще нет никакой связи. Если они в производстве действуют все же совместно, то это гармоническое действие, выражение гармонии, подобно тому, как, например, крестьянин, волю, плуг и земля в земледелии, в действительном процессе труда, несмотря на их различие, гармонически действуют совместно. Поскольку между ними имеется противоречие, оно возникает исключительно из конкуренции — кто из этих агентов присвоит себе из продукта, из стоимости, которую они вместе создали. И если при случае дело доходит до потасовки, то в конце концов, в результате этой конкуренции между землей, капиталом и трудом, оказывается, что, пока они состязались между собой за дележ, они своим соревнованием настолько увеличили стоимость продукта, что каждому достается больший кусок, так что сама конкуренция между ними проявляется как побудительный мотив их гармонии».

Эту вульгарщину повторяет Браунталь, когда говорит, что классовая борьба является в первую очередь борьбой за распределение общественного продукта, и когда он приходит к следующему выводу: «Не может быть больше распределено,

чем произведено, и чем больше произведено, тем больше имеется в распоряжении для распределения. Поэтому рабочий заинтересован в возможно большем росте производительности своего труда». Несомненно, что если бы мы дали критику стоимости труда, мы столкнулись бы с необходимостью дать и критику вот этой вульгарной теории трех факторов производства. И мы выяснили бы учащимся, в чем заключается основное отношение между капиталистами и рабочим классом, что заработная плата не является одним из видов дохода, но что это есть вид дохода, принципиально отличающегося от всех остальных видов дохода в капиталистическом обществе.

Самым лучшим в своей теории Маркс считал три момента: понимание двойственного характера труда и затем рассмотрение прибавочной стоимости независимо от ее особых форм проявления. Этот вопрос у нас совершенно не ставится, когда мы приступаем к прохождению теории прибавочной стоимости. Если бы мы поставили его в связи с критикой взглядов социал-демократии, что основными отношениями между классами являются распределительные отношения, а не отношения эксплуатации, мы содействовали бы несомненно более глубокому и действительному пониманию прибавочной стоимости, ибо, в конце концов у студента после того, как он окончил раздел прибавочной стоимости, все сводится к определенным математическим формулам, не заполненным никаким реальным живым содержанием. Но всей критики буржуазного понимания класса, своего отношения, той социалистической критики, которую дал Маркс, когда он сам вырабатывал теорию прибавочной стоимости — этого у нас совершенно нет.

Для иллюстрации того, каким образом мы всегда можем ввести в преподавание теории прибавочной стоимости элементы политики, дадим несколько перлов из социал-демократических писаний, чтобы показать, как далеко они заходят, исходя из понимания «стоимости труда», а не рабочей силы. Действующий в Германии закон о фабрично-заводских комитетах принят в 1920 году при словесной оппозиции со стороны социал-демократии, но при фактическом ее содействии. Первый параграф этого закона о заводских комитетах гласит следующее: «Для обеспечения общих хозяйственных интересов работополучателей в отношении к работодателям, для поддержки работодателей в выполнении хозяйственной цели предприятия, во всех предприятиях, в которых имеется по меньшей мере 20 наемных работополучателей, организуются фабрично-заводские комитеты», т. е. сама цель этих фабрично-заводских комитетов формулируется с точки зрения обеспечения общих интересов, а практика социал-демократии сводится, между прочим, к тому, что члены фабрично-заводских комитетов должны заботиться и о сбыте продуктов своего предприятия для того, чтобы, по теории Браунталя, досталось больше рабочим. А «Форвертс» уже в 1930 году по вопросу наступления на заработную плату в Германии, наступления, производимого при помощи социал-демократии, пишет следующее: «Социал-демократия, если она не хочет предоставить рабочим на произвол судьбы, должна в пределах капиталистической формы заботиться о дальнейшем развитии и подъеме производства».

И такие «идеи» можно найти во всей современной с.-д. литературе. Социал-демократы, которые раньше всячески пропагандировали свою мысль, что фактором, который даст возможность избежать кризисов, является высокая заработная плата, теперь, с наступлением кризиса, фактически утверждают, что фактором, который должен помочь изжить уже наступивший кризис, должна быть низкая заработная плата.

С теории высокой заработной платы, которую они пропагандировали несколько лет назад, фактически сейчас переходят на теорию низкой заработной платы. Конечно они не могут выступать с лозунгом сокращения заработной платы, они должны формально выступать против попыток капиталистов понижать заработную плату, но делают это так, что фактически получается низкая зарплата В *Sozialistische Monatshefte*, которые правда не являются законодательным органом общественного мнения социал-фашизма, помещена была статья, очень харак-

терная для всей социал-фашистской литературы. Основные мысли этой статьи в разных вариантах повторяются всеми с.-д. органами. Интересно, что цитата из этой статьи была помещена в отчете «Darmstädter und National Bank» — одного из крупнейших банков Германии за 1929 г. Крупный финансовый капитал Германии обосновывает свое наступление на рабочий класс цитатами из социал-демократической прессы. Вот эта цитата: «Тот, кто беден, может вернуться к благополучию только путем сбережения и труда, а не путем растущего потребления благ.... Эта точка зрения вообще не зависит от хозяйственной формы, она имеет силу для социалистического хозяйства, как и для капиталистического. Ведь и социалистическое общество должно «накапливать капитал», т. е. должно достаточно сберегать для продолжения и расширения производства. Также и в социалистическом обществе существует антагонизм между людьми настоящего, которые хотят побольше потреблять, и людьми будущего, которые хотят сберечь и расширять производство. Но так стоит вопрос и сейчас. Социалист имеет все основания смотреть прямо в глаза действительности и стать на сторону труда для «будущего». Вот это «стать на сторону труда для будущего» в переводе на язык практики означает решительное понижение заработной платы, решительные льготы, которые провел Гильфердинг в смысле понижения ставки налогов на капитал и т. д. Интересно отметить, что все эти писания во всевозможных вариантах, под всевозможными соусами повторяются от органа Бернштейна до органов «левой» социал-демократии.

Таким образом мы можем связать такие может быть абстрактные вопросы, как вопрос о критике «стоимости труда», с разоблачением непосредственной политики социал-демократии. Такая критика социал-демократии конечно должна также помочь нашим товарищам более глубоко понять те события, которые происходят на Западе, в Америке и т. д., должна помочь им и в понимании теоретических корней уклонов в наших собственных рядах, потому что все выбрасываемые Коминтерном ренегаты, правые и «левые», все они, в конце концов, приходят на эту позицию, конечно прикрываясь обильной фразеологией.

Мы должны поставить и теорию стоимости и теорию прибавочной стоимости именно в связи с критикой социал-демократии. Теория стоимости должна иметь своей основной задачей подготовку студентов к восприятию и пониманию теории прибавочной стоимости, а не, как это до сих пор делается, изучение регулятора товарного хозяйства. Ведь по существу говоря на данной стадии, в начале курса, студент и не совсем подготовлен к пониманию этой проблемы. Вопрос о стихийном регулировании необходимо поставить в теории цен производства. В теории же стоимости основное — это понимание противоречий, понимание того, как стоимость должна превратиться в прибавочную стоимость. А в теории прибавочной стоимости надо заниматься не одними определениями, не различными формулами, а главным образом всесторонним выявлением различных точек зрения на отношения между капиталистами и рабочими. Это сразу придаст политический, критический, боевой характер всему нашему преподаванию теории.

Я конечно не могу исчерпать всех проблем. Я думаю, что может быть будет целесообразно поставить ряд докладов других товарищей, которые поделятся здесь своим опытом в других проблемах политической экономии.

Я хотел бы еще остановиться на следующем моменте. Постановка критики противников должна помочь также решению других задач, которые всеми нами осознаны, о которых много говорилось в связи с докладом т. Розенберга здесь на собрании этой секции, весной этого года. Речь идет о конкретизации преподавания политической экономии. При этом я понимаю конкретизацию не как иллюстрирование теоретических положений, а как дальнейшее развитие теории.

Разъясню это опять на прибавочной стоимости. Весь тот конкретный материал, который Маркс дает в соответствующих главах первого тома «Капитала» по этому вопросу, это не простая иллюстрация основных положений, это дальнейшее

их развитие. Когда он излагает теорию относительной прибавочной стоимости, он сначала дает понятие, а затем переходит к рассмотрению методов производства и развертывает всю конкретную картину положения рабочего в капиталистическом предприятии. Вот эту работу, то, что Маркс проделал над конкретным материалом своего времени, мы должны проделать над конкретным материалом нашего времени не только для иллюстрации, но в связи с необходимостью ведения борьбы с нашими противниками.

Социал-демократы имеют свою теорию хозяйственной демократии, составной частью которой является так называемая теория демократии в предприятии. Хозяйственная демократия у них означает участие представителей профсоюзов в высших руководящих органах, в парламенте, в наблюдательных советах и т. д. Но кроме того есть еще демократия в предприятии. Основными элементами этой «демократии» является договор, тарифный договор, который включает в себе ряд пунктов об охране труда, участие представителей профсоюза или заводского комитета в наблюдательном совете и т. д. Вот здесь, в связи с этим мы должны развернуть действительную картину той «демократии» в предприятии, которая имеется в современном капиталистическом предприятии.

Маркс в первом томе «Капитала», говоря об относительной прибавочной стоимости, много внимания уделяет в главе о кооперации той мысли, что производительная сила труда является производительной силой капитала. Как он это делает? Он проводит там очень интересную мысль, которая может нам дать кое-что и для понимания характера производственных отношений в нашем социалистическом советском предприятии... Он говорит: «Как независимые личности, рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу». Объединяет их капитал, и поэтому производительные силы труда выступают как производительные силы капитала. То обстоятельство, что рабочие в капиталистическом предприятии выступают в отношении не друг к другу, а к одному и тому же капиталу, сразу дает основной классовый тон господствующим внутри предприятия отношениям. А мы в этом отношении очень много грешили и до сих пор продолжаем грешить, говоря о техническом разделении труда. Маркс нигде не упоминает этого термина. Он говорит о разделении труда в обществе и разделении труда в мануфактуре. В основном этот термин произошел от Богданова. Это развито у т. Бухарина. Точно такая же установка технического разделения труда и у Рубина. И вот здесь наша задача сейчас показать капиталистическое лицо самого предприятия, всех моментов превращения рабочего в придаток машины. Мы должны на современном материале показать, что в капиталистическом предприятии не рабочий применяет средства труда, а, наоборот, что капитал командует над общественным трудом, что капиталист является капиталистом не потому, что он организует производство, а он организует производство потому, что является капиталистом, и т. д. Все это мы должны показать на анализе современного капиталистического предприятия, в связи с тем, что нам необходимо перед рабочим классом разоблачить всю фальшь социал-демократии; когда она говорит, что сейчас в капиталистическом предприятии имеются элементы демократии. Нужно сказать, что то, что в свое время Маркс написал в «Капитале», в очень многих пунктах бледнеет перед тем, что мы имеем теперь на капиталистических предприятиях, не говоря уже о колониях. Вряд ли вы поверите тому, что в Южной Америке есть рудники, где рабочие работают 36 часов подряд, причем это не туземные рабочие, а белые. Маркс в свое время описывал продажу детей для фабрикантов. Мы сейчас имеем в Японии специальных поставщиков детей для фабрик.

У нас работает группа товарищей, занятых простым описанием того, что делается в капиталистической Европе. Там система шпионажа, утонченнейшие системы заработной платы, буквально приковывающие рабочего к предприятию, мы там имеем превращение его в действительного раба капитала. Нам необходимо осветить эти вопросы перед нашими советскими учебными заведениями, перед

нашими советскими рабочими, которые подчас имеют самое извращенное представление о том, что делается в капиталистических предприятиях. Если они видят, что сюда приезжают немецкие или английские рабочие с воротничками и галстуками, то им кажется, что там рай.

Выявление современного положения рабочих на современных капиталистических предприятиях имело бы колоссальное революционизирующее значение в смысле подъема интернациональной активности в отсталых слоях рабочего класса у нас в СССР.

Еще один момент, который я в связи с «демократией в предприятии», хотел бы затронуть и в котором переплетаются не только вопросы критики противников и конкретизации, но и вопросы нашей тактики — это вопрос о рационализации. Судя по всему, вопрос о рационализации в современном капиталистическом обществе как-то обходится при преподавании относительной прибавочной стоимости. Социал-фашисты еще в 1925 году, когда в Германии вопрос о рационализации был поставлен как широкая кампания со стороны капиталистов и со стороны самой социал-демократии, в меморандуме, который издал Центральный совет германских профсоюзов, писали следующее: «В согласии с меморандумом союза немецких промышленников мы считаем рационализацию одной из важнейших попыток повышения благополучия... Р а ц и о н а л и з а ц и я н е о б х о д и м а». Сейчас уже социал-демократы вынуждены заявить (ибо нельзя уже не констатировать того факта, который видят миллионы рабочих), что рационализация ухудшает положение рабочего класса. Но, несмотря на это, они все же за дальнейшее увеличение рационализации и продельвают это под таким соусом. Современный кризис вызвал необходимость перевода целого ряда предприятий на сокращенную рабочую неделю и сокращенный рабочий день. И вот здесь один социал-фашист Франц Гиринг в теоретическом официсе Центрального совета профсоюзов «Die Arbeit» пишет статью, в которой он обсуждает вопрос о том, как нужно бороться с безработицей путем сокращения рабочего времени: «Мы можем бороться с безработицей путем сокращения рабочего времени только в связи с мероприятиями, которые повышают производительность труда». Это означает дальнейшую рационализацию существующих предприятий. Надо сказать, что в Германии эта рационализация в крупнейших предприятиях уже началась. Этот же Гиринг с самым откровенным цинизмом заявляет: «До самого последнего времени немецкий рабочий класс выступал за рационализацию. В противоположность английскому рабочему классу немецкий рабочий класс прошел школу марксизма и понял, что каждый технический шаг вперед требует жертв, прежде чем выявятся общие улучшения условий труда». Немецкий предприниматель имеет все основания поблагодарить проклинаемый им марксизм за то, что он (марксизм) помог им (предпринимателям) без значительного сопротивления со стороны рабочего класса провести ту рационализацию, которая выбросила на улицу сотни тысяч рабочих. Вот недвусмысленное, «голое» отношение социал-фашизма к рационализации. В этом свете становится совершенно ясным то значение, которое имеет с.-д. лозунг борьбы против последствий рационализации.

VII пленум ИККИ в конце 1926 года обсуждал вопрос о капиталистической рационализации. Я думаю, всем известны те неправильности, которые имелись тогда в докладе т. Бухарина. Он ставил вопрос приблизительно так, что мы не должны с водой выкидывать и ребенка. Рационализация имеет две стороны: сторону техническую и сторону социальную. Можем ли мы быть против технической рационализации? Конечно, нет. Мы не ставим вопрос так, что мы должны содействовать капитализму. Мы не выступаем за введение машин, но не выступаем и против машин. Мы нейтральны по отношению к машине. Но мы не можем нейтрально подходить к социальной стороне рационализации, а социальная сторона рационализации заключается в интенсификации труда, в росте безработицы, в падении заработной платы рабочих, в быстром изнашивании организма рабочих и т. п. И поэтому мы, нейтральные к технической стороне рационализации,

должны бороться против социальной стороны ее. Такова была в основном точка зрения т. Бухарина на VII пленуме ИККИ. Социал-демократы выдвигали лозунг — против последствий рационализации. Но ведь с капиталистической точки зрения рационализацией является и удлинение рабочего времени. Как можно бороться с последствиями удлинения рабочего времени, не борясь с самим удлинением рабочего дня? Совершенно ясно, что социал-демократы не выдвигают лозунга перехода к 7-часовому рабочему дню, как лозунга, который они собираются действительно проводить в жизнь. Все это является только словесной шелухой для того, чтобы обмануть рабочий класс.

Мы должны дать совершенно четкую формулировку нашего отношения к капиталистической рационализации, чтобы каждому рабочему было ясно то коренное различие, которое существует между нашей тактикой и тактикой социал-демократии. А между тем расщепление рационализации на две «стороны», нейтралитет в отношении технической стороны не проводит этого глубокого водораздела между нами и социал-демократией.

Тов. Куусинен на X пленуме ИККИ (июль 1929 года) совершенно правильно отметил, что нельзя утверждать, что нет никакого технического прогресса в современном капитализме. Но это не является основой рационализации: «Капиталистическая рационализация в собственном смысле слова означает вынуждение рабочего к наивозможно большей интенсификации труда через реорганизацию процесса труда по системе конвейера или же другой принципиально с ней сходной системе, автоматически подгоняющей и контролирующей интенсивность труда».

Наш лозунг в таком случае должен быть совершенно конкретным и четким. Мы не можем говорить о борьбе против последствий рационализации или против одной стороны ее. Мы должны говорить о борьбе против самой капиталистической рационализации. А теоретически наш лозунг необходимо обосновать учением Маркса об абсолютной и относительной прибавочной стоимости в связи с анализом на основе этого учения современной капиталистической рационализации.

Я попытался показать только на двух проблемах (стоимость и прибавочная стоимость), что нового должна внести в преподавание политэкономии критика наших противников. Точно так же обстоит дело и со всеми остальными проблемами курса, но это требует еще нескольких докладов. Да и в названных двух проблемах я выявил далеко не все моменты. Основное, что я хотел показать, это то, что даже в преподавание такой абстрактной проблемы можно и нужно внести элементы политики. Мы должны внести элементы политики в каждую теоретическую проблему, чтобы студенту была ясна классовая сущность всех категорий, в том числе и такой категории, как стоимость. Мы должны показать студентам, каким образом из того или иного понимания, даже из малейших оттенков в понимании основных категорий политической экономии вытекают различные политические линии. И всего этого мы можем достичь, если мы не на словах, а на деле возьмемся за то, чтобы преподавать политэкономии как критическую, воинствующую пролетарскую науку. Без усвоения полемического характера марксизма нельзя усвоить самую систему марксизма.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Борилин Б., Бутаев К., Бурдянский И., Грановский Е., Козлов Г., Кривицкий М., Милютин В. (ответ. редактор), Рубинштейн М., Розенберг Д., Тирзбанурт Т.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	Стр.
К. Бутаев — СССР завершает построение фундамента социалистической экономики	3
Я. Бумбер — Коллективизация и весенняя посевная кампания	19
Л. Гатовский — О задачах теории советского хозяйства	29
М. Кривицкий — К вопросу об экономике переходного периода	57
Дм. Илимский — Кооперация и ее этапы	71
А. Батиков и К. Гричик — В защиту марксовой теории воспроизводства	88
В. Докукин — Транспортная монополия и конкуренция в условиях нынешнего экономического кризиса	108
КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ	
И. Пильмейстер и И. Блюмин — Суб'ективная школа в политической экономии т. I-й, изд. 2-ое	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Задачи теоретического фронта в области техники и технической политики	140
Преподавание политэкономии в связи с критикой реформистских теорий (доклад т. Сегалья в Ком. Академии)	147

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМ. ИЗДАТ-ВО

на 1931

Принимается подписка
на журнал

на 1931

НА ПЛАНОВОМ ФРОНТЕ

ОРГАН ПРЕЗИДИУМОВ
ГОСПЛАНОВ СССР и РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: А. М. Аникст, А. И. Бердников, Я. Ф. Бумберг, С. М. Диканский, Э. И. Квиринг, Г. М. Кржижановский, А. В. Левин, Н. А. Паскуцкий, К. Я. Розенталь, Д. Я. Эвентов

Отв. редактор К. Я. РОЗЕНТАЛЬ

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й
24 НОМЕРА В ГОД

НА ПЛАНОВОМ ФРОНТЕ

Основной задачей журнала является освещение важнейших вопросов экономики планирования и экономической политики СССР, а также важнейших вопросов мировой экономики. Журнал рассчитан на рабочий и партийный актив, на широкий круг работников плановых и хозяйственных органов.

широко освещает основные текущие проблемы социалистического строительства СССР, ведя решительную борьбу с мелкобуржуазными течениями и оппортунистическими шатаниями.

разрабатывает актуальные вопросы генерального плана, пятилетнего народнохозяйственного плана и годовых контрольных цифр и коренные вопросы социалистической реконструкции народного хозяйства.

систематически освещает важнейшие вопросы текущей конъюнктуры народного хозяйства СССР, а также следит за важнейшими вопросами в области мировой конъюнктуры и экономики мирового хозяйства.

систематически освещает текущие вопросы методологии и практики планирования центральных и местных плановых органов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 8 руб.

на 6 мес. 4 руб.

Отдельный номер — 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Периододекторе Книгоцентра ОГИЗа (Моонва, центр, Ильинка, 3), во всех отделениях, магазинах, киосках Книгоцентра ОГИЗа и на почте.